

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ
НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
при ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

На правах рукописи

Карпова Юлия Сергеевна

Гражданско-правовые способы защиты цифровых прав

Специальность: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор
заслуженный юрист Российской Федерации
Зайцев Владимир Васильевич

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
ГЛАВА 1. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЦИФРОВЫХ ПРАВ.....	27
1.1. Цифровые права в правовых порядках зарубежных стран.....	27
1.2. Понятие и правовая природа цифровых прав в Российской Федерации.....	51
ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ И ФОРМЫ ЗАЩИТЫ ЦИФРОВЫХ ПРАВ.....	94
2.1. Понятие и особенности защиты цифровых прав.....	94
2.2. Формы защиты цифровых прав.....	114
ГЛАВА 3. СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ЦИФРОВЫХ ПРАВ.....	142
3.1. Содержание способа защиты цифровых прав.....	142
3.2. Защита имущественных прав, включенных в цифровое право.....	158
3.3. Внесение (изменение) записи в информационную систему как способ защиты цифровых прав.....	178
Заключение.....	208
Список использованных источников и литературы.....	214

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования.

Современные общественные системы стремительно изменяются под влиянием цифровизации, охватывающей все сферы общественных отношений. Цифровая трансформация затронула традиционные институты общества, изменяя основы публичной и частной сфер, функционирование государства, права и экономики. Предстоящее десятилетие ставит перед государством и обществом масштабные задачи, связанные с кардинальными изменениями: «нам предстоит провести цифровую трансформацию всей страны, всей России, повсеместно внедрить технологии искусственного интеллекта, анализа больших данных»¹.

В то же время процессы цифровизации не только совершенствуют социально-экономические инструменты и публично-правовое взаимодействие в обществе, но и порождают цивилизационные вызовы и правовые риски. Прежде всего перед современным государством стоят вызовы по обеспечению прав, свобод и законных интересов субъектов права в новых отношениях, опосредованных цифровыми технологиями.

Ключевые правовые риски связаны с развитием принципиально нового пространства цифрового взаимодействия, появлением цифровых институций, цифровых активов и т. д. Все это обуславливает необходимость комплексной правовой политики государства в сфере формирования адекватного данным изменениям правового пространства, совершенствования юридической техники и опережающего правотворчества. Более того, ключевым стратегическим (доктринально-правовым) приоритетом совершенствования механизма правового регулирования становится обеспечение национального вектора развития цифровой

¹ О цифровой трансформации России [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10172635> (дата обращения: 22.07.2025).

экономики, защиты прав и свобод граждан в цифровом пространстве взаимодействия².

Повсеместное внедрение цифровых технологий актуализирует вопрос об адаптации действующих правовых институтов к специфике регулирования новых общественных отношений. В этом аспекте разработки в области правового регулирования оборота и защиты цифровых прав субъектов гражданского оборота имеют не только теоретико-правовое, но и практическое значение.

Так, развитие инновационных технологий привело к появлению нового объекта гражданских прав – цифровых прав, к которым относятся цифровые финансовые активы, утилитарные цифровые права и гибридные цифровые права (статья 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации)³. Законодатель, включив их в систему объектов гражданских прав, обозначил необходимость формирования специального правового режима для цифровых прав, однако сам по себе факт легального признания этих объектов не снимает фундаментальных теоретических и практических проблем, связанных с их правовой природой, и, что особенно важно, механизмами защиты.

Актуальность формирования адекватного новым реалиям правового регулирования получила подтверждение в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации (далее по тексту – Конституционный Суд РФ) от 20 января 2026 года № 2-П, в котором Суд указал, что стремительное развитие технологий и связанных с ними правоотношений находится в стадии непрерывного становления, что, с одной стороны, требует от законодателя поиска адекватных механизмов правового регулирования, а с другой – закономерно порождает правовую неопределенность и отсутствие единообразного понимания гражданско-правового режима новых объектов в судебной практике, но при этом незавершенность правового регулирования не может служить основанием для отказа в судебной

² О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145 // Собрание законодательства РФ. 2024. № 10, ст. 1373; О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 // Российская газета. 2024. № 100.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Российская газета. 1994. № 238–239.

защите прав⁴. Приведенное Постановление не только подтверждает существующую проблему правовой неопределенности, но и задает направление для ее разрешения, указывая на необходимость создания последовательного и непротиворечивого правового регулирования цифровых выражений ценности. Конституционный Суд РФ указал на допустимость установления законодателем обоснованных ограничений оборота цифровых активов, но при этом подтвердил безусловную обязанность государства гарантировать защиту законно приобретенных прав. Несмотря на то, что данное Постановление вынесено в связи с делом о криптовалюте, его правовые позиции имеют значение для всей сферы цифровых активов и задают вектор дальнейшего развития законодательства и правоприменительной практики в части обеспечения судебной защиты прав, в том числе цифровых.

Реализуя правовые позиции Конституционного Суда РФ, законодатель принял Федеральный закон № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах», вступивший в силу с 1 сентября 2026 года, за исключением отдельных положений, для которых установлены иные сроки вступления их в силу⁵. Данный закон впервые комплексно урегулировал отношения, возникающие при организации учета и обращения цифровых валют и иностранных цифровых инструментов, а также при майнинге цифровых валют; отношения, возникающие при размещении, организации обращения, учете и обращении цифровых прав; деятельность оператора информационной системы, организации, осуществляющей обмен цифровых валют, цифрового депозитария, а также деятельность брокера, управляющего, управляющей компании, организатора торговли, клиринговой организации, связанную с организацией обращения цифровых валют и цифровых прав. Однако его принятие не устранило недостаточную определенность механизма гражданско-правовой защиты самого цифрового права. Несмотря на

⁴ По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича : Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 № 2-П // Российская газета. 2026. № 21.

⁵ О цифровых валютах и цифровых правах: Федеральный закон от 04.08.2026 № 282-ФЗ // Российская газета. 2026. № 178–179.

существенный прогресс в законодательном регулировании, проблема защиты цифровых прав остается нерешенной, что подтверждает актуальность настоящего исследования.

Анализ судебной практики по спорам, связанным с оборотом цифровых прав, позволяет констатировать наличие системной проблемы – отсутствия единообразного подхода к квалификации их правовой природы, что влияет на выбор способа защиты. Так, суды зачастую относят к цифровым правам в соответствии со статьей 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации криптовалюту⁶, а более того, распространяют на цифровые права режим собственности⁷. Изложенное, безусловно, свидетельствует о том, что судебная практика нуждается в выработке единообразных подходов, что обосновывает необходимость теоретического осмысления данной проблемы и разработки научно обоснованной модели защиты цифровых прав.

В настоящий момент отсутствует теоретико-правовое и отраслевое единообразие в понимании цифровых прав и способов их защиты, не сформирован категориально-понятийный аппарат, описывающий содержание и направления развития правового регулирования последних. Возникает вопрос о достаточности имеющихся институтов защиты прав для реализации данной цели и необходимости создания новых механизмов и институтов.

В целях совершенствования правового регулирования в указанной сфере необходимы комплексные научные исследования, рассматривающие правовую природу цифровых прав, их содержание, соотношение цифровых прав с иными цифровыми объектами и т. п. Исследования в этой части в цивилистической науке на сегодняшний день носят фрагментарный, несистемный характер.

Обеспечение эффективного развития гражданского оборота, создание благоприятных условий для его функционирования и защита прав его участников относятся к основным задачам государства, что подтверждается положениями

⁶ По делу № А73-9046/2024: определение Арбитражного суда Хабаровского края от 18.05.2026. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 01.09.2026).

⁷ По делу № 33–11316/2025: определение Ростовского областного суда от 28.07.2025. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 01.09.2026).

Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года⁸. Обеспечение реализации и защиты цифровых прав и законных интересов участников гражданского оборота имеет существенное значение для развития цифровой экономики, стабильности предпринимательской деятельности и гражданского оборота в целом. Еще не будучи в достаточной мере урегулированными, общественные отношения настолько динамично развиваются, что недавно принятые изменения в законодательстве устаревают уже с момента их принятия.

На основании изложенных предпосылок можно определить актуальность исследования – с одной стороны, имеется потребность в формировании категориально-понятийного аппарата в отношении цифровых прав, определении их особенностей, предложении теоретической модели их защиты, с другой стороны – имеется потребность в устранении фрагментарности имеющихся научных исследований указанного явления. Необходимость проведения исследования, включающего в себя научное обоснование применения способов защиты цифровых прав и их реализации в определенных формах, обусловлена потребностью государства и общества в создании правового регулирования в указанной сфере, что является одной из составляющих устойчивого развития государства.

Цифровые технологии и, в частности, цифровые права представляют существенный интерес для субъектов гражданского оборота. Об этом свидетельствуют статистические данные, приведенные в отчете Центрального банка Российской Федерации (далее – ЦБ РФ) «Основные показатели деятельности платформенных сервисов», опубликованном 16 июня 2026 года⁹.

По состоянию на конец 2023 года в реестре ЦБ РФ значились 78 операторов инвестиционных платформ, на 31 марта 2026 года – 105; 10 операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых

⁸ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20, ст. 2902.

⁹ Основные показатели деятельности платформенных сервисов [Электронный ресурс] // Официальный сайт Банка России. 2026. URL: <https://www.cbr.ru/statistics/ifr/> (дата обращения: 16.06.2026).

финансовых активов (далее – ЦФА), а на 31 марта 2026 года – 19; а также один оператор обмена ЦФА, на 31 марта 2026 года – два. На платформах по выпуску ЦФА к концу 2023 года было 252 действующих выпуска цифровых активов и иных прав суммарной стоимостью чуть менее 56,4 млрд рублей. К концу 2024 года количество публичных выпусков ЦФА достигло отметки в 902 общей стоимостью 276 млрд рублей, по состоянию на 31 марта 2026 года – 1 512 стоимостью 1,38 трлн рублей.

Резюмируя вышеизложенное, представляется обоснованным выделить аспекты, в совокупности предопределяющие актуальность и своевременность настоящего диссертационного исследования. Так, нормативно-правовой аспект заключается в том, что законодатель, признав цифровые права в качестве самостоятельного объекта гражданских прав, не предусмотрел соответствующих изменений в системе способов их защиты – при активном развитии законодательного регулирования оборота и учета цифровых прав законодательство об их защите остается неизменным. Указанный дисбаланс в правовом регулировании порождает вопрос о применимости традиционных способов защиты к новым объектам гражданского оборота и обуславливает необходимость теоретического осмысления данного вопроса. Социально-экономический аспект обусловлен стремительным ростом оборота цифровых прав, подтвержденным официальными статистическими данными и возрастающей ролью таких прав в экономике страны. Обеспечение надлежащей защиты прав участников цифрового оборота является не только гарантией стабильности гражданского оборота, но и стратегической задачей государства, направленной на создание благоприятных условий для развития цифровой экономики и привлечения инвестиций. Научный аспект выражается в отсутствии единого доктринального подхода к определению юридической природы цифровых прав и недостаточной разработанности в цивилистической науке учения о способах их защиты. Дискуссионность фундаментальных вопросов о соотношении цифровых прав с традиционными объектами, о возможности применения к ним известных гражданскому праву способов защиты требует системного научного осмысления и выработки

теоретических положений, способных лечь в основу совершенствования законодательства и судебной практики.

Вышеуказанные аспекты в совокупности подтверждают необходимость разработки и обоснования модели гражданско-правовой защиты цифровых прав субъектов гражданского оборота в Российской Федерации, что и составляет цель настоящего диссертационного исследования.

Степень разработанности научной проблемы.

Несмотря на стремительно возрастающий интерес к проблематике влияния цифровых технологий на развитие общественных отношений, а также к совершенствованию действующего законодательства, регламентирующего отношения субъектов гражданского оборота, опосредованные цифровыми технологиями, фундаментальные и комплексные правовые исследования данных проблем находятся только на стадии формирования и разработки.

Проблематика защиты цифровых прав формируется на пересечении нескольких научных направлений: общей теории защиты гражданских прав, цивилистического учения об объектах гражданских прав и формирующегося правового регулирования цифровых прав.

Первое направление связано с общетеоретической и цивилистической разработкой понятия защиты гражданских прав, ее форм и способов. В трудах С. С. Алексеева, Ю. Н. Андреева, Ю. Г. Басина, С. Н. Братусь, Е. В. Вавилина, А. П. Вершинина, В. В. Витрянского, В. П. Грибанова, Е. В. Измайловой, О. А. Красавчикова, Д. Н. Латыпова, Н. С. Малеина, А. В. Милькова, Е. В. Михайловой, Н. В. Остапук, Б. И. Пугинского, М. А. Рожковой, Г. Я. Стоякина, Д. М. Чечота раскрыты понятие, формы и способы защиты, механизм гражданско-правовой защиты. Однако указанные работы преимущественно ориентированы на традиционные объекты гражданских прав и не учитывают специфику цифровых прав, что создает потребность в специальном исследовании.

Второе направление посвящено учению о цифровых правах как объектах гражданских прав. Е. Н. Абрамова, А. С. Бирюков, А. А. Волос, А. В. Габов, Б. М. Гонгало, Л. Г. Ефимова, О. А. Жданова, М. А. Ионцев, В. А. Лаптев,

А. С. Мограбян, Л. А. Новоселова, М. А. Рожкова, Е. Ю. Руденко, А. И. Савельев, Л. В. Санникова, Н. А. Свалова, Е. А. Суханов, Ю. С. Харитонов, Ж. Ю. Юзефович рассматривают цифровые права как самостоятельные объекты гражданских прав, требующие особого правового режима, либо критически оценивают расширение категории цифровых прав и предлагают более осторожный подход к их встраиванию в систему объектов гражданских прав. Эти исследования создают основу для понимания объекта защиты, но не решают в полном объеме вопрос о специальных способах защиты.

Третье направление включает работы, непосредственно посвященные защите цифровых прав, а также защите прав участников оборота в условиях цифровизации. Н. С. Бочарова, Л. Ю. Василевская, Т. В. Дерюгина, В. В. Зайцев, О. В. Зайцев, О. Ф. Засемкова, Д. Н. Кархалев, Н. М. Ковязина, Ю. Г. Лескова, Д. В. Лоренц, Д. А. Павлова, В. Ф. Попондопуло, Д. А. Федоров, Е. С. Цветкова, Ж. Ю. Юзефович анализируют отдельные гражданско-правовые способы защиты цифровых прав, включая признание права, виндикацию, восстановление положения, существовавшего до нарушения права, возмещение убытков, а также организационно-правовые средства защиты прав участников оборота в условиях цифровизации. Вместе с тем единая система специальных способов защиты цифровых прав в этих работах не предложена.

Четвертое направление представлено диссертационными исследованиями. А. А. Карцхия, К. А. Мефодьева, Д. А. Павлова, Е. П. Русакова и другие авторы внесли значительный вклад в разработку гражданско-правового регулирования цифровых технологий, цифровых данных и цифровых прав. Однако комплексное исследование защиты цифровых прав субъектов гражданского оборота с акцентом на специальные способы до настоящего времени не проводилось.

Пятое направление объединяет зарубежные исследования. В работах M. K. Bhandari, J. Coccoli, P. Daugherty, P. De Filippi, Y. Gao, R. Holden, Kim Yong-tae, Lee Gyu-cheol, Lee Sung-yup, L. Lehot, Y. Luo, A. Malani, P. Mell, M. Qin, R. Sadykhov, A. Wright, D. Yaga рассматриваются вопросы цифровых прав человека, регулирования токенов, стейблкоинов, блокчейн-арбитража и защиты

цифровых активов. Эти исследования важны для сравнительно-правового анализа, но не могут быть механически перенесены на российскую правовую систему.

Таким образом, несмотря на значительное число работ, посвященных цифровым правам и их защите, в доктрине отсутствует комплексное исследование системы специальных способов защиты цифровых прав, учитывающее современное российское законодательство, судебную практику и зарубежный опыт.

Цель и задачи исследования.

Целью диссертационного исследования является разработка и обоснование модели гражданско-правовой защиты цифровых прав субъектов гражданского оборота в Российской Федерации.

В соответствии с целью исследования в диссертационной работе ставятся и решаются следующие конкретные **задачи**:

- 1) выявить основные подходы к пониманию правовой природы цифровых прав в правовых системах зарубежных государств;
- 2) раскрыть понятие и правовую природу цифровых прав в Российской Федерации, а также определить особенности защиты имущественных прав, входящих в содержание цифрового права;
- 3) определить понятие защиты цифровых прав и выявить ее особенности;
- 4) установить формы защиты цифровых прав и определить особенности их реализации;
- 5) раскрыть содержание способа защиты цифровых прав, оценить достаточность существующих способов их защиты и обосновать в качестве надлежащего способа защиты цифровых прав внесение (изменение) записи в информационную систему.

Объект и предмет исследования.

Объект исследования составляют общественные отношения, складывающиеся в сфере осуществления (реализации), оборота и гражданско-правовой защиты цифровых прав как объектов гражданских прав.

Предметом диссертационного исследования являются правовые нормы национального (отечественного) и зарубежного законодательства, регулирующие оборот цифровых прав, а также их защиту в Российской Федерации и за рубежом.

Теоретическая и методологическая основа исследования.

Теоретическую основу исследования составляют труды российских и зарубежных ученых в области общей теории права и государства, гражданского права, а также формирующегося правового регулирования цифровых прав.

В области общей теории права и государства автор опирался на работы С. С. Алексеева, А. В. Малько, Н. И. Матузова и других исследователей, раскрывающих понятие правовых средств, механизма правового регулирования и защиты субъективных прав.

Цивилистическую основу исследования образуют труды дореволюционных, советских и современных ученых. К дореволюционным классикам, чьи работы использованы в исследовании, относятся К. Н. Анненков, Е. В. Васьковский, В. М. Гордон. В советский период вопросы защиты гражданских прав разрабатывались С. С. Алексеевым, Ю. Г. Басиным, М. И. Брагинским, С. Н. Братусем, О. А. Красавчиковым, Н. С. Малеиным, Б. И. Пугинским, Г. Я. Стоякиным, Д. М. Чечотом. В современной науке гражданского права теоретическую базу исследования составили работы Ю. Н. Андреева, Д. Х. Валеева, В. В. Витрянского, В. В. Зайцева, О. В. Зайцева, Е. В. Измайловой, Т. И. Илларионовой, А. А. Кот, Н. С. Кузнецовой, Д. Н. Латыпова, А. В. Милькова, Е. В. Михайловой, Н. В. Остапук, М. А. Рожковой, А. Б. Степина, М. К. Сулейменова, А. И. Хабирова и других.

Отдельную группу составляют исследования цифровых прав и цифровых активов: Е. Н. Абрамова, Н. С. Бочарова, Л. Ю. Василевская, Е. Л. Власова, А. А. Волос, А. В. Габов, Б. М. Гонгало, Л. Г. Ефимова, М. А. Ионцев, Д. Н. Кархалев, Е. А. Кириллова, Н. М. Ковязина, В. А. Лаптев, Ю. Г. Лескова, Д. В. Лоренц, А. С. Мограбян, Л. А. Новоселова, Д. А. Павлова, В. Ф. Попондопуло, М. А. Рожкова, Е. Ю. Руденко, А. И. Савельев, Л. В. Санникова, Н. А. Свалова, Е. А. Суханов, Э. В. Талапина, Ю. С. Харитоновна, Е. С. Цветкова, Ж. Ю. Юзефович

и других.

Зарубежную теоретическую основу исследования составили труды J. Coccoli, P. De Filippi, A. Wright, Y. Gao, R. Holden, A. Malani, L. Lehot, P. Daugherty, Y. Luo, P. Mell, D. Yaga, M. Qin, R. Sadykhov, M. K. Bhandari, Lee Sung-yup, Kim Yong-tae, Lee Gyu-cheol.

Таким образом, теоретическая основа исследования включает широкий круг современных российских и зарубежных исследований, посвященных как общим вопросам защиты гражданских прав, так и специальной проблематике цифровых прав и цифровых активов.

Методологическая основа исследования. В работе использованы всеобщие, общенаучные и специальные приемы, принципы и методы познания. Среди всеобщих методов следует выделить: системный подход, применяемый для комплексного рассмотрения цифровых прав как элемента гражданско-правовой системы, их взаимосвязи с традиционными институтами гражданского права, а также при разработке предложений по совершенствованию законодательства; диалектико-материалистическую методологию, используемую для исследования противоречивого процесса цифровой трансформации общественных отношений, природы и содержания цифровых прав, в том числе для выявления противоречий и тенденций в их правовом регулировании. Диалектический метод был использован для выявления и разрешения следующего противоречия: цифровое право нематериально, но выступает объектом имущественного оборота и подлежит защите, при этом оно существует как формальная запись в информационной системе, но его утрата влечет реальные имущественные потери. Диалектический подход позволил не просто констатировать это противоречие, но и найти его разрешение в конструкции «внесение (изменение) записи в информационную систему» как способа защиты, учитывающего как нематериальную природу объекта, так и необходимость приведения формальной легитимации в соответствие с действительным правовым состоянием цифрового права.

К общенаучным методам, используемым в исследовании, следует отнести методы индукции и дедукции, анализа и синтеза, а также метод аналогии,

применяемые для выявления тенденций, закономерностей и специфики трансформации права и юридической деятельности под воздействием внедрения цифровых технологий, состояния и особенностей правового регулирования в области защиты прав субъектов гражданского оборота, выделения и описания правовых рисков и угроз в системе гражданско-правовых отношений и правовых и иных проблем, а также при формировании авторских научных дефиниций и классификаций.

К используемым частнонаучным методам следует отнести сравнительно-правовой метод, который использовался для сопоставления российского и зарубежного опыта регулирования цифровых прав в рамках решения задачи по выявлению правовой природы цифровых прав в зарубежных правовых порядках. Историко-правовой метод применялся для изучения эволюции способов защиты гражданских прав, от римского частного права до современности. Метод правового моделирования использовался для разработки предложений по совершенствованию способов защиты цифровых прав, включая введение нового способа – внесения (изменения) записи в информационную систему.

В исследовании применялись специальные юридические методы, к которым относится формально-юридический метод, позволивший осуществить анализ юридических конструкций, выявить пробелы и коллизии в правовом регулировании, а также нормативно-правовой метод, который применялся для исследования регулятивного воздействия отдельных норм права и юридических комплексов на общественные отношения, связанные с использованием цифровых технологий и алгоритмических инструментов.

Информационную базу исследования составили:

– законодательство и иные акты Российской Федерации, в частности Конституция Российской Федерации, федеральные законы, акты Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, акты федеральных органов исполнительной власти; действующее гражданское законодательство Российской Федерации;

– доктринальные и программно-концептуальные правовые акты

Российской Федерации, в которых фиксируются приоритеты экономического и социального развития российского общества, стратегические направления обеспечения национальной безопасности России;

– законодательство и официальные документы зарубежных государств (Сингапура, Китайской Народной Республики и ряда других государств);

– практика судебного применения норм гражданского законодательства в Российской Федерации, акты толкования и применения права из судебных постановлений Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, арбитражных судов и судов общей юрисдикции Российской Федерации.

Информационную базу диссертационного исследования также составил широкий круг литературных источников, включающий монографии, научные статьи, диссертации и авторефераты, сборники материалов конференций, зарубежную литературу, а также электронные информационные ресурсы.

Обоснованность и достоверность результатов исследования.

Научная обоснованность и достоверность полученных результатов обеспечиваются применением репрезентативной совокупности источников, соответствующих цели, задачам и методологии исследования, а также системным анализом доктринальных подходов, критическим осмыслением научных трудов и обобщением судебной практики судов различных инстанций.

Научная новизна диссертационного исследования определяется следующим:

– разработана и обоснована концепция цифровых прав как комплексной правовой категории, рассматриваемой в единстве трех взаимосвязанных проекций – публично-правовой, законодательной и технико-юридической. Доказано, что законодательная и технико-юридическая проекции находятся в неразрывном единстве: имущественное право, поименованное в законе в качестве цифрового, существует в обороте исключительно в форме легитимационной записи в информационной системе, в связи с чем защита такого права оказывается невозможной без защиты самой записи. Указанное единство предопределяет

необходимость специального способа защиты цифровых прав;

– доказано, что цифровые права обладают двойственной юридической природой, проявляющейся в разграничении самого цифрового права (как записи в информационной системе, имеющей легитимационное значение) и имущественных прав (обязательственных, корпоративных и иных), включенных в его содержание. На основании выявленной двойственности обоснована модель правового регулирования защиты цифровых прав, предполагающая сочетание традиционных способов (для защиты включенных прав) и специального способа (для защиты самого цифрового права как легитимационной записи);

– сформулировано авторское определение защиты цифровых прав субъектов гражданского оборота, отражающее специфику данного объекта: под защитой цифровых прав предложено понимать деятельность управомоченного субъекта либо уполномоченных органов, осуществляемую в установленной законом форме с применением предусмотренных законом способов, с обязательным участием профессиональных участников оборота (оператора информационной системы или цифрового депозитария), обладающих технической возможностью внесения (изменения) записи в информационную систему, направленную на устранение несоответствия между формальной легитимацией и действительным правовым состоянием цифрового права;

– установлено, что защита цифровых прав осуществляется в классических формах (юрисдикционной и неюрисдикционной) с особенностями, обусловленными природой цифровых прав. Обосновано, что перспективным направлением развития форм защиты цифровых прав выступают цифровой арбитраж, блокчейн-арбитраж и третейское разбирательство с использованием технологий искусственного интеллекта, которые, несмотря на их органичную адаптированность к особенностям цифровых прав, не получили нормативного закрепления в российском правовом порядке и не могут рассматриваться в качестве самостоятельных форм защиты;

– доказана недостаточность традиционных способов защиты для защиты самих цифровых прав ввиду их нематериальной природы, отсутствия

индивидуально-определенных характеристик, существования исключительно в форме легитимационной записи в информационной системе, алгоритмического порядка осуществления и аутентификации управомоченного лица посредством ключа доступа к адресу-идентификатору;

– обосновано введение в гражданское законодательство нового способа защиты цифровых прав – внесения (изменения) записи в информационную систему, содержание которого состоит в приведении записи о цифровом праве в соответствие с действительным состоянием цифрового права путем внесения профессиональным участником оборота (оператором информационной системы или цифровым депозитарием) корректирующей записи на основании вступившего в законную силу судебного акта. Доказано, что применение данного способа возможно как в случае неправомерного внесения записи о списании (зачислении и др.) цифровых прав в информационную систему, так и в случае внесения в информационную систему записи об обременении цифрового права при отсутствии правового основания;

– выработаны предложения по совершенствованию гражданского законодательства, в частности путем дополнения ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации положениями о праве обладателя цифрового права на внесение (изменение) записи в информационную систему на основании вступившего в законную силу судебного акта (п. 4), а также о защите добросовестного приобретателя цифрового права (п. 5). Разработаны предложения по реформированию гражданского законодательства, направленные на создание целостного режима цифровых прав.

Положения, выносимые на защиту и имеющие научную новизну.

1. Обосновано, что цифровые права представляют собой комплексную правовую категорию, которая может быть рассмотрена в трех взаимосвязанных проекциях, отражающих различные аспекты ее сущности и предопределяющих специфику ее гражданско-правовой защиты: публично-правовую проекцию образуют международные и национальные декларативные нормы, нормы-принципы и нормы-цели, закрепляющие фундаментальные права человека в

цифровой среде (право на информационное самоопределение, право на забвение, право на отключение, право на цифровое наследие и др.) и задающие ориентиры для национального регулирования, создающие конституционно-правовые предпосылки для оборота цифровых прав; законодательная проекция охватывает имущественные права, существующие в виде записи в информационной системе и обращающиеся по ее правилам (цифровые финансовые активы, утилитарные цифровые права, гибридные цифровые права), что формирует непосредственный объект гражданско-правовой защиты; технико-юридическая проекция характеризует цифровые права как способ фиксации и удостоверения указанных прав посредством уникальных цифровых кодов в информационной системе, обеспечивающий легитимацию обладателя цифрового права и возможность распоряжения правом, что в рамках гражданского законодательства Российской Федерации предопределяет необходимость специального способа защиты, учитывающего данную технико-юридическую специфику.

Положение, выносимое на защиту, соответствует пунктам 1, 30 паспорта научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки».

2. Выявлено, что цифровые права как объекты гражданского оборота обладают двойственной юридической природой, что проявляется в разграничении самого цифрового права (как записи в информационной системе, имеющей легитимационное значение) и имущественных прав (обязательственных, корпоративных и иных), включенных в его содержание. Указанная двойственность предопределяет дифференциацию способов защиты: защита самого цифрового права направлена на восстановление записи в информационной системе, тогда как защита включенных в него прав осуществляется традиционными обязательственными, корпоративными и иными способами. Соответственно, модель правового регулирования защиты цифровых прав предполагает сочетание традиционных способов (для защиты включенных в цифровое право прав) и специального способа (для защиты самого цифрового права).

Положение, выносимое на защиту, соответствует пунктам 5, 30 паспорта научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки».

3. Установлено, что под защитой цифровых прав субъектов гражданского оборота следует понимать деятельность управомоченного субъекта либо уполномоченных органов, осуществляемую в установленной законом форме с применением предусмотренных законом способов с участием профессиональных участников оборота, обладающих технической возможностью внесения (изменения) записи в информационную систему, направленную на устранение несоответствия между формальной легитимацией и действительным правовым состоянием цифрового права путем внесения такой записи (изменения) в информационную систему.

Защита цифровых прав характеризуется следующими особенностями: объектом воздействия – легитимационной записью в информационной системе, приведение которой в соответствие с действительным состоянием цифрового права является условием восстановления нарушенного права; участием профессионального участника оборота – оператора информационной системы или цифрового депозитария, обладающих исключительной технической возможностью внесения (изменения) записи в информационную систему, без чего восстановление самого цифрового права невозможно; опосредованностью исполнения судебного акта – исполнение решения суда о защите цифрового права требует совершения оператором или цифровым депозитарием технических действий по внесению корректирующей записи; технико-юридическим характером защиты – защита цифровых прав осуществляется в рамках алгоритмического порядка, установленного правилами информационной системы, и опосредована им.

Положение, выносимое на защиту, соответствует пунктам 10 и 30 паспорта научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки».

4. Определено, что защита цифровых прав субъектов гражданского оборота может осуществляться в юрисдикционной форме: в рамках судебной защиты в арбитражных судах и судах общей юрисдикции, а также внесудебной защиты (в третейских учреждениях и др.); посредством обращения к компетентному

государственному органу, осуществляющему контроль и надзор в определенной сфере общественных отношений, для защиты нарушенного цифрового права, возникшего в результате нарушения субъектами гражданского оборота действующего законодательства (административная юрисдикционная форма защиты цифровых прав). Неюрисдикционная форма защиты цифровых прав представлена самозащитой, применение которой ограничено технической невозможностью самостоятельного внесения лицом, чьи права нарушены, записи (изменения) в информационную систему, в связи с чем в действующем правовом порядке самозащита сводится к одностороннему отказу от договора. Перспективным направлением развития неюрисдикционной формы защиты цифровых прав выступают цифровой арбитраж, блокчейн-арбитраж и третейское разбирательство с использованием технологий искусственного интеллекта. Указанные формы, несмотря на их органичную адаптированность к особенностям цифровых прав (цифровая среда существования, алгоритмический порядок осуществления, аутентификация через ключ доступа), не получили нормативного закрепления в российском правовом порядке, однако обладают потенциалом для интеграции в систему форм защиты цифровых прав.

Положение, выносимое на защиту, соответствует пунктам 10 и 30 паспорта научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки».

5. Обосновано введение в гражданское законодательство нового способа защиты цифровых прав – внесения (изменения) записи в информационную систему. Содержание данного способа состоит во внесении в информационную систему или изменении в информационной системе соответствующей записи о цифровом праве, осуществляемых оператором информационной системы или цифровым депозитарием на основании вступившего в законную силу судебного акта, вынесенного по требованию лица, право которого нарушено, заявленному в случае неправомерного внесения в информационную систему записи о зачислении, списании цифрового права или иной записи, предусмотренной законом, либо неправомерного изменения такой записи в информационной системе.

Включение данного способа в систему защиты цифровых прав восполнит существующий пробел, поскольку традиционные способы защиты не обеспечивают восстановление нарушенного цифрового права ввиду особенностей цифрового права как объекта гражданского оборота (его нематериальной природы, опосредованности легитимационной записью в информационной системе, алгоритмического (определяемого правилами информационной системы) порядка осуществления и аутентификации управомоченного лица посредством ключа доступа, обеспечивающего возможность распоряжения цифровым правом согласно правилам информационной системы).

Положение, выносимое на защиту, соответствует пунктам 10 и 30 паспорта научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки».

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что сформулированные выводы дополняют и развивают имеющиеся в цивилистической науке представления о правовой природе цифровых прав как объектов гражданского оборота и о способах их защиты. В работе обоснованы особенности цифровых прав в законодательстве Российской Федерации и ряда зарубежных стран, предложено авторское определение защиты цифровых прав, а также развита цивилистическая доктрина о способах защиты таких объектов гражданского оборота.

В ходе исследования расширены теоретические представления о соотношении объектов гражданских прав: обоснована двойственная природа цифровых прав, проявляющаяся в разграничении самого цифрового права (как записи в информационной системе, имеющей легитимационное значение) и имущественных прав (обязательственных, корпоративных и иных), включенных в его содержание; разработана модель правового регулирования защиты цифровых прав, предполагающая сочетание традиционных способов (для защиты включенных прав) и специального способа (для защиты самого цифрового права как легитимационной записи); обоснована необходимость введения специального

способа защиты самих цифровых прав – внесения (изменения) записи в информационную систему.

Таким образом, результаты исследования расширяют академические знания о предмете исследования и создают фундамент для дальнейших научных изысканий по разработке оптимальной и эффективной модели механизма защиты цифровых прав в условиях цифровой экономики.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов для совершенствования гражданского законодательства и правоприменительной практики в сфере защиты цифровых прав. Рекомендации, сформулированные на основании научного исследования гражданско-правовой защиты цифровых прав, могут быть использованы для разработки норм гражданского права, повышения эффективности их применения и совершенствования правоприменительной практики.

В ходе исследования даны конкретные рекомендации по внесению изменений и дополнений в Гражданский кодекс Российской Федерации, а именно предлагается дополнить статью 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации пунктом 4 следующего содержания: «4. Если иное не установлено настоящим Кодексом, в случае неправомерного внесения в информационную систему записи о зачислении, списании цифрового права или иной записи, предусмотренной законом, либо неправомерного изменения такой записи в информационной системе лицо, право которого нарушено, вправе требовать внесения в информационную систему или изменения в информационной системе соответствующей записи о цифровом праве в судебном порядке.

Внесение (изменение) такой записи осуществляется оператором информационной системы или цифровым депозитарием на основании вступившего в законную силу судебного акта».

Кроме того, предлагается дополнить статью 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации пунктом 5 следующего содержания: «5. Если цифровое право приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать, о чем приобретатель не знал и не должен был знать (добросовестный приобретатель), то

законный обладатель цифрового права вправе требовать внесения (изменения) записи в информационную систему только в случаях, когда цифровое право было утрачено им помимо воли или приобретатель получил его безвозмездно».

На основе проведенного исследования в диссертации предлагается закрепить приоритет сведений о правах требования, включенных в цифровое право, перед сведениями об этих же правах, основанных на сделках, совершенных в письменной или иной форме, при условии, что цифровое право возникло раньше, чем совершена такая сделка. Указанное правило предлагается закрепить в ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации либо в специальных законах о цифровых финансовых активах и инвестиционных платформах.

Реализация предложенных мер позволит создать целостный правовой режим цифровых прав, обеспечить стабильность их оборота и эффективную защиту прав их добросовестных обладателей, что соответствует стратегическим задачам развития цифровой экономики Российской Федерации.

Результаты данного исследования могут быть также использованы в правотворческой деятельности – при подготовке изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации и специальные законы о цифровых правах, в правоприменительной практике – для выработки единообразных подходов судов к разрешению споров, связанных с нарушением цифровых прав, и для определения критериев оценки добросовестности приобретателей, в научно-исследовательской деятельности – как основа для дальнейших теоретических разработок в области правового режима цифровых объектов и способов их защиты.

Результаты исследования могут быть также использованы в образовательном процессе – при преподавании курсов гражданского права, предпринимательского права, цифрового права, а также в рамках специальных курсов по проблемам защиты прав участников цифрового оборота.

Апробация результатов исследования.

Диссертация была выполнена и прошла обсуждение в Центре экономического правосудия Института государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации.

Итоговые положения работы и предложения по совершенствованию действующего законодательства докладывались и обсуждались на пяти международных и межвузовских научно-практических конференциях и других научных мероприятиях, среди которых: международная научно-практическая конференция «Цифровые технологии и право» (сентябрь 2022 года, г. Казань), международная научно-практическая конференция «Развитие частного права и цивилистического процесса: преемственность и инновации» (октябрь 2022 года, г. Минск), международный научный юридический форум памяти профессора В. К. Пучинского «Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире» (октябрь 2022 года, г. Москва), международная научно-практическая конференция «Правовые аспекты трансфера технологий: путь к технологическому суверенитету страны» VII Тихоокеанский юридический форум «Поворот на Восток: тенденции изменения институтов права и государства в эпоху глобализации и цифровизации» (октябрь 2023 года, г. Владивосток), межвузовская конференция «Государство и право в эпоху цифровизации: проблемы теории и практики» (декабрь 2023 года, г. Владивосток).

Перечень публикаций автора.

Основные выводы и положения диссертационного исследования были опубликованы автором в следующих научных журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий из числа рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации:

1. Карпова, Ю. С. Право и цифровые технологии: проблемы соотношения / Ю. С. Карпова // Право и экономика. – 2022. – № 7. – С. 37–39.
2. Карпова, Ю. С. Сущность и содержание категорий, связанных с развитием цифровых технологий / Ю. С. Карпова // Закон и право. – 2022. – № 7. – С. 103–106.
3. Карпова, Ю. С. Влияние цифровых технологий на принятие решений в цивилистическом процессе / Ю. С. Карпова // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 9(172). – С. 94-95.

4. Карпова, Ю. С. Разрешение споров с использованием технологии блокчейн: опыт Kleros / Ю. С. Карпова // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 5(180). – С. 203–205.

5. Карпова, Ю. С. Соотношение категорий института защиты гражданских прав – формы и средства защиты гражданских прав / Ю. С. Карпова // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 8(183). – С. 210–212.

6. Карпова, Ю. С. Содержание категории «средство защиты гражданских прав» и ее соотношение с категорией «способ защиты гражданских прав» / Ю. С. Карпова // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 10(185). – С. 163–165.

7. Карпова, Ю. С. Правовое регулирование защиты цифровых активов: на примере аккаунта в социальной сети / Ю. С. Карпова // Юридическая наука. – 2023. – № 12. – С. 102–104.

8. Карпова, Ю. С. Использование цифровых прав для трансграничных расчетов: анализ законодательных новелл / Ю. С. Карпова // Правовая политика и правовая жизнь. – 2024. – № 3. – С. 324–328.

Также выводы и положения диссертационного исследования были опубликованы автором в журнале, индексируемом в международной наукометрической базе Scopus, и иных изданиях:

9. Karpova, J. Remote Justice Procedures during the COVID-19 Pandemic in the Russian Federation / J. Karpova, O. Miroshnichenko. – DOI 10.1007/978-3-031-34256-1_15 // Advances in Science Technology and Innovation. – 2023. – Part F1589. – P. 83–88.

10. Карпова, Ю. С. Цифровая трансформация способов извещения участников процесса в гражданском судопроизводстве: текущее состояние и перспективы / Ю. С. Карпова // Развитие частного права и цивилистического процесса: преемственность и инновации: сборник статей секций гражданского процесса и трудового права по материалам международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию кафедры гражданского права и процесса БГУ, 19–20 октября 2022 г., Минск, Беларусь / БГУ, Юридический фак., Каф.

гражданского процесса и трудового права; [под ред.: О. Н. Романовой, И. Н. Колядко]. – Минск: БГУ, 2023. – С. 65–73.

11. Карпова, Ю. С. Цифровизация судебной системы в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: опыт Китая и Японии / Ю. С. Карпова // Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире: сборник статей Международного научного юридического форума памяти профессора В. К. Пучинского, Москва, 14 октября 2022 года. – Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2022. – С. 128–134.

Структура диссертационной работы обусловлена целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, объединяющих семь параграфов, заключения и списка использованных источников и литературы.

ГЛАВА 1. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЦИФРОВЫХ ПРАВ

1.1. Цифровые права в правовых порядках зарубежных стран

Стремительное развитие цифровых технологий является одной из характерных черт современного мира и необходимым условием устойчивого развития государства и общества. Переход к цифровой экономике приводит к трансформации общественных отношений и ставит перед государством задачу формирования правового регулирования, которое, с одной стороны, обеспечивает защиту прав и законных интересов участников гражданского оборота, а с другой – не препятствует развитию цифровых технологий и основанных на них отношений.

Цифровизация – это не просто технологический тренд, а глобальный трансформационный процесс, затрагивающий все сферы общественной жизни, включая право, экономику, социальные отношения и государственное управление¹⁰. Как указывает Е. П. Русакова, невозможно рассматривать цифровизацию одного явления изолированно от других, поскольку она меняет природу правоотношений, требует пересмотра традиционных правовых институтов и зависит от роли государства, которое должно обеспечить баланс между инновациями и защитой прав¹¹.

Цифровизация изменяет условия деятельности участников гражданского оборота, способствует появлению новых товаров и услуг, расширяет возможности осуществления такой деятельности и повышает ее эффективность.

¹⁰ Карпова Ю. С. Сущность и содержание категорий, связанных с развитием цифровых технологий // Закон и право. 2022. № 7. С. 104, Карпова Ю. С. Право и цифровые технологии: проблемы соотношения // Право и экономика. 2022. № 7. С. 37.

¹¹ Русакова Е. П. Воздействие цифровизации на гражданское судопроизводство в России и за рубежом: опыт Китая, Индии, Сингапура, Европейского Союза, США, ЮАР и некоторых других стран: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.15 / Рос. ун-т дружбы народов. М., 2022. С. 83.

Феномен цифровой трансформации общества, государства и экономики, ознаменовавший рубеж XX–XXI вв., обусловил формирование качественно нового правового регулирования. В зарубежной юридической науке для его обозначения к концу XX столетия утвердился термин «цифровое право» (Digital Law), получивший в России активное распространение с 2017 года.

Данная отраслевая совокупность правовых норм сложилась в ответ на вызовы всеохватывающего распространения цифровых технологий и данных, призвана регулировать возникающие в этой сфере общественные отношения.

Генезис понятия «цифровое право» связан с более ранними категориями, такими как «компьютерное право» (Computer Law), «киберправо» (Cyber Law), «интернет-право» (Internet Law) и «право информационных технологий» (Tech Law), которые, при всей смысловой близости, отражают различные аспекты и этапы эволюции регулирования цифровой среды.

В юридической литературе обоснованно отмечается, что цифровые технологии «по-сути, это новый виток в понимании самих прав человека, наполнении их содержания и реализации»¹². Данный подход подтверждает необходимость выработки новых доктринальных подходов к пониманию цифровых прав как прав нового поколения, требующих особых механизмов защиты, учитывающих их нематериальную природу и существование в информационных системах.

В современной правовой доктрине, в частности в китайской научной школе, сформировалась прогрессивная концепция цифровых прав, выходящая за рамки их отраслевого понимания. Как отмечают китайские исследователи, цифровые права представляют собой не просто традиционные права с цифровым контентом, а качественно новую, формирующуюся совокупность прав, обладающих собственной операционной логикой, структурой и механизмами реализации¹³.

¹² Липчанская М. А., Отставнова Е. А. Конституционно-правовые и нравственные основы использования искусственного интеллекта в реализации социальных прав и свобод человека // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 3 (134). С. 72.

¹³ Luo Y. On Digital Rights: Theoretical Interpretation and System Construction // E-Government. 2023. T. 5. C. 50.

В рамках данной концепции предлагается оригинальная структура цифрового права, включающая право на цифровое выживание, права цифровой личности, право на алгоритмическую надлежащую правовую процедуру и права цифровой собственности. Смысловым ядром этих прав является защита фундаментального интереса личности – способности к автономному принятию решений в отношении использования цифровых технологий и обретения «свободы действий» в цифровых пространствах.

Аналогичный доктринальный подход к пониманию цифровых прав прослеживается в правопорядках государств, активно развивающих законодательство о цифровых правах. В частности, технологическое развитие Республики Корея сопровождается формированием правовой доктрины, в основе которой лежит понимание цифровых прав в качестве неотъемлемого элемента правового статуса личности, призванного гарантировать возможность ее самоопределения в информационной среде.

Как справедливо отмечает профессор М. К. Бхандари, цифровая революция требует от права адаптации для регулирования доступа к информации и защиты прав граждан¹⁴. Законодатель Республики Корея следует именно этим путем, создавая систему прав, которые, будучи по своей природе личными неимущественными, тем не менее являются предпосылкой для участия субъектов права в цифровом гражданском обороте. Ключевым вектором здесь выступает право личности на информационное самоопределение, которое реализуется через ряд правомочий, получивших законодательное закрепление.

Во-первых, это право на переносимость данных, имплементированное в рамках инициативы MyData¹⁵. Данный институт, курируемый Комиссией по защите персональных данных (PIPC), предоставляет субъекту право консолидировать рассредоточенные по различным организациям (финансовым,

¹⁴ Bhandari M. K. Digital Rights and Responsibilities in the Era of Digital Revolution [Электронный ресурс] // LinkedIn. 2025. URL: <https://www.linkedin.com/pulse/digital-rights-responsibilities-era-revolution-bhandari-tnghe> (дата обращения: 20.02.2026).

¹⁵ Южная Корея создаст систему защиты персональных данных [Электронный ресурс] // InfoWatch. 2025. URL: <https://www.infowatch.ru/analytics/daydzhesty-i-obzory/yuzhnaya-koreya-sozdast-sistemu-zaschity-personalnykh-dannykh> (дата обращения: 20.02.2026).

медицинским, телекоммуникационным) персональные данные и самостоятельно управлять их передачей третьим лицам.

Во-вторых, в законодательстве институционализируется право на забвение, что предполагает формирование процессуальных механизмов, позволяющих субъекту персональных данных инициировать удаление публичной информации о себе¹⁶. Это, в свою очередь, ограничивает ее дальнейший оборот в информационном пространстве и способствует минимизации рисков репутационного ущерба для субъекта. Данная тенденция перекликается с более широкой доктринальной идеей, обозначенной М.К. Бхандари как «право начать с чистого (цифрового) листа» (Right to start over with a clean (digital) slate)¹⁷.

В ряду таких прав особое место занимает право на отключение. Содержательный анализ данной категории представлен в работе профессора Ли Сон Епа, который относит право на отключение к трем ключевым новым правам цифровой эпохи, наряду с правом на и правом на цифровое наследие¹⁸. По своей сущности право на отключение представляет собой юридически обеспеченную возможность работника не реагировать на коммуникации со стороны работодателя (электронные письма, телефонные звонки, сообщения в мессенджерах и социальных сетях), поступающие за пределами установленного рабочего времени.

Рассмотренные правомочия получили нормативное закрепление и доктринальное обоснование в стратегическом документе, принятом Правительством Республики Корея в сентябре 2023 года, - «Цифровом билле о правах» (Digital Bill of Rights)¹⁹. Данный акт является первым комплексным

¹⁶ Republic of Korea: User objection rights and media protection in Act on Promotion of Information and Communications Network Utilization and Information Protection (Act No. 21305/Bill no. 2215443) [Электронный ресурс] // Digital Policy Alert. 2026. URL: <https://digitalpolicyalert.org/change/17749-user-objection-rights-and-media-protection-in-act-on-promotion-of-information-and-communications-network-utilization-and-information-protection-etc-act-no-21305> (дата обращения: 20.02.2026).

¹⁷ Bhandari M. K. Digital Rights and Responsibilities in the Era of Digital Revolution [Электронный ресурс] // LinkedIn. 2025. URL: <https://www.linkedin.com/pulse/digital-rights-responsibilities-era-revolution-bhandari-tnghe> (дата обращения: 20.02.2026).

¹⁸ Lee Sung-yup. Three New Rights in the Digital Age [Электронный ресурс] / Korea International Trade Association (KITA). URL: https://www.kita.net/board/totalTradeNews/totalTradeNewsDetail.do;JSESSIONID_KITA=23A1182833AD49468F818ACD7A163132.Hyper?no=86602&siteId=1 (дата обращения: 20.02.2026).

¹⁹ Гарантирование свободы и прав в цифровой среде. Объявление о принятии «Цифрового билля

документом, закладывающим национальные стандарты и принципы цифровой эпохи. Его принятие знаменует переход от фрагментарного регулирования отдельных аспектов цифровых прав к формированию целостной системы принципов и гарантий, что представляет собой важный этап в развитии законодательства Республики Корея и может служить ориентиром для других государств.

Итак, изложенный выше подход к пониманию цифровых прав находит дальнейшее развитие в теории цифровых прав человека, которые рассматриваются как открытая система, включающая право на цифровое выживание, право на цифровую свободу, право на цифровое равенство и право на цифровую защиту²⁰. Таким образом, цифровые права предстают не как простой цифровой аналог классических прав, а как сложный, многомерный феномен, связанный с правами человека в цифровой среде, правами на данные и правовым статусом алгоритмов²¹.

Разделяя данный подход, в рамках настоящего исследования подчеркивается, что цифровые права, в своем широком понимании, представляют собой комплекс идей, принципов и норм, организующих и нормирующих взаимодействие субъектов права в цифровом пространстве, а также общественных отношений, связанных с использованием цифровых технологий.

Этот комплекс находит свое выражение и на международно-правовом уровне, где цифровые права закрепляются в виде декларативных норм, норм-принципов и норм-целей, задающих общие ориентиры и рамки для регулирования поведения субъектов в глобальном цифровом пространстве. Эти нормы формируют основу для выработки конкретных правовых режимов на национальном уровне, в том числе и для регулирования цифровых прав в их узком, имущественном значении.

о правах» [Электронный ресурс] // Policy Briefing (Korea.kr): официальный сайт правительства Республики Корея. 2023. URL: <https://www.korea.kr/news/policyNewsView.do?newsId=148920752> (дата обращения: 23.02.2026).

²⁰ Gao Y. Why Human Rights Are Important in the Digital Age: On Digital Human Rights as a Value System // *Modern Law Science*. 2022. Т. 3. С. 150.

²¹ Pleskach M. The Concept and Role of Digitalization in the Realization of the Human Right to Education: a Comparative Legal Perspective // 14th International Conference on Advanced Computer Information Technologies (ACIT), Ceske Budejovice, Czech Republic. 2024. P. 858–865.

Проведенный анализ зарубежных подходов позволяет выделить первую публично-правовую проекцию цифровых прав, образуемую международными и национальными декларативными нормами, нормами-принципами и нормами-целями, закрепляющими фундаментальные права человека в цифровой среде (право на информационное самоопределение, право на забвение, право на отключение, право на цифровое наследие и др.).

Данная проекция выполняет ценностно-ориентирующую и регулятивно-программную функцию, задавая общие конституционные рамки для последующего отраслевого законодательства, но сама по себе не обладает непосредственным имущественным содержанием.

Имущественный аспект цифровых прав на глобальном уровне опосредуется через такую категорию, как «токены». Так, в зарубежных странах для обозначения новых объектов гражданских прав, особенностью которых является их обращение в цифровой форме, используется понятие «токен»²². Токен представляет собой цифровой актив, включающий основанную на распределенном реестре (блокчейне) запись о наличии и содержании субъективных гражданских прав ее владельца²³. Правовой режим и содержание токена определены программным кодом смарт-контракта, исполнение которого обеспечивается децентрализованной инфраструктурой блокчейна, что придает возникающим правоотношениям свойства автоматизации, неизменности и верифицируемости.

Обращаясь к анализу зарубежных подходов к регулированию токенов, следует отметить, что значительный интерес представляет опыт Республики Корея, где сформировалась самобытная модель правового регулирования. В законодательстве и правовой доктрине Республики Корея понятие «токен» практически не используется, а предпочтение отдается категории «цифровые активы». Токены рассматриваются как техническая форма существования

²² Sadykhov R., Goodell G., De Montigny D., Schoernig M., Treleaven P. Decentralized token economy theory (DeTEcT): token pricing, stability and governance for token economies [Электронный ресурс] // *Frontiers in Blockchain*. 2023. Vol. 6. Article 1298330. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fbloc.2023.1298330/full> (дата обращения: 07.07.2024).

²³ Lehot L., Daugherty P. The Law of Tokenomics, Revisited [Электронный ресурс] // *Foley & Lardner LLP*. 2022. 25 January. URL: <https://www.foley.com/insights/publications/2022/01/law-tokenomics-revisited/> (дата обращения: 07.07.2024).

цифровых активов, однако в нормативных правовых актах и судебных решениях оперируют именно понятием цифровых активов, что отражает стремление законодателя к формированию унифицированного правового режима для всех объектов, существующих в цифровой форме и обладающих экономической ценностью.

Правовое регулирование цифровых активов в Республике Корея подтверждает переход от минимальных гарантий к комплексному регулированию. Если Закон «О защите прав пользователей цифровых активов» заложил основы защиты прав пользователей и обеспечения рыночной стабильности, то ожидаемое к концу 2026 года полноценное принятие нормативной системы второго этапа ознаменует собой вступление регулирования в сложную фазу, ориентированную на развитие оборота цифровых активов, реструктуризацию рынка и конвергенцию с традиционными финансовыми институтами²⁴.

Развитие цифровой экономики обуславливает необходимость распространения традиционных гражданско-правовых институтов, в том числе наследственного права, на принципиально новые виды объектов имущественного оборота. Как отмечается в исследовании Корейского института криминологии и юстиции (KICJ), стремительный рост числа цифровых активов – от объектов авторского права в цифровой форме до виртуальных активов – требует реформы наследственного права и обуславливает появление, так называемого, права на «цифровое наследие»²⁵. Вместе с тем, для решения вопроса о наследовании необходимо прежде всего определить правовую природу цифровых активов, что представляет собой одну из ключевых теоретических проблем современного гражданского права.

²⁴ О защите прав пользователей цифровых активов [Электронный ресурс]: Закон Республики Корея № 19563: принят 18 июля 2023 года // Корейский институт законодательных исследований. URL: https://elaw.klri.re.kr/kor_service/lawView.do?hseq=63_752&lang=KOR (дата обращения: 23.02.2026); Kim Yong-tae, Lee Bo-hyun, Woo Soo-young [et al.] Analysis and Forecast of 10 Key Issues in the Korean Virtual Asset Industry for 2026 [Электронный ресурс] // Hwawoo (Law Firm). 2026. URL: <https://www.hwawoo.com/kor/insights/newsletter/14524> (дата обращения: 20.02.2026).

²⁵ Research on digital heritage legislation reform [Электронный ресурс] // KICJ Korean Institute of Criminology and Justice. 2025. URL: https://kicj.re.kr/board.es?act=view&bid=0029&list_no=16082&mid=a20601010300 (дата обращения: 20.02.2026).

Действующее законодательство Республики Корея, в частности Закон «О защите пользователей цифровых активов», содержит легальное определение цифровых активов как «электронных сертификатов (включая все связанные с ними права), обладающих экономической ценностью, которые могут быть переданы или обменены в электронной форме»²⁶.

Однако ключевой теоретической проблемой становится определение природы этих активов и решение вопроса о допустимости применения к ним традиционных институтов гражданского права и принятого на сегодняшний день правового регулирования.

В Республике Корея правовой режим цифровых активов формируется через адаптацию фундаментальных категорий гражданского права, в частности, посредством Закона «Об электронной регистрации акций и облигаций» (далее – Закон об электронных ценных бумагах), но с некоторыми особенностями²⁷.

Так, как отмечает Ли Гю Чхоль, указанный нормативный акт признает за владельцем записи в электронном реестре право собственности на нематериальный объект (цифровые акции), что является отступлением от классического принципа, связывающего право собственности только с материальными вещами²⁸. Закон оперирует понятием «владелец» применительно к цифровому объекту, не имеющему материальной формы, что демонстрирует признание законодателем цифровых активов полноценными объектами оборота, несмотря на их нематериальную природу.

Вместе с тем законодатель в Республике Корея не пошел по пути прямого приравнивания цифровых активов к материальным вещам, что позволяет говорить

²⁶ О защите прав пользователей цифровых активов [Электронный ресурс]: Закон Республики Корея № 19563: принят 18 июля 2023 года // Корейский институт законодательных исследований. URL: https://elaw.klri.re.kr/kor_service/lawView.do?hseq=63752&lang=KOR (дата обращения: 23.02.2026);

²⁷ Об электронной регистрации акций и облигаций [Электронный ресурс]: Закон Республики Корея № 14096: принят 22 марта 2016 года // Корейский институт законодательных исследований: официальный сайт. – Ст. 2, 35. – URL: https://elaw.klri.re.kr/eng_mobile/viewer.do?hseq=38455&type=part&key=23 (дата обращения: 20.02.2026).

²⁸ Lee Gyu-cheol. The Legal Status of Digital Assets and Implications of the Electronic Securities Act [Электронный ресурс] // Law Plaza. 2025. URL: <https://www.lawtimes.co.kr/news/articleView.html?idxno=211886> (дата обращения: 20.02.2026).

о формировании особой категории прав, не сводимых ни к вещным, ни к обязательственным правам в их традиционном понимании (так называемый «третий вид»). Если классические объекты гражданского права существуют физически, то здесь нематериальная природа цифровых активов требует иного способа легитимации – эту функцию выполняет достоверный реестр, который формализует оборот и придает объектам свойства, необходимые для участия в обороте. Право на цифровой актив и его передача (оборот) удостоверяются исключительно записью в электронном реестре, обладающей публичной достоверностью, независимо от воли обязанного лица (эмитента). Переход права собственности происходит в момент внесения записи в электронный реестр (систему учета по счетам), причем данная запись имеет правоустанавливающее значение.

Стремительное развитие цифровых технологий объективно требует адекватного нормативного реагирования со стороны государства. В этом контексте показательным примером законотворческой деятельности выступает инициатива, предпринятая 11 июня 2025 года группой членов Национального собрания Республики Корея, которые внесли на рассмотрение законопроект «Об основах регулирования цифровых активов»²⁹. Из названия документа следует его системообразующий характер – данный нормативный акт позиционируется как базовый закон, призванный сформировать правовую базу для оборота цифровых активов.

Анализ содержания законопроекта позволяет заключить, что он охватывает широкий спектр правоотношений, включая унификацию понятийного аппарата, определение прав и обязанностей субъектов оборота, установление механизмов лицензирования и надзора за деятельностью операторов платформ, а также легализацию процедур выпуска (эмиссии) цифровых активов.

²⁹ Законопроект «Об основах регулирования цифровых активов» № 2210736 от 11 июня 2025 г. [Электронный ресурс] // Система информации о законопроектах Национального собрания Республики Корея. URL: https://likms.assembly.go.kr/bill/billDetail.do?billId=PRC_T2R5S0Q6P0P5X0Y9W1W1V3V0U7C4C1 (дата обращения: 20.02.2026).

Примечательно, что даже в условиях отсутствия такого закона судебная система Республики Корея не остается безучастной к защите прав при их нарушении, допущенных в ходе оборота активов. Формирующаяся правоприменительная практика демонстрирует готовность судов к рассмотрению требований владельцев цифровых активов посредством применения общих норм гражданского законодательства, а также выработке подходов, которые в перспективе могут быть восприняты законодателем.

Показательным в этом отношении является решение Суда центрального округа Чханвон от 30 октября 2025 года по делу № 2024가합105225³⁰. В рамках данного дела группа пользователей (истцы) обратилась с иском к компании-оператору платформы (ответчик) о взыскании стоимости принадлежавших им активов, номинированных в токенах «D», в национальной валюте – корейских вонах. Ответчик, возражая против заявленных требований, апеллировал к тому обстоятельству, что эмитентом токена выступает иное юридическое лицо, в связи с чем, по его мнению, обязательства перед пользователями у компании-оператора отсутствуют. Суд, исследовав представленные доказательства, включая договорную документацию, переписку сторон и свидетельские показания, отклонил данный довод как несостоятельный. Суд признал надлежащим ответчиком именно то лицо, которое осуществляло управление платформой, непосредственно взаимодействовало с пользовательским сообществом и предоставляло публичные заверения относительно доходности и возвратности вложений, формируя тем самым законные ожидания у инвесторов.

Представляется, что данное судебное решение имеет практическое значение для защиты прав участников отношений в сфере цифровых активов. Оно демонстрирует, что даже при отсутствии специального законодательства суды способны обеспечить защиту нарушенных прав, применяя общие принципы и нормы права и оценивая экономическую сущность отношений сторон. В частности,

³⁰ По делу № 2024가합105225: решение Суда центрального округа Чханвон от 30 октября 2025 г. [Электронный ресурс] // Официальный портал судебной информации Верховного Суда Республики Корея. URL: <https://www.scourt.go.kr/portal/dcboard/DcNewsViewAction.work?seqnum=27535> (дата обращения: 20.02.2026).

суд признал за цифровыми активами качество имущественной ценности, подлежащей судебной защите, а также установил ответственность фактического оператора платформы.

В этой связи представляется, что принятие «Закона об основах регулирования цифровых активов» способно не только устранить существующие пробелы в праве, но и систематизировать уже сформированные судебной практикой в Республике Корея подходы.

Таким образом, подход Республики Корея к пониманию цифровых прав как объектов оборота можно охарактеризовать как двухуровневый. На первом уровне находятся личные неимущественные права (на доступ, на самоопределение, на забвение), которые создают саму возможность легального и безопасного участия в цифровой экономике. На втором уровне формируется понимание цифровых активов как объектов гражданского права, что неизбежно ставит вопрос об их имущественной природе и, следовательно, о возможности применения к ним традиционных конструкций, выработанных в гражданском праве.

Поскольку правовой режим токенов не является унифицированным и зависит от конкретной разновидности объекта, принципиальное значение приобретает вопрос классификации. Мировая практика демонстрирует разнообразие подходов к их классификации, основанных прежде всего на функциональном назначении. Одной из наиболее авторитетных и распространенных является классификация, предложенная Швейцарским управлением по надзору за финансовыми рынками (FINMA) в 2018 году³¹. Руководства и иные акты FINMA дают общие рекомендации участникам рынка и являются необязательными для исполнения в отличие от нормативных правовых актов.

В пункте 3.1 Руководства по обращению с токенами (далее по тексту – Руководство) последние классифицированы по критерию цели на три следующие вида:

³¹ Guidelines for enquiries regarding the regulatory framework for initial coin offerings (ICOs): Published 16 February 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.finma.ch/en/news/2018/02/20180216-mm-ico-wegleitung/> (дата обращения: 25.07.2024).

1) *платежные токены (Payment tokens)* – являются синонимами криптовалют и не имеют дополнительных функций. В некоторых случаях токены могут только развить необходимую функциональность и стать принятыми в качестве платежного средства с течением времени;

2) *утилитарные токены (Utility tokens)* – это токены, предназначенные для предоставления цифрового доступа к определенным продуктам или услугам на платформе;

3) *токены ценных бумаг/активов (Asset tokens)* – представляют собой права требования на материальные активы, участие в компаниях или права на дивиденды.

Также в Руководстве отдельно отмечаются *гибридные токены*, которые могут сочетать в себе функции утилитарных, платежных и токенов ценных бумаг/активов. Например, утилитарный токен, который также может использоваться для платежей, должен соответствовать правилам, устанавливающим требования как для утилитарных, так и для платежных токенов.

Так, платежные токены используются сторонами в качестве платежного средства для урегулирования обязательств между ними. Утилитарные токены предоставляют доступ к услуге или товару, предоставляемых эмитентом. Токены ценных бумаг/активов выполняют ту же функцию, что и традиционные ценные бумаги, такие как облигации или акции.

На основе функционального критерия, выделенного FINMA, в мировой практике сложилась устойчивая система классификации токенов. Вместе с тем, применительно к российскому правопорядку, в котором токены не получили легального закрепления. Федеральный закон № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах» (далее по тексту – Закон о цифровых валютах и цифровых правах), вступивший в силу с 1 сентября 2026 года, за исключением отдельных положений, для которых установлены иные сроки вступления их в силу, ввел систему регулирования цифровых активов, отличную от зарубежных подходов. В широком смысле к цифровым активам Закон относит три группы объектов: цифровые валюты, цифровые права и иностранные цифровые инструменты³².

³² О цифровых валютах и цифровых правах: Федеральный закон от 04.08.2026 № 282-ФЗ //

Особое место в мировой практике занимают стейблкоины – токены, стоимость которых стабилизирована за счет привязки к фиатным валютам, товарам (золото) или ценным бумагам, правовой режим которых активно развивается.

В середине 2019 года Руководство было дополнено рекомендациями по вопросу правового регулирования стейблкоинов³³. Особенность стейблкоина (в переводе с английского языка – «стабильная монета») как токена в том, что его стоимость привязана к той или иной фиатной валюте (например, доллару) или физическому активу (например, золоту), в связи с чем стейблкоин не подвержен волатильности³⁴.

В июне 2024 года Швейцарское управление по надзору за финансовыми рынками FINMA опубликовало еще одно Руководство по регулированию стейблкоинов в дополнение к ранее принятым актам³⁵.

В Руководстве по регулированию стейблкоинов представлены следующие виды стейблкоинов:

1. *Стейблкоины, стоимость которых привязана к валютам.* Если токен привязан к определенной валюте, то обращение таких токенов осуществляется в соответствии с требованиями законодательства о банковской деятельности Швейцарии.

2. *Стейблкоины, стоимость которых привязана к товарам.* Для определения типа токена необходимо обратить внимание на точную природу требования и тип товара. Если токен подтверждает только право собственности его держателя, он не будет квалифицироваться как ценная бумага.

Российская газета. 2026. № 178–179.

³³ Supplement to the guidelines for enquiries regarding the regulatory framework for initial coin offerings (ICOs) [Электронный ресурс] / Swiss Financial Market Supervisory Authority (FINMA). – Опубликовано 11.09.2019. URL: <https://www.finma.ch/en/news/2019/09/20190911-mm-ico-wegleitung-supplement/> (дата обращения: 25.05.2024).

³⁴ Mell P., Yaga D. Understanding Stablecoin Technology and Related Security Considerations [Электронный ресурс]: NIST Interagency/Internal Report (NISTIR) 8408 / National Institute of Standards and Technology. Gaithersburg, MD, 2023. URL: <https://doi.org/10.6028/NIST.IR.8408> (дата обращения: 25.05.2024).

³⁵ Guidance 06/2024 Stablecoins: risks and challenges for issuers of stablecoins and banks providing guarantees [Электронный ресурс] / European Banking Authority (EBA). URL: <https://www.eba.europa.eu/eba-publishes-guidance-stablecoins-risks-and-challenges-issuers-stablecoins-and-banks-providing> (дата обращения: 25.05.2024).

3. *Стейблкоины, стоимость которых привязана к недвижимости.* Токен, связанный с недвижимостью, представляет собой инвестиционный инструмент.

4. *Стейблкоины, стоимость которых привязана к ценным бумагам.* Токен, связанный с ценной бумагой, как правило, считается ценной бумагой.

Стейблкоины практически не подвержены ценовым колебаниям вне зависимости от условий на рынке, что отличает их от иных платежных токенов, например, Ethereum. В настоящее время крупнейший по капитализации стейблкоин – USDT от компании Tether, который активно используется в трансграничных расчетах, в частности, российскими компаниями в условиях воздействия односторонних ограничительных экономических мер. В связи с чем неоднократно обсуждалась возможность признания стейблкоина в качестве официального средства платежа. Для этого необходимо определить правовое регулирование стейблкоина и его природу – является ли стейблкоин цифровым финансовым активом или относится к иным цифровым правам или же является цифровой валютой.

18 июля 2025 года Президент США Дональд Трамп подписал законопроект, который установил нормативную базу для стейблкоинов – The Genius Act³⁶. Данный нормативный акт устанавливает обязательные требования к эмитентам, включая обеспечение токенов ликвидными активами (долларами, краткосрочными казначейскими облигациями и др.), а также необходимость прохождения регулярного аудита.

Закон вводит двухуровневую систему лицензирования: для эмитентов с капитализацией менее 10 млрд долл. США предусмотрена регистрация на уровне штатов, свыше указанной суммы установлена обязанности получать федеральную лицензию. Кроме того, приравнивание эмитентов стейблкоинов к финансовым учреждениям расширяет на них действие законодательства о банковской тайне, включая требования по KYC (Know Your Customer), AML (Anti-Money Laundering) и блокировке транзакций по требованию регуляторов.

³⁶ The Genius Act, S. 1582, 119th Cong. (2023) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Конгресса США. URL: <https://www.congress.gov/bill/119th-congress/senate-bill/1582> (дата обращения: 20.07.2025).

Реализация положений указанного закона создаст предпосылки для возможного распространения соответствующего регуляторного опыта на сферу правового регулирования стейблкоинов в иных зарубежных правовых порядках. Анализ американской модели регулирования стейблкоинов представляет значительный интерес для дальнейшего развития отечественной законодательной базы в данной области.

Обратившись к опыту Сингапура, следует отметить, что в Сингапуре установлены особые требования (лицензирование эмитента, требования к обеспечению и ликвидности) при соблюдении которых отдельные стейблкоины могут использоваться в качестве аналога электронных денежных средств при расчетах. Стейблкоины, которые привязаны к сингапурскому доллару, подлежат нормативному регулированию, предусмотренному для электронных денежных средств.

В юридической доктрине Республики Корея стейблкоины определяются как разновидность виртуальных активов, специально разработанных для поддержания стабильной стоимости по отношению к базовому активу, которым может выступать фиатная валюта, товары (например, золото) либо пул активов³⁷. Исходя из нормативного определения виртуальных активов в законодательстве Республики Корея, стейблкоины подпадают под категорию виртуальных активов.

Второй этап законодательного регулирования цифровых активов, который в настоящее время находится в стадии разработки, предполагает введение специального режима для стейблкоинов³⁸. Хотя окончательный текст законопроекта еще не утвержден, на основе имеющихся данных можно выделить следующие вероятные направления регулирования. Так, предполагается, что выпуск стейблкоинов будет разрешен только лицам, получившим лицензию (разрешение) Комиссии по финансовым услугам. Требования к лицензированию,

³⁷ Lee J.-m. Key Issues Related to Stablecoin Issuance Before Phase 2 of Digital Asset Legislation [Электронный ресурс] // Legal Times. 2026. URL: <https://www.lawtimes.co.kr/news/articleView.html?idxno=214986> (дата обращения: 20.02.2026).

³⁸ Lee J.-m. Key Issues Related to Stablecoin Issuance Before Phase 2 of Digital Asset Legislation [Электронный ресурс] // Legal Times. 2026. URL: <https://www.lawtimes.co.kr/news/articleView.html?idxno=214986> (дата обращения: 20.02.2026).

вероятно, будут включать наличие собственного капитала, наличие кадровых и материально-технических ресурсов и обоснованность бизнес-плана.

Особое внимание уделяется вопросу о составе акционеров эмитента, в частности о возможности владения банками контрольным пакетом акций (более 50%)³⁹. Поскольку центральный банк обладает монополией на выпуск и распространение валюты, если частная компания выпускает стейблкоин с функциями, аналогичными валюте, возникает вопрос о безопасности платежей и расчетов. Поэтому эмитентом должен быть только консорциум, в котором банки владеют контрольным пакетом акций (50% или более). Вместе с тем, монополистическая структура, ориентированная на банки, препятствует развитию и распространению стейблкоинов, и для обеспечения конкурентоспособности на мировом рынке должны появиться стейблкоины, созданные платформами или крупными технологическими компаниями.

Еще одним важным аспектом является регулирование оборота иностранных стейблкоинов на внутреннем рынке. В отношении стейблкоинов, эмитированных за рубежом, предполагается разрешить их обращение в Республике Корея только при условии, что эмитент получил лицензию в стране происхождения, соответствующую международным стандартам, и учредил местное отделение (филиал) на территории Республики Корея⁴⁰. Введение таких требований, как обязательное создание филиалов на территории Республики Корея и соблюдение внутренних правил, может ослабить влияние иностранных стейблкоинов на внутреннем рынке. И наоборот, ослабление влияния иностранных стейблкоинов на внутреннем рынке может также привести к международной изоляции внутреннего рынка стейблкоинов Республики Корея.

Рассмотренные выше вопросы доступа иностранных стейблкоинов на национальный рынок касаются преимущественно взаимодействия юрисдикций и

³⁹ Kim Yong-tae. Analysis and Forecast of 10 Key Issues in the Korean Virtual Asset Industry for 2026 [Электронный ресурс] // Hwawoo (Law Firm). 2026. URL: <https://www.hwawoo.com/kor/insights/newsletter/14524> (дата обращения: 20.02.2026).

⁴⁰ Kim Yong-tae. Analysis and Forecast of 10 Key Issues in the Korean Virtual Asset Industry for 2026 [Электронный ресурс] // Hwawoo (Law Firm). 2026. URL: <https://www.hwawoo.com/kor/insights/newsletter/14524> (дата обращения: 20.02.2026).

статуса эмитентов. Однако не менее важным представляется анализ сущностных характеристик самих токенов, определяющих специфику их гражданского оборота. Базовое значение для понимания правовой природы этих объектов имеет их классификация, в том числе предложенная международными стандартами.

Согласно Международной организации по стандартизации (Blockchain and Distributed Ledger Technologies - Vocabulary, 2023), существуют различные типы токенов. Так, еще одна важная классификация делит токены на взаимозаменяемые (fungible) и невзаимозаменяемые (NFT – Non-Fungible Token) ⁴¹. NFT-токены уникальны и не могут быть заменены другим идентичным токеном, что делает их идеальным инструментом для цифрового представления уникальных объектов искусства, коллекционных предметов или прав на них. Правовая природа различий между указанными видами токенов обнаруживает прямую аналогию с классическим гражданско-правовым делением вещей, закрепленным в ГК РФ. Так, токены, выступающие аналогом вещей, определенных родовыми признаками, являются взаимозаменяемыми (например, utility-токены одной эмиссии). Напротив, индивидуально-определенные токены (NFT) обладают уникальными свойствами, которые исключают их эквивалентную замену, что сближает их с индивидуально-определенными вещами (например, уникальным объектом искусства). Подобно вещам, токены также могут обладать индивидуально-определенными признаками. Основное различие между взаимозаменяемыми токенами и невзаимозаменяемыми токенами заключается в том, что невзаимозаменяемые токены уникальны, не могут быть заменены другими токенами, и их свойства также уникальны, тогда как все взаимозаменяемые токены предоставляют одинаковые права и могут быть заменены другими взаимозаменяемыми токенами того же вида.

Между тем, данные токены являются единственным видом токенов, незапрещенным в гражданском обороте в Китайской Народной Республике. Так, в Китайской Народной Республике, помимо цифрового юаня (e-CNY), выпущенного

⁴¹ ISO 22739:2020. Blockchain and distributed ledger technologies – Vocabulary [Электронный ресурс] // Международная организация по стандартизации. URL: <https://www.iso.org/obp/ui/#iso:std:iso:22739:dis:ed-2:v1:en> (дата обращения: 17.03.2025). Текст: электронный.

Народным банком Китая, виртуальные валюты (или криптовалюты) в качестве законного платежного средства не признаются, их обращение строго запрещено⁴².

Как ранее было отмечено, в Китайской Народной Республике не запрещены невзаимозаменяемые токены (NFT-токены), хотя они также обращаются на платформах, основанных на технологии блокчейн. Это связано прежде всего с тем, что NFT-токены отличаются от валют из-за их неоднородной природы. NFT-токены в Китае рассматриваются как цифровые предметы коллекционирования, поскольку используются для продвижения цифрового искусства на рынок. NFT-токены, как правило, включают в себя гиперссылку на цифровое или физическое произведение искусства, включенную в токен. С помощью невзаимозаменяемых токенов могут быть созданы цифровые репрезентации произведений искусства, предметов коллекционирования и других индивидуализированных объектов.

13 апреля 2022 года Национальная ассоциация интернет-финансов, Национальная банковская ассоциация и Ассоциация ценных бумаг Китайской Народной Республики совместно приняли Инициативу по предотвращению финансовых рисков, связанных с NFT (the NFT Initiative)⁴³. Признавая потенциальную ценность NFT-токенов в содействии развитию культуры Китая и индустрии творчества, ассоциации подчеркнули, что финансирование NFT-токенов будет строго запрещено, также, как и выпуск NFT, связанных с финансовыми активами, предоставление централизованных торговых услуг для NFT, использование виртуальных валют, таких как Bitcoin, Ethereum и др. в качестве средства платежа при выпуске NFT-токенов и торговле ими.

Также токены могут быть квалифицированы на делимые и неделимые. При этом взаимозаменяемость и делимость коррелируют друг с другом, но есть исключения. Взаимозаменяемые токены обычно делимы, но это не всегда так (например, токен может давать право на определенную услугу или товар, которые

⁴² Five ministries and commissions including the People's Bank of China issued a notice on preventing Bitcoin risks // The Central People's Government of the People's Republic of China. 2013. URL: http://www.gov.cn/gzdt/2013-12/05/content_2542751.htm (дата обращения: 25.05.2024).

⁴³ Initiative on Preventing Financial Risks Associated with NFTs [Электронный ресурс] / National Internet Finance Association of China (NIFA). 2022. URL: https://jrjgj.cq.gov.cn/zwx_208/jrzx/202204/t20220418_10629144_wap.html (дата обращения: 25.05.2024).

не могут быть разделены, например, право на получение определенного инструмента), а делимость может иметь ограничения (даже криптовалюты могут быть разделены до такой незначительной степени, что фракции уже перестают обладать имущественной ценностью).

Представляется, что по содержанию токены могут быть классифицированы на следующие виды: 1. собственные токены; 2. токены, связанные с виртуальными активами или услугами; 3. токены, связанные с материальными активами или услугами. Так, собственные токены регулируются в соответствии с правилами платформы, на которой они обращаются и не имеют каких-либо связей за пределами данной платформы. Собственные токены не включают в себя никаких прав – владелец только приобретает сам токен и может передавать его другим лицам. Остальные два вида токенов связаны с активами или услугами посредством смарт-контрактов, которые определяют права, которыми обладают владельцы токенов. Различие между ними заключается в том, что одни активы или услуги существуют только в виртуальной среде, другие – в материальной форме.

Собственные токены могут использоваться в качестве средства платежа на данной платформе, например, EТН используется в качестве средства платежа на платформе Ethereum, в таком случае токен относится как к первому, так и ко второму виду токенов.

Разница между токенами, связанными с виртуальными активами и услугами, и токенами, связанными с материальными активами и услугами, имеет ключевое значение и поднимает различные юридические вопросы. Обращение токенов, связанных с виртуальными активами и услугами, осуществляется посредством смарт-контрактов. Поскольку активы или услуги, права на которые предоставляет токен, являются виртуальными, исполнение смарт-контракта происходит без необходимости совершения каких-либо иных действий. Поскольку смарт-контракты не могут быть отделены от токенов, то исполнение содержания токена является гарантированным.

Вместе с тем, для третьего вида токенов ситуация не является столь однозначной. Токены третьего вида содержат право на материальный актив или

услугу, которые существуют в материальной форме (например, вещь). Однако обеспечение соответствия реального актива или услуги требованиям, установленным в смарт-контракте, требует дополнительных действий – самоисполнение смарт-контракта в данной части невозможно. Так, смарт-контракт не может гарантировать, что эмитент действительно поставит владельцу токена материальный актив или окажет услугу.

При таких обстоятельствах в дело вступают оракулы – сторонние сервисы, которые предоставляют смарт-контрактам связь с внешними источниками информации, т. е. выступают в качестве так называемого моста между блокчейнами и внешним миром⁴⁴. Оракулы могут интегрировать информацию из внешнего мира при выполнении смарт-контрактов, а также могут быть использованы для обеспечения соответствия между условиями контракта и характеристиками материальных активов или услуг.

Одной из возможностей, которые предоставляют инновационные технологии, является использование Интернета вещей (IoT) для автоматического выполнения обязательств, принятых по смарт-контракту⁴⁵.

Итак, владельцы токенов третьего вида должны быть уверены в своих правах на активы в материальной форме, для чего их права должны быть надлежаще защищены. Те, кто приобретает токены третьего вида, полагаются на обязательства эмитента. Полагаем необходимым принятие соответствующего правового регулирования, гарантирующего получение владельцами токенов третьего вида актива или услуги в точном соответствии с требованиями, установленными в смарт-контракте.

Более того, материальный актив, права на который предоставляет токен, также может быть отчужден иному лицу традиционными способами, в связи с чем также необходимо нивелировать риск параллельной передачи токена, содержащего

⁴⁴ Бабаев А. И. Влияние сторонних сервисов на развитие гражданско-правового оборота в условиях цифровизации // Образование и право. 2024. № 12. С. 422–424; Зверькова Т. Н. Трансформация финансового посредничества под влиянием DeFi // Мир новой экономики. 2026. № 1. С. 48.

⁴⁵ Белалова Г. А. Перспективы использования технологии блокчейн для улучшения финансовых транзакций // Экономика и социум. 2026. № 2-1. С. 610.

права на материальный актив, и самого материального актива на уровне законодательства.

Центральным вопросом правового режима токенов является признание их объектом гражданских прав. В данном аспекте показателен подход стран общего права, в которых практика пошла по пути применения к токенам норм о праве собственности. Так, гибкость правовых норм, способность к адаптации и существующие прецеденты в странах общего права способствуют признанию токенов как объектов собственности.

В частности, традиционное определение собственности и критерии отнесения того или иного объекта к собственности изложены в решении Палаты лордов Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии по делу *National Provincial Bank v Ainsworth*: «собственность должна поддаваться определению, идентифицироваться третьими лицами, по своей природе быть доступной для определения третьими лицами и обладать определенной степенью постоянства или стабильности»⁴⁶.

Высокий суд Сингапура, рассматривавший дело *Janesh s/o Rajkumar v. Unknown Person*, пришел к выводу о возможности существования права собственности на NFT-токены в соответствии с критериями, установленными по делу *National Provincial Bank v Ainsworth*⁴⁷.

Это решение следует общему смыслу ранее принятого решения Высокого суда Сингапура по делу *CLM против CLN*, в котором установлено, что криптовалюта может быть классифицирована как имущество, которое может быть защищено с помощью имущественных запретов⁴⁸.

⁴⁶ *National Provincial Bank v. Ainsworth* // Official Law Reports: Appeals Cases. 1965. Vol. 1965, No. 1. P. 1248. Judgment of 13 May 1965.

⁴⁷ *Janesh s/o Rajkumar v. Unknown Person* [Электронный ресурс]: дело № 1414: решение Высокого суда Республики Сингапур (Singapore High Court) от 29.09.2022. URL: https://www.elitigation.sg/gd/s/2022_SGHC_264 (дата обращения: 07.07.2024).

⁴⁸ *CLM v. CLN and others* [Электронный ресурс]: решение Высокого суда Республики Сингапур (Singapore High Court) от 28.02.2022, дело № 6. URL: https://www.elitigation.sg/gd/s/2022_SGHC_46 (дата обращения: 07.07.2024).

В двух вышеуказанных делах суд пришел к выводу, что криптовалюта и NFT-токены могут считаться собственностью в соответствии с тестом Ainsworth, поскольку они:

1) поддаются определению. Криптовалюта состоит из машиночитаемой последовательности символов, записанных в блокчейне, и является достаточно определяемой. Аналогично, NFT-токен состоит из метаданных, которые хранятся в блокчейне, и такие метаданные отличают один NFT-токен от другого;

2) могут быть идентифицированы третьими сторонами. Владелец криптовалюты / NFT-токена может запретить третьим лицам использовать / извлекать выгоду из криптовалюты / NFT-токена с помощью своего «кода», который необходим для записи переводов с одного счета на другой;

3) могут использоваться третьими лицами, что очевидно из того факта, что многие криптовалюты и NFT-токены являются предметом активных торговых рынков;

4) обладают определенной степенью стабильности, поскольку они размещены на блокчейне.

Признание Сингапуром криптовалюты и NFT-токенов соответствует тенденции признания и защиты токенов в качестве имущества в иностранных юрисдикциях.

По общему праву, помимо соответствия критериям, сформулированным по делу National Provincial Bank v Ainsworth, собственность также должна относиться к одной из двух категорий: физический актив (a physical asset) или актив в действии (a choses in action).

Очевидно, что токены не являются физическими активами, поскольку они не являются материальными. Однако вопрос о том, можно ли считать токены активами в действии является более спорным. В вышеуказанных делах Высокий суд Сингапура обошел этот вопрос стороной и ограничился применением критериев, выработанных по делу National Provincial Bank v Ainsworth.

Более чем через год Высокий суд Сингапура мог пересмотреть вопрос о том, могут ли цифровые активы быть собственностью в деле ByBit Fintech Ltd v Ho Kai

Xin, где он должен был решить, может ли стейблкоин храниться на доверительном управлении⁴⁹.

Высокий суд Сингапура в деле *ByBit Fintech Ltd v Ho Kai Xin* отметил, что категория вещей, рассматриваемых как *choses in action*, является «широкой, гибкой и не является закрытой». Суд отметил, что владелец цифрового актива также обладает нематериальным правом собственности, то есть правом на то, чтобы конкретный цифровой актив был «привязан» к его публичному адресу в блокчейне. Соответственно, Суд пришел к выводу, что такое право может являться *choses in action* и, следовательно, собственностью в соответствии с законом.

Таким образом, Высокий суд Сингапура пришел к выводу, что цифровые активы могут считаться собственностью в соответствии с законом и соответственно, подлежат защите. Эти авторитетные заявления Суда вселяют большую уверенность в том, что обладатели токенов в случае, если их права на токены будут нарушены, смогут обратиться за их защитой. Поэтому представляется обоснованным, что суды Сингапура (и иные суды в странах общего права) продолжают применять меры для обеспечения того, чтобы участники гражданского оборота в будущем могли защитить принадлежащие им токены.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы, имеющие значение для развития цивилистической доктрины.

Цифровая трансформация обусловила формирование комплексного регуляторного ответа в виде формирования цифрового права, которое охватывает как новые категории прав человека, так и имущественных отношений в цифровой среде.

В рамках анализа зарубежных подходов выделена публично-правовая проекция цифровых прав, образуемая международными и национальными декларативными нормами, нормами-принципами и нормами-целями, закрепляющими фундаментальные права человека в цифровой среде (право на

⁴⁹ *ByBit Fintech Ltd v. Ho Kai Xin* [Электронный ресурс]: решение Высокого суда Республики Сингапур (Singapore High Court) от 25.07.2023, дело № 276. URL: https://www.elitigation.sg/gd/s/2023_SGHC_199 (дата обращения: 07.07.2024).

информационное самоопределение, право на забвение, право на отключение, право на цифровое наследие и др.).

Имущественный аспект цифровых прав опосредуется через такую категорию, как токен. Его гражданско-правовая природа заключается в том, что он представляет собой основанную на блокчейне запись о наличии и содержании прав владельца, алгоритмически обеспечиваемую смарт-контрактом, что придает отношениям свойства автоматизации, неизменности и верифицируемости. Правовой режим токена не является универсальным и напрямую зависит от его квалификации по функциональному (платежный, утилитарный, токен-актив) и юридико-техническому (взаимозаменяемый / невзаимозаменяемый) признакам.

Ключевой тенденцией в развитии правового регулирования токенов является их интеграция в традиционные правовые конструкции. Как показывает анализ зарубежного опыта, в частности стран общего права, распространенным является признание за токенами режима объекта права собственности через применение классических критериев определяемости и отнесения к категории «активов в действии», что обеспечивает их защиту с помощью вещно-правовых способов. В зарубежных правовых порядках также прослеживаются элементы второй (законодательной) проекции, выражающиеся в нормативном регулировании токенов и цифровых активов, однако ее содержательное наполнение и механизмы реализации существенно различаются в зависимости от национальной правовой системы. Российская модель цифровых прав, основанная на ст. 141.1 ГК РФ, будет рассмотрена в следующем параграфе настоящего исследования.

Опыт зарубежных юрисдикций является актуальным для развития российского законодательства. Различные регуляторные модели демонстрируют широкий спектр возможных подходов, что представляет значительный интерес для дальнейшего совершенствования российской правовой конструкции цифровых прав и определения их правового режима в рамках национального гражданского законодательства.

1.2. Понятие и правовая природа цифровых прав в Российской Федерации

Одной из важнейших задач государственной политики Российской Федерации является переход экономики на цифровой путь развития. Под влиянием преобразования общественных отношений в связи с широким использованием цифровых технологий формируется новая область гражданско-правового регулирования имущественных отношений, связанных с появлением цифровых прав.

Возникновение цифровых прав влечет за собой ряд вопросов, связанных с их содержанием, осуществлением, распоряжением ими, их нарушением, ответственностью за их нарушение и, безусловно, их защитой. Перед тем, как перейти к исследованию способов защиты цифровых прав субъектов гражданского оборота, полагаем необходимым определить правовой режим и виды цифровых прав в Российской Федерации.

Так, ГК РФ был дополнен статьей 141.1, установившей понятие цифровых прав, которое, вместе с тем, неоднократно подвергалось критике со стороны ученых. Кроме того, статья 128 ГК РФ была дополнена цифровыми правами, которые по тексту статьи относятся к разновидности имущественных прав⁵⁰.

Некоторые отечественные ученые полагают, что закрепление категории «цифровые права» в качестве объекта гражданских прав привело к возникновению паронимов в легальном понятийном аппарате. Так, в доктрине международного права под цифровыми правами понимаются право на получение доступа к сети Интернет и возможности пользоваться ей, цифровые носители, а также право, позволяющее лицу создавать, получать и использовать информацию в цифровой форме и другие права⁵¹.

⁵⁰ О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ // Российская газета. 2019. № 60.

⁵¹ См., например, Coccoli J. The Challenges of New Technologies in the Implementation of Human Rights: An Analysis of Some Critical Issues in the Digital Era // Peace Human Rights Governance. 2017. Vol. 1. Iss. 2.

Некоторые ученые рассматривают цифровое право как самостоятельную отрасль права, то есть совокупность норм, регулирующих общественные отношения в связи с использованием цифровых данных и технологий⁵². Так, В. А. Вайпан рассматривает цифровое право как самостоятельную отрасль права и как часть более широкой отрасли – информационного права, отмечая при этом, что оно обладает собственным предметом регулирования, охватывающим как цифровую форму традиционных отношений, так и качественно новые, специальные цифровые отношения (например, связанные со смарт-контрактами, искусственным интеллектом)⁵³. Вместе с тем вывод о становлении цифрового права как самостоятельной отрасли права в рамках принятых в российской юридической науке критериев (по самостоятельности предмета и метода правового регулирования) представляется дискуссионным.

В развитие темы комплексного регулирования цифровых отношений необходимо отметить, что дискуссия о признании цифрового права самостоятельной отраслью права связана с идеей разработки Цифрового кодекса⁵⁴. Ученые обосновывают самостоятельность отрасли наличием особого предмета регулирования – общественных отношений, возникающих в связи с созданием, обработкой, передачей и использованием цифровой информации и технологий, – а также формированием особых методов правового воздействия, сочетающих частноправовые и публично-правовые начала с учетом технологической составляющей. В этом контексте Цифровой кодекс представляется как системообразующий, кодифицированный акт, который будет аккумулировать все нормы, заложит единые отраслевые принципы и унифицирует понятийный аппарат.

⁵² Зайцев О. В. Цифровое право в системе российского права // Lex Russica. 2024. № 77 (9 (214)). С. 126, Суркова О. Е. К вопросу о формировании цифрового права // Право и государство: теория и практика. 2025. № (6). С. 277.

⁵³ Вайпан В. А. Понятие и правовая природа цифрового права // Право и бизнес. 2024. № 2 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2026).

⁵⁴ Захаров А. В. Феномен цифрового права. Возможен ли Цифровой кодекс? // Евразийская адвокатура. 2025. № 1 (72). С. 154–156, Власова Е. Л., Давыдова М. В. Цифровые и информационные права // Право и государство: теория и практика. 2025. № 6. С. 135–138, Власова Е. Л. Цифровые права: теоретические и практические вопросы // Human Progress. 2025. № 11 (3). С. 26.

Между тем, полагаем, что в целях создания стратегических ориентиров для последующего законотворчества в Российской Федерации имеется необходимость разработки и принятия специального доктринально-правового акта в сфере цифровых гражданских отношений, устанавливающего основополагающие принципы цифровой трансформации частноправовых отношений, а также стратегические приоритеты государства в области защиты имущественных и неимущественных интересов субъектов в цифровой среде.

Н. Е. Ладенков полагает, что «цифровое право» является не отдельной отраслью, а цифровой подсистемой в рамках существующей правовой системы, поскольку происходящие изменения не меняют сущности права, а лишь расширяют его инструментарий за счет интеграции новых технологических элементов, которые не укладываются в традиционное отраслевое деление и не существуют параллельно классическому праву⁵⁵. Вместе с тем в рамках гражданско-правового регулирования цифровые права и связанные с ними институты проявляют признаки самостоятельного предметного единства (подотрасли или института), в связи с чем говорить о формировании подсистемы права или самостоятельной отрасли пока преждевременно.

В российской правовой доктрине также неоднократно отмечалось, что фундаментальные права человека подлежат конкретизации применительно к цифровой реальности⁵⁶, утверждается о появлении новых фундаментальных цифровых прав: права на доступ в Интернет, права на забвение, права на «цифровую смерть» и др.⁵⁷ Некоторые ученые относят «цифровые права» к правам четвертого поколения⁵⁸. При этом задачей государства является признание и защита цифровых прав граждан от всевозможных нарушений.

⁵⁵ Ладенков Н. Е. Цифровая подсистема права: зарождение и проявление // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 8–12.

⁵⁶ Зорькин В. Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума. URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html> (дата обращения 25.05.2024).

⁵⁷ Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 8.

⁵⁸ Талапина Э. В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 3. С. 122–146; Липчанская М. А. Цифровые права человека и гражданина: конституционное измерение // Государственная служба. 2020. № 4. С. 37–41.

Э. В. Талапина указывает на существенный терминологический диссонанс, возникший в результате легального закрепления понятия «цифровые права» в ГК РФ. Ученый полагает, что, введя данную категорию в понятийный аппарат, законодатель занял позицию диссонатора в континентальной правовой системе, поскольку в международном контексте термин «digital rights» традиционно понимается как совокупность фундаментальных прав и свобод человека в цифровой сфере (публично-правовой аспект)⁵⁹. М. А. Рожкова отмечает, что понятие «цифровые права», введенное законодателем, не имеет никакого отношения к концепции цифровых прав, формирующейся в международном праве, и является специальным отраслевым понятием⁶⁰. Действительно, законодателем понятие цифровых прав употребляется в узком смысле – в качестве имущественных прав, существующих в рамках информационной системы⁶¹. С данной позицией можно согласиться, поскольку она акцентирует внимание на принципиально различном содержании одноименных терминов в публичном и частном праве, что создает предпосылки для терминологической путаницы в правоприменении и доктрине.

Как было установлено ранее, в мировой практике для обозначения новых объектов гражданских прав, особенностью которых является их обращение в цифровой форме, используется понятие «токен», в то время как в Российской Федерации законодателем введено понятие «цифровые права». Изначально законодателем предлагалось легальное определение токена, который понимался как вид цифрового финансового актива, который выпускается эмитентом с целью

⁵⁹ Талапина Э. В. Вновь о цифровых правах // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 12 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2026).

⁶⁰ Рожкова М. А. Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в российском гражданском праве // Хозяйство и право. 2020. № 10. С. 3–12.

⁶¹ Актуальные проблемы эффективности частного права: монография / К. А. Абдуллаев, Э. Б. Абдурахимова, С. В. Алборов [и др.]; отв. ред. А. Н. Левушкин, Э. Х. Надысева. М.: Юстицинформ, 2022. С. 105.

привлечения финансирования и учитывается в реестре цифровых транзакций⁶². Но в дальнейшем законодатель от данной идеи отказался.

Таким образом, в отечественном гражданском праве сложилась ситуация терминологического дуализма: категория «цифровые права» существует одновременно и в публично-правовой (как элемент правового статуса личности), и в частноправовой (как объект гражданских прав) плоскостях. Далее в настоящем исследовании мы будем рассматривать цифровые права как объект гражданских прав.

Анализ легального определения понятия «цифровые права», данного в статье 141.1 ГК РФ, позволяет сделать вывод о том, что к данной категории объектов гражданских прав относятся обязательственные и иные права, которые признаны цифровыми правами в законе (названы в таком качестве прямо или путем отсылки к специальному регулированию), их содержание и условия осуществления (включая порядок распоряжения) определяются исключительно в соответствии с правилами информационной системы, которая отвечает признакам, установленным законом. Следовательно, законодатель использует формальный критерий для отнесения прав к разряду «цифровых»: их признание таковыми специальным законом и их неразрывная технико-юридическая связь с правилами определенной информационной системы, соответствующей законодательно установленным требованиям.

Как отмечает М. А. Рожкова, «цифровыми» права, закрепленные в электронной форме, могут стать только при условии соответствия двум названным в кодексе формальным признакам, приведенными нами выше⁶³. Учитывая вышеизложенное, следует отметить, что данный вывод соответствует логике законодателя.

⁶² О цифровых финансовых активах: проект Федерального закона № 419059-7 : ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 22.05.2018 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7> (дата обращения: 23.02.2026).

⁶³ Рожкова М. А. Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в российском гражданском праве // Хозяйство и право. 2020. № 10. С. 3–12.

Центральным вопросом научной дискуссии является правовая природа цифровых прав. Так, многие цивилисты придерживаются мнения, что использование термина «цифровые права» некорректно в связи с тем, что содержание существующих ранее в гражданском законодательстве прав осталось неизменным, изменилась лишь форма их закрепления – она стала цифровой.

Так, В. Ф. Попондопуло полагает, что статью 141.1 ГК РФ следовало назвать не «цифровые права», а «права, выраженные в электронно-цифровой форме», определив их как «обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы»⁶⁴.

В связи с этим нерешенным в научной литературе остается вопрос о том, отличается ли содержание цифровых прав от традиционных (вещных, обязательственных, корпоративных и исключительных). В доктрине отсутствует единый подход: одни исследователи считают цифровые права новой формой традиционных прав, другие – качественно новым объектом.

Е. А. Суханов полагает, что цифровые права имеют технические (технологические) особенности, заключающиеся в их оформлении и осуществлении, а не юридические (гражданско-правовые), заключающиеся в их содержании⁶⁵. Отмечая позицию Е. А. Суханова, следует отметить, что ученый полагает, что цифровые права представляют собой не новый вид субъективных гражданских прав, а лишь их новую (цифровую) форму, осуществление которых возможно только в информационной системе⁶⁶. Придание объекту гражданских прав какой-либо новой формы, хотя бы и цифровой, само по себе не способно определить или изменить его юридическую природу⁶⁷. М. А. Ионцев также

⁶⁴ Попондопуло В. Ф. Правовые формы цифровых отношений // Юрист. 2019. № 6. С. 29–36.

⁶⁵ Суханов Е. А. О вещном праве собственности и «цифровых правах» // Интеграция науки и образования в условиях цифровой трансформации: Монография. В 3 томах. Т. 3 / отв. ред. С. Д. Могилевский, О. В. Шмалий, И. А. Емелькина [и др]. М.: РГ-Пресс, 2022. С. 13.

⁶⁶ Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 15.

⁶⁷ Суханов Е. А. Социальное лицо гражданского права (к постановке вопроса) // Гражданское право социального государства: Сборник статей, посвященных 90-летию со дня рождения профессора А. Л. Маковского (1930–2020) / А. Г. Архипова, А. В. Анисимов, В. В. Безбах [и др.];

поддерживает позицию, согласно цифровые права, по своей правовой природе, представляют собой новую (цифровую) форму удостоверения традиционных имущественных прав, а не качественно новый самостоятельный объект гражданских прав⁶⁸. Так, А. А. Щелокова добавляет, что цифровые права не могут быть выделены в качестве отдельного объекта гражданских прав, что следует из легальной дефиниции. Цифровыми правами, по мнению ученого, являются уже давно известные обязательственные и иные права, теперь называемые цифровыми по причине их отнесения к таковым законом⁶⁹. Р. Б. Головкин и О. С. Амосова полагают, что цифровые права – это «разновидность субъективных прав, выраженных в цифровой форме и реализующихся в рамках информационных систем»⁷⁰. Аналогичной позиции придерживаются С. И. Сулова и У. Б. Филатова⁷¹.

Приведенная выше позиция ученых обоснованно акцентирует внимание на том, что природа прав, включенных в цифровое право (обязательственных, корпоративных), не изменилась. Однако, как будет показано далее, форма фиксации права в информационной системе придает ему свойства, которые не сводятся только к техническим особенностям, а порождают самостоятельный правовой режим.

Есть и иные представляющие научный интерес позиции ученых. Так, как отмечает А. С. Мограбян, в современном правовом порядке наряду с традиционными формами удостоверения прав (государственная регистрация, нотариальное удостоверение) сформировалась новая, цифровая форма⁷². Аналогичный вывод

отв. ред. В. В. Витрянский, Е. А. Суханов. М.: Статут, 2020. 480 с. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.05.2025).

⁶⁸ Ионцев М. А. Об особенностях правового режима различных видов цифровых финансовых активов и гибридных цифровых прав // Юридическая наука. 2025. № 2 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2026).

⁶⁹ Щелокова А. А. Понятие цифровой формы объектов гражданских прав // Гражданское право. 2021. № 4. С. 11–13.

⁷⁰ Головкин Р. Б., Амосова О. С. «Цифровые права» и «цифровое право» в механизмах цифровизации экономики и государственного управления // Вестник Владимирского юридического института. 2019. № 2 (51). С. 165.

⁷¹ Сулова С. И., Филатова У. Б. Объекты гражданских прав в условиях формирования информационного пространства России // Пролог: журнал о праве. 2019. № 2. С. 11.

⁷² Мограбян А. С. Цифровые права как объекты гражданских прав в России // Актуальные

содержится в работах А. В. Асоскова, который также обосновывает самостоятельный характер цифрового удостоверения прав в системе юридически значимых действий⁷³. С данной позицией следует согласиться, поскольку цифровая форма фиксации прав действительно представляет собой самостоятельный способ легитимации, который не сводится ни к государственной регистрации, ни к нотариальному удостоверению.

Е. В. Гоц и И. А. Близнец полагают, что цифровые права – это форма заключения сделки (как устная, так и простая письменная, нотариальная), а не новый вид прав⁷⁴. Вместе с тем, такая позиция не согласуется с положениями, установленными ГК РФ, в соответствии с которыми цифровые права являются разновидностью имущественных прав. Более того, в таком случае следует также выделять нотариальные права, устные права и т. д., что не имеет под собой никакого научного обоснования.

А. В. Нестеров полагает, что цифровые права можно было назвать электронными правами⁷⁵. Вместе с тем полагаем, что замена терминологии не влечет за собой изменение сущности рассматриваемого явления.

А. А. Карцхия в диссертационном исследовании приходит к выводу о том, что суть цифрового права в том виде, как оно сегодня закреплено в законодательстве, заключается в том, что оно является способом фиксации субъективного гражданского права в информационной системе⁷⁶. При этом в силу прямого указания закона такой способ фиксации для удобства правового регулирования признается объектом гражданских прав, т. е. запись о благе

проблемы российского права. 2022. № 10. С. 141–147.

⁷³ Новоселова Л. А., Габова А. В., Савельев А. И., Генкин А. С., Сарбаш С. В., Асосков А. В., Семенов А. В., Янковский Р. М., Журавлев А. В., Толкачев А. Ю., Камелькова А. В., Успенский М. А., Крупенин Р. А., Кислый В. А., Жужжалов М. Б., Попов В. А., Аграновская М. А. Цифровые права как новый объект гражданского права // Закон. 2019. № 5. С. 31–54.

⁷⁴ Гоц Е. В., Близнец И. А. Развитие цифровой экосистемы авторского права и смежных прав: вымысел или реальность // Юрист. 2021. № 9. С. 12–18.

⁷⁵ Нестеров А. В. О цифровых правах и объектах цифровых прав // Право и цифровая экономика. 2020. № 1. С. 11–16.

⁷⁶ Карцхия А. А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 344.

приравнивается к самому благу⁷⁷. С вышеприведенными позициями можно согласиться в части того, что легальная конструкция цифровых прав в российском праве формально представляет собой новую форму фиксации традиционных имущественных прав. Однако, учитывая принципиально новые свойства их реализации, ограничиваться только таким пониманием цифровых прав концептуально недостаточно. Фактически цифровые права формируют качественно новую правовую реальность, требующую развития специальных механизмов защиты, выходящих за рамки простой аналогии с традиционными обязательствами.

С 1 сентября 2026 года вступил в силу Закон о цифровых валютах и цифровых правах⁷⁸, который существенно реформирует регулирование цифровых прав, объединяя и систематизируя нормы, содержащиеся в Федеральном законе от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее по тексту – Закон о ЦФА)⁷⁹ и Федеральном законе от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее по тексту – Закон об инвестиционных платформах)⁸⁰. В связи с вступлением в силу Закона о цифровых валютах и цифровых правах значительное число положений прежних законов утратило силу либо утратит в ближайшей перспективе. Так, Закон о ЦФА утратит силу с 1 сентября 2028 года на основании Закона о цифровых валютах и цифровых правах.

⁷⁷ Абрамова Е. Н. К вопросу о понятии цифрового права как объекта гражданских прав // Юрист. 2023. № 1. С. 54–60.

⁷⁸ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Российская газета. 2020. № 173.

⁷⁹ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Российская газета. 2020. № 173.

⁸⁰ О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Российская газета. 2019. № 172.

Вместе с тем в соответствии с переходными положениями, установленными статьей 55 Закона о цифровых валютах и цифровых правах, организации, которые по состоянию на 1 сентября 2026 года были включены Банком России в реестр операторов информационных систем в соответствии с требованиями Закона о ЦФА, обязаны привести свою деятельность в соответствие с новыми требованиями не позднее 1 сентября 2028 года. До указанной даты такие организации вправе продолжать свою деятельность по правилам Закона о ЦФА.

Закон об инвестиционных платформах на сегодняшний день продолжает действовать в части, не противоречащей новому регулированию. Законом о цифровых валютах и цифровых правах признаны утратившими силу отдельные положения данного закона – в частности, статьи 8 и 9, регулировавшие утилитарные цифровые права. Вместе с тем основные положения Закона об инвестиционных платформах продолжают применяться в отношении инвестиционных платформ и операторов, осуществляющих деятельность по привлечению инвестиций.

В соответствии со статьей 2 Закона о цифровых валютах и цифровых правах понятие «цифровые права» используется в значении, определенном статьей 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, (далее по тексту – ГК РФ) и, следовательно, признается объектом гражданских прав. При этом законодатель вводит детализированную классификацию цифровых прав, допускаемых к размещению и обращению на территории Российской Федерации:

1) цифровые финансовые активы (далее по тексту – ЦФА) – цифровые права, удостоверяющие денежные требования, права из эмиссионных ценных бумаг, права участия в капитале непубличного акционерного общества, а также право требовать предоставления эмиссионных ценных бумаг (п. 15 ст. 2 Закона). Данная дефиниция позволяет заключить, что ЦФА охватывают как обязательственные, так и корпоративные права; к ним также относятся долговые цифровые финансовые активы – разновидность ЦФА, удостоверяющая исключительно денежные требования в размере покупной цены и сумм периодических выплат, для которых установлены специальные требования: оплата производится только денежными

средствами, а размещение допускается исключительно после полной оплаты (ч. 14 ст. 6 Закона);

2) утилитарные цифровые права (далее по тексту – УЦП) – цифровые права, удостоверяющие право требовать передачи вещей (за исключением имущества, подлежащего государственной регистрации, документарных ценных бумаг и наличных денег), право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования таких результатов, а также право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг (п. 18 ст. 2 Закона);

3) гибридные цифровые права – цифровые права, одновременно включающие в себя ЦФА и УЦП (п. 19 ст. 2 Закона), обращение которых осуществляется по правилам, установленным для цифровых финансовых активов.

Таким образом, цифровые права объединяют имущественные права, ранее известные гражданскому праву (обязательственные и корпоративные). Принятие единого кодифицированного закона, систематизирующего их регулирование, позволяет унифицировать правовой режим цифровых прав и устранить пробелы и коллизии, имевшие место в период параллельного действия Федерального закона о ЦФА и Федерального закона об инвестиционных платформах.

Для системного понимания правовой природы цифровых прав и преодоления терминологического диссонанса между широким публично-правовым и узким цивилистическим подходами, а также в развитие обозначенной в параграфе 1.1 доктринальной проекции, предлагается рассматривать цифровые права в единстве трех взаимосвязанных проекций, отражающих различные аспекты их сущности.

Первая (публично-правовая) проекция была рассмотрена в предыдущем параграфе при анализе зарубежных подходов. В рамках российского регулирования она пока не получила закрепления, однако ее ценностно-ориентирующая функция признается в доктрине и учитывается при формировании законодательства.

Вторая (законодательная) проекция охватывает имущественные права, прямо поименованные в законе в качестве цифровых прав (ст. 141.1 ГК РФ). К ним относятся ЦФА, УЦП и гибридные цифровые права, содержание которых

составляют обязательственные, корпоративные и иные права (денежные требования, права из ценных бумаг, права участия в капитале, права требования передачи вещей, выполнения работ, оказания услуг, передачи интеллектуальных прав). Данные права существуют исключительно в виде записи в информационной системе, а их содержание и условия осуществления определяются правилами этой системы, что придает им свойства оборотоспособности и защищенности в рамках специального правового режима.

Третья (техничко-юридическая) проекция характеризует способ закрепления цифровых прав и их удостоверения. В соответствии со статьей 2 Закона о цифровых валютах и цифровых правах, цифровые права учитываются в информационной системе в виде записей по цифровым счетам. Фиксация права осуществляется посредством внесения записи в информационную систему, которая может быть создана на основе распределенного реестра (блокчейна) либо с использованием иных технологических решений. При этом под распределенным реестром понимается совокупность баз данных, тождественность содержащейся информации в которых обеспечивается на основе установленных алгоритмов узлами информационной системы.

Законодательное определение адреса-идентификатора как уникальной последовательности символов, предназначенной для учета в информационной системе приходных и расходных операций с цифровыми правами, а также ключа доступа к адресу-идентификатору как уникальной последовательности символов, предназначенной для получения доступа к адресу-идентификатору и подтверждения внесения в информационную систему записей о распоряжении цифровыми правами, позволяет заключить, что именно наличие записи и обладание соответствующим ключом доступа подтверждают принадлежность цифрового права управомоченному лицу и предоставляют ему возможность распоряжения правом. Запись в такой системе имеет легитимационное значение: обладателем цифровых прав признается лицо, по цифровому счету обладателя которого внесена приходная запись (запись о зачислении цифровых прав на цифровой счет обладателя). Цифровые права переходят к приобретателю с момента

внесения приходной записи по цифровому счету обладателя. Удаление или неправомерное изменение записи влечет утрату легитимации и, соответственно, невозможность осуществления права, что отличает цифровые права от традиционных объектов, существующих вне информационной системы.

При этом законодательная и технико-юридическая проекции цифровых прав находятся в неразрывном единстве: имущественное право, поименованное в законе в качестве цифрового (законодательная проекция), существует в обороте исключительно в форме легитимационной записи в информационной системе (технико-юридическая проекция). Данное единство имеет принципиальное значение для целей настоящего исследования: защита цифрового права как имущественного права, поименованного в законе, оказывается невозможной без защиты самой легитимационной записи, поскольку утрата записи в информационной системе влечет утрату и всех прав, включенных в ее содержание.

Предложенная конструкция позволяет преодолеть терминологический диссонанс и обосновывает необходимость дифференцированного подхода к защите цифровых прав.

Цифровые права представляют собой особую категорию имущественных прав, закрепленных в ГК РФ и специальных законах. Далее следует обратиться к конкретному примеру. Так, ЦФА на драгоценный металл предполагают выплату денежной суммы, равной стоимости драгоценного металла. УЦП также являются цифровыми правами, которые охватывают требования на вещи, услуги, работы и интеллектуальную собственность. УЦП на драгоценные металлы включают возможность фактической поставки соответствующего товара. Гибридные цифровые права могут сочетать в себе следующие элементы: право требования денежной суммы (например, право требовать выплаты денежной суммы, эквивалентной стоимости определенного количества драгоценного металла), право на получение товара (например, право требовать фактической поставки материального актива), право на получение услуги (право на использование сопутствующих услуг платформы – например, безопасное хранение приобретенного товара в течение определенного срока или его страхование).

Содержание цифровых прав предопределяет возможность их классификации по критерию предмета обязательственного требования, составляющего ядро соответствующего цифрового права. Данный критерий имеет определяющее значение для выбора надлежащего способа защиты, поскольку именно характер требования диктует правовые средства воздействия на обязанного субъекта. С учетом положений Закона о цифровых валютах и цифровых правах в систематизированном виде выделяются следующие виды цифровых прав:

1. Цифровые права, содержащие денежные требования. К данной группе относятся права, предоставляющие их обладателю требование уплаты денежных сумм. Такие права направлены на получение денежного эквивалента и защищаются преимущественно через взыскание задолженности. Примером являются ЦФА, включающие денежные требования (п. 15 ст. 2 Закона), а также долговые ЦФА, которые удостоверяют исключительно денежные требования в размере цены приобретения и сумм периодических выплат. Для долговых ЦФА установлены специальные правила: оплата производится только денежными средствами, размещение допускается исключительно после полной оплаты, а обязательства исполняются только путем перечисления денежных средств.

2. Цифровые права, содержащие требования о передаче вещей. К данной группе относятся права, предоставляющие их обладателю требование передачи индивидуально-определенных или родовых вещей. Защита таких прав осуществляется путем предъявления требования об отобрании вещи у должника или требования о возмещении убытков при отсутствии вещи у должника. Примером являются УЦП, предусматривающие передачу вещи (п. 18 ст. 2 Закона). При этом УЦП не могут удостоверить право требовать предоставления имущества, права на которое подлежат государственной регистрации, а также имущества, сделки с которым требуют государственной регистрации или нотариального удостоверения. Кроме того, УЦП не могут удостоверить право на документарные ценные бумаги и наличные денежные средства (за исключением памятных и инвестиционных монет из драгоценных металлов).

3. Цифровые права, содержащие требования о выполнении работ или оказании услуг. Защита осуществляется через понуждение к исполнению в натуре либо возмещение убытков при невозможности исполнения. Примером являются УЦП на выполнение работ, оказание услуг (п. 18 ст. 2 Закона).

4. Цифровые права, содержащие требования о передаче интеллектуальных прав. К данной группе относятся права, направленные на передачу исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности либо прав использования таких результатов. Защита таких прав осуществляется с учетом специфики интеллектуальной собственности. Примером являются УЦП на передачу интеллектуальных прав (п. 18 ст. 2 Закона).

5. Цифровые права, содержащие корпоративные требования. К данной группе относятся права, связанные с участием в капитале непубличного акционерного общества (права голоса, получения дивидендов, участия в управлении и т.п.). Защита осуществляется через корпоративные способы (оспаривание решений органов управления, восстановление корпоративного контроля). Примером являются ЦФА, включающие права участия в капитале непубличного акционерного общества (п. 15 ст. 2 Закона). Следует отметить, что акции и эмиссионные ценные бумаги, конвертируемые в акции, права из которых удостоверены цифровыми правами, могут быть только акциями непубличного акционерного общества.

6. Цифровые права со смешанным содержанием. К данной группе относятся права, сочетающие несколько из вышеперечисленных требований (например, денежное требование и передача вещи). Защита осуществляется комбинированно, в зависимости от того, какое требование нарушено. Примером являются гибридные цифровые права, которые одновременно включают ЦФА и УЦП (п. 19 ст. 2 Закона). Гибридные права обращаются по правилам, установленным для ЦФА.

Следует также учитывать, что Закон о цифровых валютах и цифровых правах вводит дополнительные категории цифровых прав в зависимости от субъектного состава и порядка приобретения: цифровые права, предназначенные для квалифицированных инвесторов; цифровые права, доступные после тестирования;

цифровые права, доступные без ограничений; а также ограниченные в обращении цифровые права (ст. 7 Закона). Указанные категории, однако, имеют значение не для квалификации предмета требования, а для определения круга возможных приобретателей и порядка совершения сделок.

Стоит отметить, что цифровые права схожи с бездокументарными ценными бумагами, поскольку в обоих случаях имущественное право передается путем внесения записей в специальную систему и не привязано к определенному материальному носителю. Бездокументарные ценные бумаги обладают двойственной природой, поскольку, с одной стороны – это объект гражданских прав, а с другой стороны – они не являются ценными сами по себе, ценными являются только права, которые включены в ценную бумагу.

Как отмечает М. А. Ионцев, цифровое право, подобно бездокументарной ценной бумаге, «является также механизмом учета имущественных прав, а не самостоятельным видом имущественного права». По мнению ученого, цифровые права представляют собой не новый вид имущественного права, а современный цифровой механизм фиксации (удостоверения) и учета существующих субъективных гражданских прав, аналогичный бездокументарным ценным бумагам⁸¹. Фактически, бездокументарные ценные бумаги являются формой фиксации имущественных прав и одновременно являются самостоятельным объектом гражданских прав. В научной литературе данная двойственность находит отражение в уже устоявшихся словосочетаниях «право на бумагу» и «право из бумаги».

В цифровое право включаются уже известные гражданскому праву обязательственные, корпоративные и иные имущественные права. Двойственная природа цифрового права проявляется в разграничении самого цифрового права и имущественных прав, включенных в его содержание. Такая двойственная правовая природа выражена также в том, что обладатель цифрового права обладает и

⁸¹ Ионцев М. А. О природе цифровых прав и низковолатильных цифровых валют // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 9 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2026).

правами, которые включает в себя данное цифровое право. Передача цифрового права приравнена к передаче содержащихся в нем прав.

На двойственную природу цифровых прав указывает Д. А. Павлова. По мнению исследователя, цифровые права не являются полностью новым видом прав, а представляют собой имущественные права в цифровой форме. Вместе с тем они обладают особыми признаками, обуславливающими необходимость специального правового режима⁸². Разделяя и развивая эту позицию, можно утверждать, что цифровое право представляет собой гибридный правовой феномен, где цифровая форма существенно модифицирует традиционное имущественное право, порождая объект, требующий собственного, комплексного правового режима в рамках гражданско-правового регулирования.

Общепризнанной является классификация гражданских прав на абсолютные (обладателю абсолютного права противостоят в качестве обязанных все лица) и относительные (обладателю относительного права – одно конкретное лицо). В цивилистической доктрине является общепринятым, что к абсолютным правам относятся некоторые имущественные права (вещные и иные), а к относительным – обязательственные и корпоративные.

Следовательно, обязательственные и корпоративные права, включенные в цифровые права, являются относительными. Обладателем цифрового права будет являться лицо, имеющее доступ к информационной системе и возможность распоряжения цифровым правом, а обязанным лицом – второй участник гражданских правоотношений.

В таком случае нарушение субъективного права в относительных правоотношениях совершается носителем обязанности, корреспондирующей данному праву. Абсолютное субъективное право может быть нарушено любым лицом, относительное – только носителем корреспондирующей обязанности.

Вместе с тем следует принимать во внимание возможность несанкционированного вмешательства третьего лица в информационную систему,

⁸² Павлова Д. А. Цифровые права как объект частноправового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2025. С. 71.

направленного на ее взлом и перевод цифровых прав в реестре информационной системы другому пользователю. В таком случае утрата цифрового права влечет за собой утрату и содержащихся в нем относительных имущественных прав. В данном случае утрата цифрового права произошла в результате его перевода другому пользователю – в отсутствие волеизъявления обладателя цифрового права произошла утрата легитимационных знаков в информационной системе. Изложенное, безусловно, является причинением вреда имуществу кредитора в виде уменьшения имущества в результате утраты цифрового права.

Относительная природа обязательственных и корпоративных прав предполагает, что они могут быть нарушены только лицом, выступающим носителем соответствующей обязанности, корреспондирующей праву. Если содержание цифрового права сводить исключительно к включенным в него имущественным правам, то в таком случае обладателю цифрового права в случае несанкционированного вмешательства следует обращаться к лицу, обязанному исполнить требование, содержащееся в цифровом праве.

Несанкционированное вмешательство может быть совершено лицом, не связанным с обладателем цифрового права обязательственным или корпоративным правоотношением. Обращение к обязанному по обязательственному или корпоративному праву лицу имеет место быть только в случае, если третье лицо, совершившее несанкционированное вмешательство, и обязанное лицо совпадут.

Изложенное свидетельствует о том, что в приведенной ситуации нарушены были не имущественные права, входящие в цифровые права, а само цифровое право. Вышеизложенное подтверждает двойственную природу цифровых прав и позволяет прийти к выводу, что цифровое право является абсолютным правом. Имущественные права, включенные в цифровые права, являются относительными субъективными правами (например, право требовать передачи вещи, выполнения работы и пр.). Изложенное, безусловно, не может не отразиться на механизме их защиты – способы защиты самого цифрового права и способы защиты относительного субъективного права, включенного в цифровое право, могут отличаться.

Несмотря на то, что цифровые права включают в себя обязательственные и иные права и не являются качественно новым объектом права, поскольку их содержание включает в себя имущественные права, являющиеся традиционными для гражданского права, они обладают иными, помимо вышеуказанной, особенностями, отличающими их от иных объектов гражданских прав.

*Важнейшим признаком цифровых прав является их создание и обращение в информационной системе*⁸³. Понятие информационной системы закреплено в Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁸⁴. В соответствии со статьей 2 названного закона, информационная система представляет собой совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств.

В настоящее время размещение, учет и переход цифровых прав осуществляются в информационной системе оператора (п. 24 ст. 2 Закона о цифровых валютах и цифровых правах)⁸⁵.

Что касается УЦП, то их правовой режим до настоящего времени продолжает определяться Законом об инвестиционных платформах. В соответствии с пунктом 1 статьи 2 указанного Закона, инвестиционная платформа представляет собой информационную систему в сети Интернет, используемую для заключения договоров инвестирования, доступ к которой предоставляется оператором инвестиционной платформы. При этом необходимо учитывать, что с 1 сентября 2026 года статья 8 Закона № 259-ФЗ, регулировавшая обращение УЦП, утратила силу, однако Закон об инвестиционных платформах в целом продолжает действовать, а переходные положения, установленные статьей 55 Федерального закона № 282-ФЗ, предусматривают сохранение действия прежнего регулирования в соответствующей части до 1 сентября 2028 года для организаций, включенных в

⁸³ Гонгало Б. М., Новоселова Л. А. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 188.

⁸⁴ Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 26.06.2026) // Российская газета. 2006. № 165.

⁸⁵ О цифровых валютах и цифровых правах: Федеральный закон от 04.08.2026 № 282-ФЗ // Российская газета. 2026. № 178–179.

реестр операторов информационных систем. В связи с этим на сегодняшний день УЦП продолжают обращаться на инвестиционных платформах.

Данный признак является отличительной особенностью цифровых прав – вне информационной системы их выпуск и обращение невозможны. Это фундаментальное отличие от традиционных объектов гражданских прав, которые могут существовать вне какой-либо системы учета (вещи, работы, услуги).

Второй характеристикой цифровых прав является *алгоритмизация их осуществления*, которая отличает цифровые права от иных бестелесных объектов, таких как бездокументарные ценные бумаги или доли в обществах с ограниченной ответственностью. Если для бездокументарных ценных бумаг запись в реестре лишь удостоверяет уже существующее право, а его осуществление происходит путем волеизъявления лица, то для цифровых прав порядок и сам факт осуществления определяются заранее установленными алгоритмами информационной системы.

В соответствии с пунктом 9 части 3 статьи 6 Закона о цифровых валютах и цифровых правах, правила информационной системы оператора должны содержать «правила внесения изменений в алгоритмы программ информационной системы оператора». Это означает, что само осуществление цифрового права (его передача, обременение, исполнение обязательств) происходит путем выполнения программных алгоритмов, а не путем совершения традиционных юридически значимых действий (подписание договора, передача вещи и т.п.).

Аутентификация как способ легитимации лица при осуществлении цифровых прав представляет собой подтверждение подлинности субъекта права посредством обладания уникальным ключом доступа к адресу-идентификатору. В соответствии со статьей 2 Закона о цифровых валютах и цифровых правах, «ключ доступа к адресу-идентификатору» определяется как уникальная последовательность символов, которая однозначно связана с адресом-идентификатором и предназначена для получения доступа к нему и подтверждения внесения в информационную систему записей о распоряжении цифровыми правами⁸⁶. В отличие от традиционных способов легитимации (предъявление

⁸⁶ О цифровых валютах и цифровых правах: Федеральный закон от 04.08.2026 № 282-ФЗ //

паспорта, подписание документа), аутентификация при осуществлении цифровых прав носит исключительно технологический характер, что порождает особый правовой режим, при котором утрата ключа доступа означает утрату возможности осуществления права, а неправомерное завладение ключом – возможность несанкционированного распоряжения правом.

В развитие данного признака Закон о цифровых валютах и цифровых правах вводит обязанность операторов по идентификации клиентов. В соответствии с частью 13 статьи 6 Закона о цифровых валютах и цифровых правах, размещение цифровых прав на адреса-идентификаторах осуществляется оператором только при условии проведения им идентификации лиц, заключающих договоры о приобретении цифровых прав при их размещении. Идентификация проводится в соответствии с требованиями Федерального закона № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»⁸⁷.

Идентификация обеспечивает юридическую привязку цифрового права к конкретному субъекту и позволяет соблюсти требования публичного порядка, включая противодействие легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Аутентификация обеспечивает техническую возможность распоряжения цифровым правом и подтверждает, что лицо, совершающее операцию, является тем, кому данный адрес-идентификатор принадлежит.

Вместе они создают двухуровневую систему легитимации: на первом уровне (идентификация) устанавливается юридическая личность субъекта и его связь с адресом-идентификатором; на втором уровне (аутентификация) обеспечивается подтверждение правомочий лица при каждой операции с цифровым правом. Утрата ключа доступа означает невозможность аутентификации и, следовательно, утрату возможности осуществления права, тогда как непроведение идентификации влечет

Российская газета. 2026. № 178–179.

⁸⁷ О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма : Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Российская газета. 2001. № 151–152.

публично-правовую ответственность оператора вплоть до исключения из реестра (статья 53 Закона о цифровых валютах и цифровых правах).

Из этого исходит следующий не менее важный признак цифровых прав – *они характеризуются наличием записи в информационной системе, имеющей легитимационное значение*. В соответствии с ч. 6 ст. 22 Закона о цифровых валютах и цифровых правах, обладателем цифровых прав признается лицо, по цифровому счету обладателя которого внесена приходная запись (запись о зачислении цифровых прав на цифровой счет)⁸⁸. Удаление данной записи влечет утрату возможности осуществлять права, содержащиеся в цифровом праве. Данная особенность также отличает цифровые права от иных объектов гражданских прав.

В научной литературе также широко обсуждается вопрос о более широком круге явлений, подпадающих под категорию «цифровые права». Некоторые ученые полагают, что цифровые права не сводятся исключительно к ЦФА, УЦП и гибридным цифровым правам. Так, Е. Ю. Руденко пишет о том, что нельзя согласиться с тем, что термин «цифровые» указывает лишь на способ фиксации прав, поскольку существуют некие виды цифровых прав, которые нельзя отнести к традиционным и известным имущественным правам, к примеру, право на аккаунт⁸⁹. С данной позицией можно согласиться в том смысле, что цифровые технологии порождают новые объекты, не укладывающиеся в традиционную классификацию, однако в рамках действующего законодательства такие объекты не признаны цифровыми правами в понимании статьи 141.1 ГК РФ.

Так, А. А. Волос полагает, что легальное определение цифровых прав, закрепленное в ст. 141.1 ГК РФ, является узким и требует строгого толкования. Ученый справедливо указывает на недопустимость широкого толкования ст. 141.1 ГК РФ и ошибочность распространения ее режима на криптовалюты или аккаунты в социальных сетях, что не соответствует буквальному смыслу закона и создает

⁸⁸ О цифровых валютах и цифровых правах: Федеральный закон от 04.08.2026 № 282-ФЗ // Российская газета. 2026. № 178–179.

⁸⁹ Руденко Е. Ю. К вопросу о понятии цифровых прав как объектов гражданских правоотношений // Гражданское право. 2021. № 4. С. 7–10.

правовую неопределенность⁹⁰. Данное замечание представляется обоснованным, поскольку законодатель сознательно ограничил перечень объектов, подпадающих под режим цифровых прав, что исключает их произвольное расширительное толкование.

Между тем, несмотря на обоснованную доктринальную позицию о необходимости строгого толкования ст. 141.1 ГК РФ, судебная практика демонстрирует ошибочный подход к квалификации объектов, существующих в цифровой среде. Так, при рассмотрении споров о восстановлении доступа к аккаунтам, группам в социальных сетях и личным кабинетам суды нередко цитируют ст. 128 и ст. 141.1 ГК РФ, делая ссылку на правовое регулирование цифровых прав. В решении Савеловского районного суда г. Москвы суд, рассматривая требование об удалении публикаций, содержащих персональные данные, указал на включение цифровых прав в перечень объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ) и удовлетворил требования истца на основании норм о защите персональных данных⁹¹. В решении Центрального районного суда г. Барнаула суд также цитировал ст. 128 и ст. 141.1 ГК РФ, удовлетворил требования о восстановлении доступа к личному кабинету в программе лояльности исходя из необоснованности блокировки, квалифицировав бонусные «Мили»⁹². В определении Московского городского суда суд вновь сослался на ст. 128 и ст. 141.1 ГК РФ при рассмотрении спора о восстановлении прав администратора групп в социальной сети «Одноклассники», однако основанием для отказа в удовлетворении требований послужила недоказанность истцом принадлежности ему спорных аккаунтов⁹³.

⁹⁰ Волос А. А. Цифровые права: некоторые проблемы толкования правил статьи 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации // Банковское право. 2024. № 3 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2026).

⁹¹ По делу № 02-7196/2023: решение Савеловского районного суда г. Москвы от 19.01.2024 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 12.05.2026).

⁹² По делу № 2-1694/2024: решение Центрального районного суда г. Барнаула Алтайского края от 05.04.2024 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 12.05.2026).

⁹³ По делу № 33-37892/2024: определение Московского городского суда от 10.09.2024 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 12.05.2026).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что суды формально применяют ст. 141.1 ГК РФ, не вникая в содержание легального определения цифровых прав, что порождает правовую неопределенность и создает ошибочную практику, в которой аккаунты, личные кабинеты и иные цифровые объекты фактически приравниваются к цифровым правам, хотя по своей правовой природе таковыми не являются. Наука обоснованно указывает на недопустимость такого отождествления, подчеркивая, что аккаунт следует рассматривать как иной объект – цифровой актив или цифровое имущество, но не как цифровое право в смысле ст. 141.1 ГК РФ⁹⁴.

Но иногда ученые также относят вышеуказанные объекты к цифровым правам, что приводит к терминологической путанице. Так, С. Р. Решетняк классифицирует цифровые права по критерию природы их происхождения на следующие: цифровые права на цифровое (виртуальное) имущество; цифровые права на цифровые активы; цифровые права из смарт-контрактов; цифровые права, возникающие в результате оказания цифровых услуг⁹⁵. Цифровые права на цифровое (виртуальное) имущество, по мнению ученого, включают в себя две группы – реальные товары, которые приобретаются онлайн, и виртуальное имущество (предметы или персонажи). Цифровые активы С. Р. Решетняк разделяет на три группы: формальные (сохраняют связь с создателем (эмитентом в финансовых правоотношениях), которым часто остается автор (инициатор создания), что делает их абсолютно централизованными; б) криптовалюты (эмитируются всеми желающими); в) гибридные имеют смешанную природу. Аналогичной классификации придерживаются Ж. Ю. Юзефович и В. Е. Хазова⁹⁶.

Данная классификация не учитывает, что законодатель использует формальный критерий для отнесения прав к цифровым, в связи с чем расширительное толкование понимания цифровых прав может не в полной мере

⁹⁴ Карпова Ю.С. Правовое регулирование защиты цифровых активов: на примере аккаунта в социальной сети // Юридическая наука. 2023. № 12. С. 102.

⁹⁵ Решетняк С. Р. Классификация цифровых прав // Вестник экспертного совета. 2021. № 1 (24). С. 97.

⁹⁶ Юзефович Ж. Ю., Хазова В. Е. Цифровые права как объекты гражданских прав // Гражданское право. 2022. № 5. С. 15–18.

быть обосновано и приводит к отсутствию теоретического единообразия, что, вместе с тем, находит отражение в правоприменительной практике.

Так, Л. Г. Ефимова предлагает использовать категорию «цифровые активы» в качестве общего понятия, охватывающего все цифровое имущество. К видам цифровых активов ученый относит цифровые финансовые активы и иное цифровое имущество. Под иными цифровыми активами следует понимать любое цифровое имущество, которое прямо не относится к цифровым финансовым активам⁹⁷ Л. В. Санникова и Ю. С. Харитоновы также именуют перечисленные объекты категорией «цифровые активы» и относят к таким объектам токены, криптовалюту, большие данные, доменные имена, виртуальное игровое имущество и проч.⁹⁸ Авторы обращают внимание на нематериальную природу цифровых активов, отмечая, что они являются принципиально новыми. Представляется, что использование единого термина «цифровые активы» могло бы устранить существующую терминологическую неопределенность.

В. А. Лаптев пишет о том, что цифровые активы могут существовать исключительно в электронной форме в отрыве от материального мира⁹⁹. Также к отличительным признакам цифровых активов относится их экстерриториальность¹⁰⁰. О. А. Жданова в качестве признаков цифровых активов выделяет их нематериальный характер, цифровую форму существования (код), а также реальную или потенциальную стоимость¹⁰¹. Указанные признаки имеют значение для определения правового режима цифровых активов и могут быть учитываться при разработке законодательства.

⁹⁷ Ефимова Л. Г. Цифровые активы и права на них в контексте изменения гражданского и банковского законодательства // Банковское право. 2021. № 5. С. 7–20.

⁹⁸ Санникова Л. В., Харитоновы Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. М., 4 Принт, 2020. С. 38.

⁹⁹ Лаптев В. А. Цифровые активы как объекты гражданских прав // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2. С. 201.

¹⁰⁰ Санникова Л. В., Харитоновы Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. М., 4 Принт, 2020. С. 39.

¹⁰¹ Жданова О. А. Цифровые финансовые активы как инструменты финансирования деятельности компании // Финансы. 2022. № 8. С. 52–57.

В научной литературе также для данных объектов предлагается использовать единый термин «цифровые объекты»¹⁰². Более того, учеными предлагается из статьи 128 ГК РФ исключить объект «цифровые права», вместо которого включить объект «цифровой объект»¹⁰³. Данное предложение заслуживает внимания, однако требует дополнительного обоснования, поскольку понятие «цифровой объект» шире, чем цифровые права, в связи с чем авторам необходимо представить перечень объектов, относящихся к цифровым объектам.

И. Г. Морозова, С. И. Курпякова предложили классифицировать цифровые объекты на пять групп в зависимости от вида цифрового объекта: 1) цифровое имущество (виртуальное имущество, игровое имущество); 2) социальные (цифровые) аккаунты, в том числе в социальных сетях; 3) цифровая валюта; 4) цифровые результаты интеллектуальной деятельности; 5) оказание цифровых услуг (хранение в облачных хранилищах (cloud computing), формирование больших данных (BigData) и пр.)¹⁰⁴. При этом предлагается выделить их в отдельную категорию в связи с наличием ряда специфичных признаков – цифровые объекты являются нематериальными, создаются с помощью информационных технологий, совершение сделок с цифровыми объектами возможно только в информационной системе или в сети Интернет¹⁰⁵. Вместе с тем классификация не имеет единого основания деления, смешивает объекты по различным критериям: по функциональному назначению (услуги), по форме существования (валюта, результаты ИД), по отношению к субъекту (аккаунты). Отсутствие системности в классификации затрудняет ее использование для целей правового регулирования и не позволяет охватить все многообразие цифровых объектов, возникающих в современном гражданском обороте.

¹⁰² Мефодьева К. А. Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 104.

¹⁰³ Свалова Н. А. Понятие, юридическая природа и особенности гражданского оборота цифровых прав по российскому законодательству // Право и государство: теория и практика. 2025. № 7. С. 653–656.

¹⁰⁴ Морозова И. Г., Курпякова С. И. К вопросу о классификации цифровых прав // Хозяйство и право. 2022. № 11. С. 18–28.

¹⁰⁵ Кириллова Е. А., Зульфугарзаде Т. Э., Метелев С. Е. Институт цифровых прав в гражданском праве России // Правоприменение. 2022. Т. 6. № 1. С. 251.

Е. Н. Абрамова выделяет признаки цифровых объектов, еще не отраженных в системе объектов гражданских прав. Так, цифровые объекты не могут быть ценны в силу физических или химических свойств, они ценны за счет наделения субъектом блага определенной ценностью; цифровые объекты признаются путем формирования записи, удостоверяющей право на них, с помощью средств кодирования; цифровые объекты недоступны к фактическому обладанию, управомоченное лицо имеет доступ к ним посредством кода; также права на объекты обращаются в конкретной информационной системе¹⁰⁶. Данные признаки имеют важное значение для понимания правовой природы цифровых объектов, подтверждают их отличие от иных известных объектов гражданских прав, в связи с чем могут быть учтены при совершенствовании законодательства.

Ж. Ю. Юзефович, В. Е. Хазова предлагают ввести понятие объектов цифровых прав, под которыми понимаются создаваемые в результате использования цифровых технологий нематериальные объекты в виде цифровых кодов и записей, охраноспособные объекты, признаваемые законом в качестве таких объектов либо в силу соглашений субъектов цифровых прав¹⁰⁷. Также в научной литературе встречается понятие «цифровое имущество», к которому относят и виртуальное имущество, и социальные сети, и цифровые активы и др.¹⁰⁸ М. А. Рожкова отмечает, что виртуальное по своей сути имущество может существовать исключительно в цифровой форме, в то время как другие объекты, например, традиционные результаты интеллектуальной деятельности, могут существовать как в традиционной форме (например, бумажной), так и в цифровой форме¹⁰⁹. Необходимо отметить, что в отсутствие теоретического единообразия по вопросу обозначения объектов, существующих в так называемой виртуальной

¹⁰⁶ Абрамова Е. Н. К вопросу о понятии цифрового права как объекта гражданских прав // Юрист. 2023. № 1. С. 54–60.

¹⁰⁷ Юзефович Ж. Ю., Хазова В. Е. Цифровые права как объекты гражданских прав // Гражданское право. 2022. № 5. С. 15–18.

¹⁰⁸ Левинзон В. С., Митин Р. К. Правовое регулирование виртуального имущества // Закон и право. 2020. № 5. С. 40.

¹⁰⁹ Рожкова М. А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2018. 13 июня. URL: https://zakon.ru/blog/018/06/13/cifrovye_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnositsya_virtualnoe_s_cifrovym (дата обращения: 08.04.2023).

форме, единым термином, категории «токен», «цифровые объекты», «объект цифровых прав», «цифровые активы», «цифровое имущество», «виртуальное имущество», в научной литературе используются в качестве синонимов. Однако их правовой режим остается вне специального законодательного регулирования. Существующие доктринальные дискуссии о сущности правовой категории «цифровые права» в условиях недостатка соответствующего нормативного материала, способного разрешить спорные вопросы, не уменьшают актуальность необходимости правового регулирования отношений, касающихся цифровых прав. Безусловно, создание полноценной нормативной базы не произойдет мгновенно.

В контексте указанных доктринальных дискуссий представляет особый интерес позиция Конституционного Суда РФ, который в своем Постановлении от 20 января 2026 г. № 2-П, не вдаваясь в дискуссию о конкретных правовых категориях, обозначил рассматриваемые объекты как «выраженные в цифровой форме ценности»¹¹⁰.

Такой подход позволяет сделать акцент на их ключевой характеристике – наличии экономической составляющей, объективированной в цифровой среде. Для целей конституционно-правовой защиты первостепенное значение имеет не попытка точной юридической квалификации, а факт существования у лица охраняемого законом имущественного интереса, закрепленного в цифровой форме.

Важно провести разграничение между цифровыми правами в смысле ст. 141.1 ГК РФ и токенами. В российской правовой системе цифровые права – самостоятельная легальная конструкция, а «токен» – категория, используемая в зарубежных правовых системах. Вместе с тем, отличительным признаком цифровых прав в Российской Федерации является их централизованность, которая не является обязательным признаком токенов. Токены могут обращаться как в централизованной, так и децентрализованной среде.

¹¹⁰ По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича : Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 № 2-П // Российская газета. 2026. № 21.

Обращение цифровых прав в Российской Федерации нельзя назвать децентрализованным, поскольку их выпуск и обращение осуществляются под контролем Банка России по правилам, установленным последним, с участием операторов, им определенных, т. е. в централизованной среде. При этом оборот токенов чаще всего происходит в децентрализованных системах, которым характерны анонимность и неотслеживаемость.

Правовое регулирование цифровых прав в Российской Федерации является уникальным, поскольку они представляют собой отдельную правовую сущность, для которой создан самостоятельный правовой режим. Соотнести имеющиеся в мировой практике классификации токенов с цифровыми правами, признаваемыми в Российской Федерации, представляется затруднительным, поскольку критерии, используемые в мировой практике, и критерии, используемые законодателем в Российской Федерации, не совпадают.

Развитие цифровых прав в Российской Федерации и за рубежом характеризуется как общими тенденциями, так и существенными национальными особенностями. Так, Н. В. Володина справедливо отмечает, что цифровое право формируется под влиянием «цифрового капитализма», при этом правовое регулирование цифровых активов и цифровой валюты в Российской Федерации сохраняет пробелы, что усиливает риски нарушения прав¹¹¹. С ней нельзя не согласиться, поскольку в российском законодательстве, действительно, сформировался уникальный и централизованный правовой режим цифровых прав, который, однако, отличается узостью по сравнению с мировой практикой обращения токенов, что приводит к трудностям в правоприменительной практике.

В российском законодательстве термин «стейблкоин» не используется.

Вместе с тем, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 20 января 2026 г. № 2-П сформулирована правовая позиция, согласно которой «гражданское законодательство принципиально не препятствует тому, чтобы рассматривать

¹¹¹ Володина Н. В. Дальнейшие перспективы развития цифрового права в современном обществе // Современное право. 2025. № 8 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2026).

[цифровую валюту] как объект гражданских прав – в качестве «иного имущества» по смыслу статьи 128 ГК РФ»¹¹².

Как справедливо отмечено в вышеуказанном Постановлении Конституционного Суда РФ, многообразие цифровых выражений ценности (включая стейблкоины) порождает сложности в их правовой квалификации и требует от законодателя своевременного совершенствования нормативной базы. Текущая правовая неопределенность в отношении стейблкоинов является следствием не только пробела в законе, но и объективной сложности их подведения под традиционные категории имущества, цифровых прав или цифровой валюты. Решение этой задачи лежит в плоскости использования законодателем своей дискреции для создания специального правового режима, учитывающего функциональное назначение стейблкоинов и обеспечивающего баланс между защитой прав участников оборота и интересами государства. Признавая, что оборот цифровой валюты сопряжен с определенными рисками для национальной безопасности и финансовой стабильности (использование в противоправных целях, в том числе для легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования противоправной деятельности, уклонения от налогообложения и вывода капитала), Суд указал на допустимость установления законодателем обоснованных ограничений и публично-правовых обременений для участников соответствующего оборота. Данный вывод корреспондирует общеправовому принципу, согласно которому осуществление прав и свобод не должно нарушать права и законные интересы других лиц, а также основы правопорядка. Вместе с тем Конституционный Суд подчеркнул, что наличие публичных рисков не может служить основанием для произвольного ограничения права на судебную защиту. Имущественные права, вытекающие из законного обладания цифровой валютой, подлежат судебной защите наравне с иными имущественными правами, поскольку

¹¹² По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича : Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 № 2-П // Российская газета. 2026. № 21.

на них распространяются конституционные гарантии, закрепленные в ст. 35 Конституции РФ.

Принципиальное значение имеет дифференциация правового режима цифровой валюты в зависимости от способа ее приобретения. Конституционный Суд РФ признал соответствующими Конституции положения ч. 6 ст. 14 Закона о ЦФА в части, касающейся цифровой валюты, полученной в результате майнинга, поскольку для данной категории лиц законодателем установлен специальный порядок информирования налоговых органов. В то же время в отношении лиц, приобретающих цифровую валюту иными законными способами (в частности, по договорам купли-продажи), отсутствие ясной и доступной процедуры информирования порождает правовую неопределенность. При отсутствии вины таких лиц отказ в судебной защите был квалифицирован Судом как несоразмерное ограничение, нарушающее право на судебную защиту, гарантии неприкосновенности собственности и принцип равенства всех перед законом.

Исходя из изложенного, Конституционный Суд возложил на федерального законодателя обязанность по внесению в действующее правовое регулирование изменений, направленных на недопустимость отказа в судебной защите по имущественным требованиям, вытекающим из законного обладания цифровой валютой.

Во исполнение указанной обязанности законодателем принят Федеральный закон «О цифровых валютах и цифровых правах», который, развивая правовые позиции Конституционного Суда РФ, установил специальный порядок информирования налоговых органов о фактах обладания цифровой валютой и совершения сделок с ней, закрепив это требование применительно ко всем законным способам приобретения цифровой валюты¹¹³. Тем самым законодатель устранил правовую неопределенность, на которую указал Конституционный Суд, и создал механизм, обеспечивающий недопустимость отказа в судебной защите при условии соблюдения установленного порядка информирования.

¹¹³ О цифровых валютах и цифровых правах: Федеральный закон от 04.08.2026 № 282-ФЗ // Российская газета. 2026. № 178–179.

Тем не менее, сформулированные Конституционным Судом РФ правовые позиции, устанавливающие конституционно-правовые гарантии защиты законно приобретенных цифровых выражений ценности, создают существенную предпосылку для повышения предсказуемости и стабильности их оборота.

Так, 11 августа 2026 года Банк России в соответствии с положениями Федерального закона «О цифровых валютах и цифровых правах» опубликовал проект указания, определяющего перечень цифровых валют, которые организатор торговли вправе допустить к публичному обращению на организованных торгах. В указанный проект перечня вошли Bitcoin (BTC), Ethereum (ETH) и стейблкоин Tether (USDT)¹¹⁴. Включение стейблкоина USDT в проект перечня, несмотря на отсутствие его отдельного упоминания в законе, свидетельствует о признании регулятором экономической значимости стейблкоинов и намерении интегрировать их в российскую правовую систему в качестве цифровых валют, соответствующих критериям, установленным Банком России.

Кроме того, лицо, которое привлекает финансирование путем выпуска цифровых финансовых активов, может гарантировать возврат привлеченных денежных средств с привязкой к прибыли какого-то инвестиционного проекта или же актива. Перечень активов, к которым может быть привязан этот тип ЦФА, не ограничен. Это может быть и золото, квадратный метр недвижимости и т. д., что делает похожим ЦФА на стейблкоин.

В январе 2024 года в Государственную думу Российской Федерации был внесен законопроект, относящий к цифровым финансовым активам

¹¹⁴ О порядке определения совокупной стоимости в денежном эквиваленте цифровых валют, приобретенных и приобретаемых по поручению резидента, не являющегося квалифицированным инвестором, через брокера в течение календарного года, предельной сумме совокупной стоимости в денежном эквиваленте цифровых валют, приобретенных и приобретаемых по поручению резидента, не являющегося квалифицированным инвестором, через брокера в течение календарного года, перечне цифровых валют, которые организатор торговли вправе допустить к публичному обращению на организованных торгах, порядке определения рыночной капитализации цифровых валют, которые организатор торговли вправе допустить к публичному обращению на организованных торгах, порядке определения среднесуточного объема торгов цифровыми валютами, которые организатор торговли вправе допустить к публичному обращению на организованных торгах, и порядке определения среднего объема торгов по сделкам с цифровыми валютами у иностранного организатора торговли» [Электронный ресурс]: проект указания Банка России // Официальный сайт Банка России. URL: <https://www.cbr.ru/> (дата обращения: 01.09.2026).

«обеспеченные стейблкоины – цифровые активы, которые стремятся поддерживать стабильную стоимость за счет привязки к курсу золота»¹¹⁵. Их можно будет использовать в качестве средства платежа или иного встречного предоставления за передаваемые товары, выполняемые работы, оказываемые услуги во внешнеторговых контрактах, а также иного способа, позволяющего предполагать оплату цифровым финансовым активом товаров (работ, услуг) по внешнеторговым контрактам. Определение, предложенное авторами законопроекта, является достаточно пространным – остается неясным, что понимается под словом «обеспеченные», авторами используется словосочетание «стремятся поддерживать», что также не отвечает принципам правовой определенности, а также не аргументирована целесообразность привязки стоимости стейблкоина исключительно к курсу золота, поскольку проигнорировано наличие иных подходящих активов.

А. С. Бирюков утверждает, что правовой режим ЦФА в России является оптимальным для создания стейблкоинов, но имеет существенные ограничения (отсутствие механизма повторной эмиссии, невозможность постоянного выпуска взаимозаменяемых токенов, жесткая централизация), что делает его практически неприменимым для легализации иностранных стейблкоинов¹¹⁶. Вместе с тем динамика российского правотворчества (признание цифровой валюты имуществом Конституционным Судом, принятие нового закона, включение USDT в проект перечня Банка России) показывает, что законодатель осознает эти проблемы и движется к их решению.

В Российской Федерации для невзаимозаменяемых токенов (NFT-токенов) специальное правовое регулирование также отсутствует. В мае 2022 года в Государственную Думу Российской Федерации был внесен законопроект, согласно которому «невзаимозаменяемый токен уникального цифрового актива в виде

¹¹⁵ О внесении изменений в Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]: проект федерального закона № 540256-8. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/540256-8> (дата обращения: 20.07.2025).

¹¹⁶ Бирюков А. С. Обеспеченные стейблкоины как цифровые права // Хозяйство и право. 2025. № 8 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2026).

невзаимозаменяемых данных, хранящихся в системе распределенного реестра», необходимо признать самостоятельным объектом интеллектуальных прав¹¹⁷. Законопроект был отклонен, поскольку порождал неопределенность в правовом регулировании, в связи с чем его реализация могла привести к проблемам в правоприменительной практике, в частности, законопроект не содержал положений, отвечающих на вопрос об относимости токена к определенной категории объектов интеллектуальной собственности.

Вместе с тем, некоторые гибридные цифровые финансовые активы, включающие утилитарные цифровые права, схожи с невзаимозаменяемыми токенами (NFT-токенами). Утилитарные цифровые права могут включать право требования передачи товара или оказания услуги.

Так, ООО «Холдинговая Компания Интеррос» на платформе Атомайз (первая платформа цифровых финансовых активов (ЦФА), осуществлен выпуск невзаимозаменяемых токенов (NFT-токенов) на три фрески мастерской Рафаэля из собрания Эрмитажа: «Венера и Амур на дельфинах», «Венера и Адонис» и «Венера, вынимающая занозу»¹¹⁸. Данные токены являются гибридными цифровыми правами, выпуск которых осуществлен в соответствии с законодательством Российской Федерации под контролем Банка России.

В условиях внешнего санкционного давления одним из направлений государственной политики является разработка мер поддержки предпринимателей, осуществляющих свою деятельность в Российской Федерации¹¹⁹. В этом контексте цифровые права рассматриваются как перспективный финансовый инструмент, способный обеспечить бесперебойность внешнеэкономических расчетов и снизить зависимость от традиционных платежных систем.

¹¹⁷ О внесении изменений в статью 1225 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (в части расширения перечня охраняемых результатов интеллектуальной деятельности в виде невзаимозаменяемых токенов): законопроект № 126586-8 // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/126586-8> (дата обращения: 25.05.2024).

¹¹⁸ Цифровое наследие: национальный портал [Электронный ресурс]. URL: <https://цифровое-наследие.рф> (дата обращения: 21.08.2024).

¹¹⁹ Шиткина И. С. Бизнес современной России: новые проблемы и пути их преодоления // Право и бизнес. 2023. № 3. С. 4.

Проект Основных направлений развития финансового рынка на 2024 год и период 2025–2026 годов, подготовленный Банком России, впервые обозначил вопрос использования цифровых прав для расчетов, в том числе в валютных контрактах в рамках экспериментального режима¹²⁰.

Первым шагом в этом направлении стало принятие Федерального закона № 45-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», которым была закреплена возможность использования цифровых прав для трансграничных расчетов¹²¹. С 11 марта 2024 года цифровые права могут использоваться в качестве встречного предоставления по внешнеторговым договорам (контрактам), заключенным между резидентами и нерезидентами, которые предусматривают передачу товаров, выполнение работ, оказание услуг, передачу информации и результатов интеллектуальной деятельности, в том числе исключительных прав на них¹²².

Дальнейшее развитие данное регулирование получило в Федеральном законе «О цифровых валютах и цифровых правах», в соответствии с пунктом 1 части 7 статьи 1 которого общий запрет на прием цифровых валют и цифровых прав в качестве средства платежа не распространяется на их использование по внешнеторговым договорам между резидентами и нерезидентами. При этом законодатель уточнил, что для трансграничных расчетов могут быть использованы только цифровые права, выпущенные и обращающиеся на российских платформах – в информационной системе оператора¹²³.

Кроме того, Федеральный закон «О цифровых валютах и цифровых правах» вводит понятие «иностранный цифровой инструмент» – имущество, представляющее собой обязательственные и иные права, размещение которых осуществляется не в соответствии с российским правом в информационной

¹²⁰ Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2024 год и период 2025 и 2026 годов: разработаны Банком России // Вестник Банка России. 2024. № 5. С. 3.

¹²¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 11.03.2024 № 45-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Российская газета. 2024. № 54.

¹²² Карпова Ю. С. Использование цифровых прав для трансграничных расчетов: анализ законодательных новелл // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 3. С. 324.

¹²³ О цифровых валютах и цифровых правах: Федеральный закон от 04.08.2026 № 282-ФЗ // Российская газета. 2026. № 178–179.

системе, организованной не в соответствии с российским правом, за исключением иностранных ценных бумаг, относящихся в соответствии с личным законом лица, обязанного по ним, к ценным бумагам (п. 20 ст. 2 Закона). Отдельно выделяется «беспоставочный иностранный цифровой инструмент» – иностранный цифровой инструмент, удостоверяющий исключительно денежные требования (п. 21 ст. 2 Закона). Организация обращения, учет и обращение иностранных цифровых инструментов в Российской Федерации осуществляются в соответствии с требованиями, установленными к обращению цифровых прав. Данное законодательное решение создает предпосылки для легального оборота иностранных цифровых инструментов и их использования во внешнеэкономических сделках, обеспечивая единообразие правового режима для всех цифровых активов, обращающихся на территории РФ.

Более того, категория «цифровые права» включена в Федеральный закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»¹²⁴, в котором определены цифровые права, являющиеся и не являющиеся валютными ценностями. Указанными изменениями закреплено, что валютные операции с цифровыми правами осуществляются на соответствующих платформах. При расчетах один из контрагентов совершает перевод, например, ЦФА, на счет другого контрагента без использования банковских счетов. Далее, контрагент, получивший ЦФА, сможет распорядиться им по своему усмотрению, в частности, продать или оставить себе для получения предусмотренной доходности. Вместе с тем, в соответствии с принятыми изменениями, для трансграничных расчетов могут быть использованы только цифровые права, выпущенные и обращающиеся на российских платформах. Изложенное, безусловно, является существенным ограничением для иностранных хозяйствующих субъектов, поскольку в настоящее время технологическая возможность оборота цифровых прав за пределами РФ отсутствует. Вместе с тем расширение географического охвата обращения цифровых прав позволит снизить

¹²⁴ 5. О валютном регулировании и валютном контроле : Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Российская газета. 2003. № 253.

транзакционные издержки и создать дополнительные стимулы для иностранных контрагентов к использованию российских цифровых инструментов.

В связи с развитием цифровых технологий перед правом и государством встает непростая задача – «вписать» новые технологии в правовое регулирование качественно. Законодатель также может пойти по пути признания мировых криптоактивов в качестве средства платежа, однако в данном случае результативность такого шага будет зависеть не только от действий Российской Федерации, но и других государств, в частности, принимая во внимание тот факт, что криптоактивы на сегодняшний день не введены в оборот в подавляющем большинстве государств.

Представляется обоснованным рассмотреть классификацию цифровых прав по критерию степени технической возможности автоматического (автономного) исполнения обязательства, составляющего содержание цифрового права:

1. Цифровые права с автономным (самоисполнимым) исполнением. К данной группе относятся права, исполнение которых осуществляется автоматически средствами информационной системы (смарт-контрактом) при наступлении заранее определенных условий, без необходимости совершения дополнительных действий со стороны обязанного лица. Характерным признаком является возможность полного исполнения обязательства в цифровой среде без обращения к внешним источникам информации. К таким правам относятся, например, утилитарные цифровые права на предоставление доступа к программному обеспечению или цифровому контенту, а также цифровые финансовые активы, предусматривающие автоматическое зачисление денежных средств при условии наличия цифровых денег в системе. Защита таких прав может осуществляться как техническими средствами (восстановление записи, блокировка неправомерных транзакций), так и судебными способами (признание недействительности операции, возмещение убытков).

2. Цифровые права с неавтономным (исполнительским) исполнением. К данной группе относятся права, исполнение которых требует совершения действий обязанным лицом вне информационной системы: передача материальных вещей,

выполнение работ, оказание услуг, совершение юридически значимых действий (например, государственная регистрация перехода исключительного права). Смарт-контракт не может обеспечить автоматическое исполнение таких обязательств, поскольку требует подтверждения из внешнего мира либо прямых действий обязанного лица. К таким правам относятся, например, утилитарные цифровые права на передачу товаров, выполнение строительных работ, оказание консультационных услуг. Защита таких прав осуществляется преимущественно судебными способами: иск к обязанному лицу о принудительном исполнении, возмещение убытков, расторжение договора.

3. Цифровые права со смешанным исполнением. К данной группе относятся права, в которых часть обязательства исполняется автоматически (например, выплата процентов), а часть – действиями обязанного лица (например, передача актива). Характерным примером являются гибридные цифровые права, сочетающие денежное требование и право на получение товара. Защита таких прав требует комбинированного подхода в зависимости от того, какая часть обязательства нарушена.

Предложенная классификация по автономности исполнения имеет прямое практическое значение для выбора способа защиты.

Реализация первого вида цифровых прав посредством смарт-контрактов осуществляется в автоматическом режиме, без необходимости дополнительных действий со стороны участников правоотношения. Е. Е. Фролова и А. М. Берман к ключевым правовым характеристикам смарт-контрактов относят неизменность установленных сторонами условий, прозрачность исполнения обязательств, необратимость юридических последствий автоматизированного исполнения и прослеживаемость всех этапов исполнения обязательств¹²⁵. При этом автоматизированное исполнение обязательств представляет собой не случайный

¹²⁵ Фролова Е. Е., Берман А. М. Способы волеизъявления сторон в условиях цифровой трансформации: актуальные тренды правоприменения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-voleizyavleniya-storon-v-usloviyah-tsifrovoy-transformatsii-aktualnye-trendy-pravoprimeneniya> (дата обращения: 20.05.2025).

процесс, а реализацию заранее определенного алгоритма, детерминированного волеизъявлением сторон гражданско-правового отношения.

Исследуя особенности реализации смарт-контрактов, Е. С. Цветкова обращает внимание на ряд преимуществ, делающих их привлекательными для субъектов гражданских правоотношений: отсутствие необходимости в привлечении третьего лица (оператора), гарантированность исполнения обязательств, автоматическая упрощенная система расчетов в цифровой валюте, прозрачность всех транзакций, использование электронных цифровых подписей, а также возможность осуществления международных транзакций в условиях санкционных ограничений¹²⁶. Вместе с тем автор отмечает, что «при всей видимой защищенности программного кода в практике все же встречаются случаи мошенничества и злоупотребления правом при заключении и исполнении смарт-контрактов», что позволяет сделать вывод о том, что технологические механизмы защиты, заложенные в смарт-контракты, не являются самодостаточными и не исключают риски злоупотреблений.

Цифровые права, которые включают в себя права требования, обязательства по которым подлежат исполнению в материальной форме, требуют создания «моста в реальность». Однако обеспечение соответствия исполненного требованиям, установленным в смарт-контракте, требует дополнительных действий – самоисполнение смарт-контракта в данной части невозможно. В связи с чем для защиты прав обладатель цифровых прав должен учесть это при заключении сделки и предпринять дополнительные действия, направленные на контроль за ходом исполнения обязательств обязанным лицом.

Подводя итог проведенному в настоящему параграфе исследованию, можно сделать следующие выводы.

Цифровые права в российском гражданском праве представляют собой узкоотраслевую законодательную конструкцию, не совпадающую с международно-правовой трактовкой цифровых прав как фундаментальных прав

¹²⁶ Цветкова Е. С. Нотариальная охрана цифровых прав участников корпораций // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 11. С. 157.

человека. В соответствии со ст. 141.1 ГК РФ и Законом цифровых валют и цифровых правах цифровые права относятся к числу имущественных прав и включают в себя традиционные обязательственные и корпоративные права.

К числу специфических признаков, отличающих цифровые права от иных объектов гражданских прав, относятся создание и обращение исключительно в информационной системе, алгоритмизация осуществления прав, аутентификация как способ легитимации лица – подтверждение подлинности субъекта права осуществляется посредством обладания уникальным ключом доступа к адресу-идентификатору, а также наличие записи в информационной системе, имеющей легитимационное значение.

На основании вышеизложенного представляется возможным сформулировать следующее определение: цифровые права – это имущественные права, прямо указанные в качестве таковых в законе, характеризующиеся наличием записи в информационной системе оператора, имеющей легитимационное значение; алгоритмическим порядком осуществления; аутентификацией управомоченного лица посредством ключа доступа к адресу-идентификатору; выпускаемые и обрабатываемые в информационной системе по установленным правилам.

Вместе с тем сложность выбранной законодателем конструкции приводит к трудностям в правоприменительной практике. Так, например, Ростовский областной суд в определении от 28.07.2025 по делу № 33–11316/2025 отнес криптовалюту – токен USDT (курс указанного токена привязан к курсу доллара США) к цифровым правам, указанным в статье 141.1 ГК РФ¹²⁷. Приведенная правовая позиция суда является ошибочной и не соответствует действующему гражданскому законодательству, поскольку криптовалюты, включая USDT, не являются цифровыми правами в соответствии со статьей 141.1 ГК РФ. Отнесение судом токена USDT к цифровым правам, указанным в ст. 141.1 ГК РФ, представляет собой неправомерное расширение пределов действия нормы закона

¹²⁷ По делу № 33-11316/2025: определение Ростовского областного суда от 28.07.2025 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 12.08.2025).

и противоречит системному толкованию положению гражданского законодательства. Данный случай иллюстрирует необходимость четкого разграничения законодательно урегулированных цифровых прав и иных объектов.

Проведенный в первой главе анализ теоретических основ и правового регулирования цифровых прав позволяет сформулировать следующие основные выводы, имеющие значение для дальнейшего исследования.

По итогам анализа зарубежных подходов к пониманию и правовому регулированию цифровых прав установлено, что цифровая трансформация общественных отношений выступает глобальным вызовом, требующим от государства адекватного нормативного реагирования. В зарубежной юридической науке и практике сформировалось многомерное понимание цифровых прав, которое не сводится к единой модели. По итогам исследования понятия и особенностей цифровых прав в отечественной научно-правовой доктрине сделан вывод о существенном терминологическом диссонансе между публично-правовым пониманием цифровых прав как фундаментальных прав человека в цифровой среде и частноправовым пониманием, закрепленным в ст. 141.1 ГК РФ, где цифровые права выступают как особая категория имущественных прав.

В целях преодоления указанного диссонанса предложено рассматривать цифровые права в единстве трех проекций: публично-правовой (ценностно-ориентирующие нормы-принципы), законодательной (имущественные права, прямо поименованные в законе) и технико-юридической (способ фиксации права посредством ключа доступа к адресу-идентификатору в информационной системе с легитимационным значением записи).

Установлено, что по своей юридической природе цифровые права в российском гражданском праве включают традиционные обязательственные и корпоративные права, однако обладают специфическими признаками: наличие записи в информационной системе, имеющей легитимационное значение; выпуск и обращение исключительно в информационной системе по ее правилам; доступ и распоряжение посредством ключа доступа к адресу-идентификатору.

Выявлена двойственная правовая природа цифровых прав: они одновременно являются носителями относительных имущественных прав (обязательственных и корпоративных), нарушение которых возможно лишь обязанным лицом, и сами по себе выступают как абсолютное право, поскольку их неправомерное изменение или удаление записи в информационной системе (например, в результате хакерского вмешательства) может быть совершено любым третьим лицом. Данное обстоятельство обосновывает необходимость дифференцированного подхода к защите: защита самого цифрового права как абсолютного объекта и защита относительных прав, включенных в его содержание, требуют различных правовых механизмов и не могут сводиться к единой модели.

На основе анализа российского законодательства и судебной практики сделан вывод о недопустимости расширительного толкования ст. 141.1 ГК РФ, поскольку аккаунты, личные кабинеты и иные цифровые объекты по своей правовой природе не являются цифровыми правами в смысле указанной нормы.

Проведенный в первой главе анализ позволяет констатировать, что цифровые права в Российской Федерации представляют собой сложный, многоаспектный правовой феномен, сочетающий элементы традиционных имущественных прав и новых технологических характеристик, требующих развития специальных механизмов защиты, учитывающих их двойственную природу и специфические признаки. Выявленные теоретические проблемы и пробелы правового регулирования обуславливают необходимость дальнейшего исследования способов защиты цифровых прав, которое будет представлено в последующих главах настоящей работы. Дополнение гражданского законодательства положениями о цифровых правах обусловило возникновение новых дискуссий и вопросов, а также сложностей в правоприменительной практике при защите прав, существующих в новой цифровой реальности. Возникает закономерный вопрос о возможности применения традиционного механизма защиты имущественных прав к цифровым правам с учетом их специфических особенностей, ответ на который будет дан в следующих параграфах настоящего исследования.

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ И ФОРМЫ ЗАЩИТЫ ЦИФРОВЫХ ПРАВ

2.1. Понятие и особенности защиты цифровых прав

Последние несколько десятилетий, ознаменовавшихся кардинальными трансформациями, убедительно демонстрируют неуклонное изменение мира во многих отношениях. Одним из ключевых факторов, приведших к этим изменениям, является цифровая революция.

Сегодня можно с уверенностью сказать, что технологии вступили в новый этап развития и обладают способностью трансформировать все сферы жизни общества. Опыт развитых стран также показывает, что процесс цифровизации оказывает положительное влияние на экономику, способствует открытию новых рабочих мест, повышению производительности труда, обеспечивает прозрачность, а также способствует развитию малых и средних предприятий.

Так, по предварительным прогнозам, цифровая экономика в мире продемонстрирует среднегодовой темп роста в 7% с 2023 года по 2028 год, составит 17% ВВП и достигнет 16,5 трлн долларов к 2028 году¹²⁸.

Понятие цифровой экономики представлено в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации, в соответствии с которой сущность цифровой экономики заключается в том, что она охватывает хозяйственную деятельность и направлена на интенсивное развитие различных видов производств, продаж, оборудования, повышает их эффективность вследствие возможности обработки большого объема данных, использования

¹²⁸ Global Digital Economy Forecast, 2023 To 2028 [Электронный ресурс] / M. O'Grady, D. Hoffman, I. Jacobs [et al.] // Forrester. 2024. URL: <https://www.forrester.com/report/global-digital-economy-forecast-2023-to-2028/RES181192> (дата обращения: 21.08.2024).

результатов их обработки, чем отличается от традиционных форм хозяйствования¹²⁹.

Цифровая экономика приводит к необходимости использования субъектами гражданского оборота технологий для осуществления своей деятельности лучше, быстрее и иным способом, чем это было ранее. За последние несколько лет появилось много новых компаний и новых способов ведения ими деятельности, новых сфер ведения деятельности.

Более того, в цифровом пространстве все процессы выполняются оперативнее – необходимость физического присутствия сторон сделки или посредника отсутствует, физические передвижения также отсутствуют, в связи с чем логистика также не является необходимой, осуществление платежей также становится оперативнее, а инвестиционные инструменты – удобнее.

Благодаря цифровой экономике появились новые формы инвестирования, не требующие участия посредников, обеспечивающие анонимность субъектов – цифровые финансовые активы и гибридные цифровые права, оборот которых осуществляется в информационной системе, и цифровые утилитарные активы, оборот которых осуществляется на инвестиционной платформе.

Доступность технологий и развитие цифровой экономики порождает новые вызовы. Представляется, что в настоящее время практически все страны в мире стремятся создать такое правовое регулирование, которое бы позволило надлежащим образом защитить права, в частности, цифровые права, которое будет способствовать дальнейшему развитию цифровых прав и их широкому обращению.

Сложно отрицать тот факт, что предпринимательская деятельность является важнейшим элементом рыночной экономики, без которого устойчивое развитие государства не представляется возможным. В целях достижения высоких экономических результатов от государства требуется быстрая адаптация правового регулирования предпринимательской деятельности к новым цифровым реалиям.

¹²⁹ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20, ст. 2901.

Для решения данной задачи требуется сформировать в Российской Федерации единообразный подход к решению вопросов правового регулирования отношений по поводу цифровых прав, в частности, их защиты.

Общеизвестно, что субъективное право ценно только при условии обеспечения возможности его реализации. Классическим в цивилистике является положение, сформулированное В. П. Грибановым, о декларативной природе субъективного права в отсутствие эффективного механизма его защиты¹³⁰.

Субъективному праву управомоченного лица корреспондирует юридическая обязанность обязанного лица или обязанных лиц, и в случае ее неисполнения «включается» право притязания управомоченного лица, которое, в свою очередь, представляет собой возможность лица обратиться за защитой его нарушенного права.

Своевременная и надлежащая защита прав субъектов гражданского оборота имеет особое значение для государства и общества и напрямую влияет на стабильное развитие экономики и предпринимательства.

Логичным представляется начать с определения содержания дефиниции «защита цифровых прав субъектов гражданского оборота». Решение этой задачи представляется возможным только при определении содержания категории «защита прав». Отметим, что в гражданском законодательстве РФ легальное понятие «защита прав» не представлено, в связи с чем полагаем необходимым обратиться к позициям, изложенным в научных трудах ученых-правоведов.

Как отмечал С. С. Алексеев, понятие «защита прав» включает в себя деятельность государства, сопряженную с монополией на насилие и принуждение, направленную на контроль исполнения юридических обязанностей, так или иначе связанных с нарушенным правом¹³¹. Основным признаком данного определения является восстановительный характер защиты прав, выраженный в восстановлении нарушенного права управомоченного лица.

Следует отметить, что выдающимся ученым термин «защита прав» определяется через *цель*, которая должна быть достигнута в результате защиты прав.

¹³⁰ Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд., стер. М., 2001. С. 41.

¹³¹ Алексеев С. С. Общая теория права. Курс в 2 томах. Т. 1. М., 1982. С. 108.

Под целью, в соответствии с толковым словарем С.И. Ожегова, понимается предмет стремления, то, что надо, желательно осуществить¹³².

Обращаясь к защите прав, лицо, чье право нарушено, безусловно, преследует определенную цель достигнуть определенный результат, поскольку, не имея такой цели, данное лицо бы оставило нарушение его прав без внимания.

И, действительно, одной из таких целей является *восстановление нарушенного права управомоченного лица*, о чем также сказано в статье 1 ГК РФ.

В судебной практике достаточно часто встречается и поддерживается позиция о том, что защита права всегда имеет своей целью его восстановление¹³³. Вместе с тем, в судебной практике также имеется правовая позиция, что помимо восстановления права, целью защиты права может выступать компенсация имущественных потерь, которые могут быть достигнуты одновременно¹³⁴.

Возвращаясь к определению, данному С. С. Алексеевым, следует отметить, что в соответствии с данным определением защита права сводится исключительно к деятельности государства, при этом как действующему законодательству, так и юридической науке известны условия для обращения лица, чье право нарушено, к самозащите.

В цивилистической литературе существует несколько подходов к определению понятия «защита прав» – теория деятельности, теория функций и теория мер. В данном случае защита прав определена через понятие деятельности, что характеризует теорию деятельности, которую разделяют многие ученые¹³⁵.

Теорию деятельности также поддерживал советский ученый Г. П. Арефьев, который под защитой гражданских прав понимал деятельность государства,

¹³² Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М., 1997. С. 3086.

¹³³ По делу № А40-85060/2023: постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 11.12.2023 № 09АП-73089/2023 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.07.2025).

¹³⁴ О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 (ред. от 23.12.2025) // Российская газета. 2017. № 297.

¹³⁵ Кот А. А. Осуществление и защита субъективных гражданских прав: монография. Харьков, 2019. С. 56.

направленную на устранение препятствий в осуществлении прав¹³⁶. В данном определении также не учтена возможность самозащиты.

А. П. Вершинин включает в содержание понятия «защита прав» юридическую деятельность, которая направлена, во-первых, на ликвидацию явлений, препятствующих реализации права, во-вторых, на пресечение нарушения прав и, в-третьих, восстановление положения, существовавшего до нарушения права¹³⁷. В данное определение не включен существенный признак защиты, выражающийся в отправлении деятельности, направленной на защиту, только уполномоченными на это субъектами. Необходимо отметить, что ученым дано определение термину «защита прав» через определение целей, на достижение которых она направлена. Вместе с тем, полагаем, что ликвидация явлений, препятствующих реализации права и пресечение нарушения прав, соотносятся как часть и целое, поскольку в первую категорию могут входить случаи, когда права фактически не нарушаются, но нуждаются в защите.

Также ученый указывает в качестве цели *пресечение действий, нарушающих право*. Вместе с тем защита прав может быть направлена на пресечение действий, нарушающих право, *а также создающих угрозу его нарушения*, о чем Верховным Судом Российской Федерации (далее – Верховный Суд РФ) сформулирована правовая позиция¹³⁸. Так, гарантирующий поставщик направил уведомление о предстоящем ограничении режима потребления электроэнергии в связи с наличием у потребителя задолженности по оплате, потребитель обратился в суд с заявлением о признании данного уведомления незаконным. Верховный Суд РФ указал, что рассматриваемое требование следует квалифицировать в качестве пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, являющимся способом защиты, прямо поименованным в абз. 3 ст. 12 ГК РФ.

¹³⁶ Арефьев Г. П. Понятие защиты субъективных прав // Процессуальные средства реализации конституционного права на судебную и арбитражную защиту. Калинин, 1982. С. 19.

¹³⁷ Вершинин А. П. Способы защиты гражданских прав в суде: дис. ... д-ра юрид. наук в форме науч. докл. СПб., 1998. С. 17.

¹³⁸ По делу № 306-ЭС18-20653, А57-25248/2017: определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.04.2019 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.07.2025).

Таким образом, одной из самостоятельных целей защиты прав является *пресечение действий, нарушающих право, а также создающих угрозу его нарушения*.

Д. Х. Валеев и М. Ю. Челышев под защитой понимают способ реализации права, обладающий признаком принудительности, который осуществляется в установленном законом порядке, уполномоченными на то органами либо самим лицом, чьи права подлежат защите, направленный на восстановление нарушенного права¹³⁹. В данном же определении не учтено, что защита прав может быть необходима также в ситуации, когда права не нарушены, но не признаются или оспариваются третьими лицами. В таком случае целью защиты будет выступать устранение правовой неопределенности.

Теория деятельности, разделяемая и поддерживаемая многими учеными-правоведами, находит свое отражение и в трудах С. В. Тычинина, по мнению которого защита гражданских прав представляет собой деятельность со стороны либо уполномоченного лица, либо компетентных органов, либо такую деятельность, которая отражает взаимодействие обозначенных лиц, представляет их совокупные усилия, а главная цель данной деятельности выражается в ликвидации преград и трудностей, с которыми субъекты неизбежно сталкиваются в процессе осуществления своих прав¹⁴⁰. В вышеизложенном определении автор указал цели, на которые направлена деятельность по защите прав, но далеко не все, в связи с чем определение не может быть признано полным.

По мнению А. Б. Степина, защита гражданских прав – это целенаправленная деятельность в правовой сфере, включающая в себя выбор и реализацию способов защиты, уменьшение рисков наступления негативных последствий, восстановление права, которое было нарушено либо оспорено¹⁴¹. В данном определении отмечена важная деталь – защита прав включает в себя выбор способа

¹³⁹ Валеев Д. Х., Челышев М. Ю. Гражданско-правовые средства в процессуальном механизме реализации прав граждан и организаций в исполнительном производстве // Исполнительное право. 2009. № 4. С. 13.

¹⁴⁰ Тычинин С. В. Гражданско-правовые способы защиты прав граждан и организаций при чрезвычайных ситуациях: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996. С. 90.

¹⁴¹ Степин А. Б. Основные элементы и стадии механизмов защиты гражданских прав: вопросы теории и практики // Российский судья. 2020. № 7. С. 5.

защиты права лицом, чьи права нарушены. Защита прав осуществляется путем применения надлежащего способа защиты прав, при этом в случае, если способ выбран ненадлежащий – в защите права будет отказано¹⁴².

Так, способы защиты гражданских прав установлены в статье 12 ГК РФ, вместе с тем, некоторые из них выработаны в результате правоприменения. При этом, между достижением целей защиты прав и способов защиты прав существует прямая связь – достижение определенных целей защиты возможно путем применения определенных способов.

Критикуя теорию деятельности, ученые отмечают, что в рамках данной теории происходит подмена понятий – фактически вместо понятия «защита прав» дается определение понятию «реализация (осуществление) защиты прав»¹⁴³. Здесь также представляется интересной точка зрения А. В. Милькова о том, что деятельность не может составлять понятие защиты права, но в рамках какого-либо аспекта частной научной теории использование такой конструкции допустимо¹⁴⁴.

Вторым подходом к понятию защиты прав является теория функции, в соответствии с которой определение категории «защита права» дается через функции. Так, Т. И. Илларионова под защитой прав понимает функцию гражданско-правовой охранительной системы, проявляющуюся в комплексном применении специальных мер, ориентированных на предотвращение правонарушений, а также на восстановление нарушенных прав или гарантирование создания иных путей их восстановления в иных формах¹⁴⁵.

Если обратиться к теории государства и права, то под функцией следует понимать основное направление действий субъекта, необходимых для решения

¹⁴² По делу № А49-12153/2020: определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2023 № 306-ЭС23-16081 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.07.2025).

¹⁴³ Павлов А. А. Присуждение к исполнению обязанности как способ защиты гражданских прав. СПб., 2001. С. 11.

¹⁴⁴ Мильков А. В. Правовое регулирование защиты гражданских прав и правовых интересов: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. С. 66.

¹⁴⁵ Илларионова Т. И. Система гражданско-правовых охранительных мер // Избранные труды. Екатеринбург, 2005. С. 160.

стоящих перед ним целей и задач¹⁴⁶. Иными словами, та или иная функция реализуется только посредством действий (бездействия) субъектов. Таким образом, можно говорить о том, что определение защиты прав, данное через понятие функции, в итоге сводится к действиям (бездействию) субъектов правоотношений, что является основой теории деятельности.

В связи с чем можно заключить, что теория функции не имеет самостоятельного характера, ее обоснование в качестве самостоятельной теории носит спорный характер.

Последней предложенной учеными теорией выступает теория мер, суть которой сводится к представлению защиты прав как специально созданного и существующего инструментария для противодействия нарушениям действующего законодательства¹⁴⁷. Так, позиция Н. С. Кузнецовой отражает точку зрения о том, что необходимо подходить к вопросу рассмотрения защиты гражданских прав с позиции определения ее как комплекса мер, закрепленных в законодательстве либо в договорном порядке, направленных на восстановление нарушенных гражданских прав¹⁴⁸.

Вместе с тем теория мер также подвергается критике со стороны ученых. Так, по мнению Е. В. Измайловой, данная теория является безжизненной и эффективная реализация защитных целей невозможна без инициативы со стороны лиц, осуществляющих соответствующие необходимые действия¹⁴⁹. Также В. В. Храмушин обращает внимание, что рассмотрение определения «защита прав» через понятие мер неверно определяет объект воздействия. Субъективное право не может являться объектом воздействия, т. к. его источником является норма права, а не волевое поведение субъекта¹⁵⁰. Полагаем, что обеспечения защиты прав

¹⁴⁶ Теория государства и права: Курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 2001. С. 16.

¹⁴⁷ Сулейменов М. К. Защита гражданских прав // Избранные труды по гражданскому праву. М., 2006. С. 147.

¹⁴⁸ Кузнецова Н. С. Защита субъективных гражданских прав и гражданско-правовая ответственность: вопросы соотношения // Защита гражданских прав: Избранные аспекты: сб. ст. М., 2017. С. 91.

¹⁴⁹ Измайлова Е. В. Защита гражданских прав: подходы к пониманию // Пролог: журнал о праве. 2018. № 2. С. 9.

¹⁵⁰ Храмушин В. В. Защита конституционных прав граждан в арбитражном процессе:

необходимо активное участие самого лица, заинтересованного в их защите, путем реализации конкретных средств, и именно через такие действия становится возможным достижение желаемого результата – восстановление нарушенных прав и т. д. Изложенное свидетельствует о том, что теория мер является дополнением к теории деятельности и также не обладает самостоятельным характером.

Считаем необходимым отметить, что три обозначенных подхода к понятию защиты прав являются более чем условными. Далее по тексту настоящего исследования будут рассмотрены точки зрения, которые не могут быть отнесены ни к одной из вышеперечисленных теорий.

Так, Н. П. Асланян полагает, что обозначенные подходы не задают конкретного пути и не являются определяющими при определении подхода к понятию защиты субъективных гражданских прав, так как они не находят единогласной поддержки среди ученых, а зачастую понимание гражданско-правовой защиты формируется без ссылки на данные теоретические положения¹⁵¹.

Последовательным представляется вывод о том, что каждая из предложенных теорий раскрывает часть признаков защиты прав как многогранного явления. Теоретико-правовые подходы к защите прав требуют синтеза применительно к цифровым правам, поскольку защита невозможна без активных действий управомоченных субъектов (теория деятельности), требует конкретных юридических инструментов (теория мер) и должна обеспечивать баланс между автономией воли сторон и государственным контролем (функциональный аспект).

Теоретико-правовые подходы требуют синтеза применительно к цифровым правам: защита невозможна без активных действий управомоченных субъектов (теория деятельности), требует конкретных юридических инструментов (теория мер) и должна обеспечивать баланс между автономией воли сторон и государственным контролем (функциональный аспект).

предпосылки, сущность и формы // Вестник СГЮА. 2016. № 4 (111). С. 249.

¹⁵¹ Асланян Н. П. Основные проблемы разработки современного учения о защите гражданских прав // Защита частных прав: проблемы теории и практики: междунар. науч.-практ. конф., г. Иркутск, 12–20 апр. 2012 г.: материалы конф. Иркутск, 2012. С. 9.

Так, Н. В. Остапюк рассматривает защиту прав как приведение в жизнь средств (фактических и/или юридических), отраженных в законе, органами, наделенными необходимой компетенцией, или лицом, обладающим субъективным правом, в рамках правоотношений, результатом коих должно выступить признание (восстановление) гражданских прав, оспариваемых, нарушаемых или отвергаемых альтернативными способами со стороны различных лиц, выступающих в качестве правонарушителей или правопосягателей¹⁵². В данном определении ученый, определяя защиту прав через цели, не указал все цели защиты прав – в частности, пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения. Более того, средства защиты, под которыми ученый понимает способы защиты права, могут быть не отражены в законе, а могут быть выработаны в судебной практике.

В. В. Болгова понимает под защитой прав действительное восстановление права, которое было нарушено, или охраняемого нормами права интереса, либо предотвращение допущения такого нарушения, реализуемое в установленной законодателем форме и при помощи определенных средств¹⁵³. В вышеприведенном определении во главу угла ставится цель защиты прав, которая заключается в предотвращении угрозы нарушения прав и восстановлении нарушенных прав. Некоторые ученые, действительно, основным признаком защиты прав полагают цель¹⁵⁴.

Ученые, давая определение защите прав, единогласны в обязательной нацеленности защиты прав на определенный результат, которым выступает конечная цель в виде создания состояния защищенности прав либо возможности их защищенности. При этом результат может быть достигнут только в ходе совершения определенных действий (бездействия) лица, чье право нарушено и требует защиты или уполномоченных органов.

¹⁵² Остапюк Н. В. Понятие и формы защиты гражданских прав. Особенности нотариальной защиты гражданских прав // Юрист. 2006. № 4. С. 20.

¹⁵³ Болгова В. В. Формы защиты субъективного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2000. С. 23.

¹⁵⁴ Сакун О. В. К вопросу о понятии категории «Защита гражданских прав и законных интересов» // Сибирский юридический вестник. 2011. № 1. С. 68.

Необходимо разграничивать осуществление защиты и ее эффективность. Защита выражается в деятельности управомоченного лица и уполномоченных органов, тогда как ее эффективность оценивается с учетом достигнутого правового результата. При таких условиях теория мер не позволяет в полной мере раскрыть содержание защиты в силу того, что защита прав не ограничивается одним лишь абстрактным набором методов защиты в отсутствие активных действий со стороны уполномоченных субъектов.

Н. С. Малеин под защитой прав понимал «систему юридических норм, направленных на предупреждение правонарушений и устранение последствий правонарушений»¹⁵⁵. Вместе с тем в дальнейшем ученый рассматривал защиту права как совокупность предусмотренных законом процедур, применяемых не превентивно, а после совершения правонарушения¹⁵⁶. Это определение акцентирует внимание на еще одной цели защиты права – *устранении последствий его нарушения*. На устранение последствий нарушения прав направлен, в частности, такой способ защиты прав, как возмещение убытков.

Е. В. Михайлова выражает точку зрения, согласно которой защита гражданского права – процессуальное правоотношение, включающее в себя совокупность процедур, осуществляемых уполномоченным органом (судом) или таким лицом совместно с участниками юридического спора, итогом которого выступает реализация права, обеспеченная со стороны государства¹⁵⁷. Представляется, что позиция Е. В. Михайловой имеет методологическое значение, поскольку она акцентирует внимание на процессуальном аспекте защиты, что значимо в контексте цифровых прав.

А. П. Сергеев акцентирует внимание на процессуальной составляющей категории «защита гражданских прав», подчеркивая, что она реализуется должным образом в соответствии с предусмотренными законом формами, способами и

¹⁵⁵ Малеин Н. С. Гражданский закон и право личности. М., 1981. С. 192.

¹⁵⁶ Малеин Н. С. Охрана прав личности советским законодательством. М., 1985. С. 18–19.

¹⁵⁷ Михайлова Е. В. Процессуальные формы защиты субъективных гражданских прав, свобод и законных интересов в Российской Федерации (судебные и несудебные): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 80.

средствами¹⁵⁸. Разделяя позицию А. П. Сергеева о том, что защита должна осуществляться в установленных законом формах и с применением надлежащих способов, полагаем, что данное определение не в полной мере отражает деятельностный характер защиты и не указывает на цели, которые преследует управомоченное лицо. Защита не сводится к формальному соблюдению процедур, а направлена на достижение конкретного правового результата. В связи с этим считаем, что определение защиты должно включать как процессуальные, так и материально-правовые элементы, а также целевой компонент.

М. А. Рожкова разделяет позицию, что защита прав, с точки зрения рассмотрения ее как юридической категории, охватывает собой компоненты (материальные и процессуальные), находящиеся в постоянном взаимодействии друг с другом. К материальным ученый относит способы защиты, а процессуальным – формы защиты¹⁵⁹. Позиция М. А. Рожковой представляется наиболее обоснованной, поскольку она предлагает рассматривать защиту как единство материальных (способы) и процессуальных (формы) компонентов. Разделяя данный подход, полагаем, что применительно к цифровым правам это разграничение приобретает особое значение. Способы защиты цифровых прав должны соответствовать формам защиты (судебной, административной, самозащите), а выбор надлежащей формы предопределяет возможность применения того или иного способа. Вместе с тем считаем, что предложенная М. А. Рожковой конструкция не в полной мере отражает целевой аспект защиты, который является определяющим для выбора как формы, так и способа защиты.

Объемное определение защиты прав дано Ю. Н. Андреевым. Так, по его мнению, термин «защита субъективных гражданских прав» подразумевает под собой совокупность действий (как юридических, так и фактических), которые осуществляет управомоченное лицо в рамках осуществления неюрисдикционной формы защиты (самозащита), с учетом действующего законодательства в рамках охранительных правоотношений с участием такого лица, в частности с

¹⁵⁸ Гражданское право. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. 2001. С. 291.

¹⁵⁹ Защита гражданских прав: избранные аспекты: сборник статей / Ю. Н. Алферова, Ю. В. Байгушева, Ю. В. Виниченко [и др.]; рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. М., 2017. С. 253.

возможностью предъявления различных требований к другому лицу, выступающему вторым участником ранее обозначенных правоотношений и образующим совместно субъектные связи, а также действия юридического характера со стороны государства в лице своих органов и должностных лиц, применяющих средства и способы защиты, предусмотренные действующим законодательством, в установленной форме, основанные на принципах гражданского права. Ученый фокусирует внимание на результате, который должен быть достигнут в рамках реализации защиты: предотвращение потенциальных правонарушений (гражданских) и пресечение тех, которые находятся в стадии совершения; восстановление уже нарушенных прав; создание необходимых условий для возможности эффективной реализации прав; происходит усиление основ правопорядка, закрепленного в Конституции РФ¹⁶⁰.

Такая цель, как создание необходимой возможности для эффективной реализации прав является составной частью таких целей, как пресечение правонарушений и восстановление нарушенного права, в связи с чем полагаем, что необходимость выделять ее в качестве самостоятельной цели отсутствует. Усиление основ правопорядка, закрепленного в Конституции РФ, непосредственно не связано с защитой определенных субъективных гражданских прав конкретного лица, в связи с чем данная цель не является целью защиты субъективных гражданских прав. Вместе с тем, усиление основ правопорядка и гарантированность защиты прав субъектов предпринимательской деятельности, обеспеченная государством, выступает определяющим условием экономического развития России и ее привлекательности для инвесторов. При этом права субъектов предпринимательской деятельности подлежат защите наравне с правами иных участников гражданского оборота.

Итак, по результатам анализа содержания понятий «защита прав», имеющих в цивилистической науке, установлено, что цель является определяющим признаком защиты прав и представляет собой конечный результат, достигаемый посредством применения соответствующего способа защиты прав.

¹⁶⁰ Андреев Ю. Н. Механизм гражданско-правовой защиты. М., 2010. С. 145.

Цели защиты прав корреспондирует конкретный способ защиты прав, который направлен непосредственно на достижение данной цели. Выбор способа осуществляется лицом, чьи права подлежат защите.

Защита прав направлена на достижение конечного результата, в связи с чем имеет определенные цели, к которым относятся восстановление положения, существовавшего до нарушения права, пресечение действий, нарушающих право либо создающих угрозу нарушения права, устранение правовой неопределенности в правоотношениях сторон, а также устранение последствий нарушения права.

Как было установлено ранее, цифровым правам присущи особенности, к которым относятся обращение цифровых прав в рамках информационной платформы, а также предоставление доступа к цифровым правам посредством определенного кода доступа. Данные особенности предопределяют специфику не только самого объекта, но и механизмов его защиты, требуя учета как юридических, так и технических аспектов функционирования цифровой среды.

Анализ современной научной литературы, посвященной цифровым правам, свидетельствует о наличии некоторой терминологической неопределенности. Зарубежные и отечественные исследователи, рассматривая вопросы защиты прав в цифровую эпоху, зачастую вкладывают в понятие «цифровые права» иное содержание, нежели то, которое закреплено в российском гражданском законодательстве.

При разработке теоретико-правовой характеристики защиты цифровых прав необходимо учитывать расширение самого каталога прав человека в условиях цифровизации. Как отмечает Л. Н. Васильева, правоспособность гражданина в виртуальном пространстве расширяется, и «к пониманию цифровых прав допустим более широкий подход, предполагающий рассмотрение в их составе не только сугубо цифровых прав... но и давно сформированных прав человека, защита которых в целом требуется в цифровом (виртуальном) пространстве»¹⁶¹. Это наблюдение коррелирует с анализом некоторых исследований (Э. Р. Хогеманн,

¹⁶¹ Васильева Л. Н. Гражданин и его правоспособность в виртуальном пространстве // Право и виртуальное пространство: монография / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М., 2025. С. 125.

А. Э. Тикиджи), которые фокусируются именно на этом аспекте. Для целей настоящей работы важно подчеркнуть, что защита цифровых прав как имущественных объектов оборота не может рассматриваться в отрыве от общего контекста защиты прав личности в цифровой среде. Поиск баланса между этими категориями является необходимым условием и для эффективной защиты имущественных цифровых прав, поскольку доверие к цифровой среде в целом является одной из гарантий ее развития.

Так, Э. Р. Хогеманн, рассматривая защиту цифровых прав в контексте государственной политики развития цифрового общества, определяет цифровое право как комплексную отрасль, охватывающую широкий спектр правовых вопросов, связанных с использованием цифровых технологий. По мнению исследователя, цифровое право включает, помимо прочего, конфиденциальность и защиту данных, кибербезопасность, права интеллектуальной собственности, электронную коммерцию, цифровое управление и регулирование новых технологий, таких как искусственный интеллект и блокчейн¹⁶². В фокусе внимания автора находятся такие категории, как право на неприкосновенность частной жизни, защита персональных данных, цифровое просвещение и обеспечение кибербезопасности.

Аналогичное понимание встречается и в работах отечественных авторов, исследующих вопросы защиты цифровых прав. А. Э. Тикиджи, анализируя влияние цифровизации на социальную среду в России, подчеркивает, что «глобальная цифровизация привносит новые вызовы в область защиты прав граждан», среди которых он выделяет нарушение конфиденциальности данных, цифровое неравенство и потенциальные нарушения цифровых прав.¹⁶³ При этом термин «защита цифровых прав» используется автором также в широком значении, охватывающем личные права, реализуемые в новой, цифровой среде.

¹⁶² Хогеманн Э. Р. Государственная политика развития общества через призму цифрового права // Право и цифровая экономика. 2025. № 1. С. 9.

¹⁶³ Тикиджи А. Э. Влияние процесса цифровизации на социальную среду в России // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 8. С. 46.

Представляется, что подход, демонстрируемый Э. Р. Хогеманн и А. Э. Тикиджи, отражает более широкое, доктринальное понимание цифрового права. В данном контексте речь идет преимущественно о защите личных неимущественных прав человека в цифровой среде – права на частную жизнь, права на забвение, права на доступ к информации.

Российская же цивилистическая доктрина и законодательство (ст. 141.1 ГК РФ) исходят из принципиально иного подхода: цифровые права в отечественном правовом порядке рассматриваются как имущественные права, являющиеся объектами гражданского оборота.

Принципиальное значение для понимания условий защиты цифровых прав имеет вопрос о соотношении виртуального и правового пространства. Авторитетный коллектив исследователей под руководством Ю. А. Тихомирова справедливо критикует противопоставление этих категорий. Как подчеркивает С. А. Сеницын, «цифровое пространство не может быть позиционировано как параллельный мир или реальность, а только как новые возможности и средства человеческих коммуникаций. По этой причине не представляется возможным согласиться с делением правового пространства на виртуальное и реальное, с вынесением цифрового субстрата за пределы регулируемых правом общественных отношений»¹⁶⁴. Данный тезис обосновывает, что цифровые права, будучи новым видом объектов, не существуют в некоем «внеправовом» пространстве, а являются неотъемлемой частью единой системы правового регулирования, что предполагает возможность применения к ним апробированных цивилистических конструкций, включая механизмы защиты.

Особого внимания заслуживает вывод Л. К. Терещенко о неэффективности саморегулирования как единственного механизма защиты цифровых прав. Исследователь обосновывает, что опора исключительно на саморегулирование не способна обеспечить надлежащую защиту цифровых прав, в связи с чем задача

¹⁶⁴ Сеницын С. А. Правовое и виртуальное пространство. Трансграничность // Право и виртуальное пространство: монография / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М., 2025. С. 15.

государства заключается в анализе и минимизации возникающих рисков, а также в создании правовыми средствами оптимальных условий для защиты прав¹⁶⁵.

Данный тезис имеет прямое отношение к защите цифровых прав как объектов гражданского оборота. Несмотря на важность неюридических средств (саморегулирования, этических кодексов, стандартов платформ), именно государство выступает гарантом защиты цифровых прав, поскольку только оно обладает монополией на принуждение и может обеспечить восстановление нарушенного права в случаях, когда частноправовые механизмы оказываются недостаточными. Следовательно, эффективный механизм защиты цифровых прав должен строиться на сочетании государственного регулирования (юридические средства) и саморегулирования (неюридические средства) при определяющей роли первого.

Как справедливо отмечает Ф. В. Иванников, эффективная защита прав в цифровой среде невозможна без синергии юридических и неюридических средств¹⁶⁶. К юридическим средствам, по мнению исследователя, относятся инструменты, основанные на законе, нормативных актах и судебной практике: Конституция РФ, федеральные законы, подзаконные акты, а также формирующаяся судебная практика в области защиты цифровых прав. Именно эти средства создают правовую основу, устанавливают стандарты и императивные механизмы защиты. Применительно к цифровым правам как объектам гражданского оборота юридические средства играют ключевую роль, поскольку именно они закрепляют правовой режим этих объектов (ст. 141.1 ГК РФ), основания их возникновения и перехода, а также способы защиты в случае нарушения.

Вместе с тем, как подчеркивает Ф. В. Иванников, специфика цифровой среды обуславливает возрастающее значение неюридических средств защиты. К ним автор относит отраслевые кодексы этики и саморегулирование участников рынка

¹⁶⁵ Терещенко Л. К. Цифровые риски и права человека // Право и виртуальное пространство: монография / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М., 2025. С. 134.

¹⁶⁶ Иванников Ф. В. Юридические и неюридические средства механизма регулирования защиты прав граждан в условиях цифровой трансформации российской государственности // Мировой судья. 2025. № 12. С. 36.

цифровых услуг; внутреннюю политику компаний (политику конфиденциальности, модерации контента); образовательные программы по повышению цифровой грамотности населения; деятельность некоммерческих организаций, осуществляющих мониторинг соблюдения законодательства и оказывающих юридическую помощь¹⁶⁷.

Если юридические средства (нормы ГК РФ, Закона о ЦФА и др.) создают нормативную основу для признания и защиты этих прав, то неюридические средства – стандарты платформ, правила использования информационных систем, процедуры разрешения споров операторами платформ – во многом определяют реальный режим их функционирования и защиты в повседневном обороте. При этом, как верно отмечает исследователь, использование неюридических средств не должно подменять собой законодательные гарантии. Их задача – дополнять правовое регулирование, способствуя формированию этических стандартов, повышению осведомленности участников оборота и оперативному реагированию на нарушения, не требующие судебного вмешательства¹⁶⁸. Такой подход в полной мере соответствует потребностям цифрового оборота, сочетающего императивные начала (защита прав) с диспозитивными (автономия воли участников).

В действующем законодательстве должны быть установлены способы защиты цифровых прав, применение которых позволит защитить нарушенное право. Как следует из проведенного анализа, защита цифровых прав не может ограничиваться лишь традиционным юридическим инструментарием, но требует учета всего многообразия средств – от императивных норм до мягкого регулирования и самоорганизации участников оборота.

Подводя итог теоретико-правовому анализу защиты цифровых прав, следует сформулировать следующие выводы.

Анализ существующих в цивилистической науке подходов к определению защиты прав (теория деятельности, теория функции, теория мер) позволяет заключить, что каждый из них раскрывает отдельные аспекты этого многогранного

¹⁶⁷ Иванников Ф. В. Указ. соч. С. 36.

¹⁶⁸ Иванников Ф. В. Указ. соч. С. 37.

явления. Наиболее обоснованным является синтез этих подходов применительно к цифровым правам, поскольку защита невозможна без активных действий уполномоченных субъектов (деятельностный аспект), требует конкретных юридических инструментов (материально-правовой аспект) и должна обеспечивать баланс между автономией воли сторон и государственным контролем (функциональный аспект).

Анализ научных позиций позволил выявить основные признаки защиты прав, к которым относятся: осуществление уполномоченными субъектами; деятельностный характер (действие или правомерное бездействие); осуществление в предусмотренной законом форме посредством применения установленных в законе или выработанных в результате правоприменения способов; применение в ответ на негативное воздействие на права или при наличии правовой неопределенности; направленность на достижение определенных целей.

Специфика цифровых прав как объекта защиты предопределяет особенности их защиты. Цифровые права существуют исключительно в информационной системе в форме записи, имеющей легитимационное значение; их осуществление и распоряжение возможны только по правилам этой системы; порядок осуществления цифровых прав является алгоритмическим (определяемым правилами информационной системы); легитимация уполномоченного лица опосредована аутентификацией посредством ключа доступа к адресу-идентификатору, обеспечивающей возможность распоряжения цифровым правом. Указанные особенности обуславливают необходимость учета при определении защиты цифровых прав как юридических, так и технических аспектов функционирования цифровой среды.

При этом защита самих цифровых прав предполагает обязательное участие профессиональных участников оборота (оператора информационной системы или цифрового депозитария), обладающих исключительной технической возможностью внесения (изменения) записи в информационную систему: без их участия восстановление легитимационной записи, соответствующей действительному правовому состоянию цифрового права, технически невозможно.

Вместе с тем защита цифровых прав не может быть сведена исключительно к техническим действиям в информационной системе; она представляет собой юридическую деятельность, осуществляемую в установленной законом форме с применением предусмотренных законом способов.

Проведенный анализ создает теоретическую основу для формулирования определения защиты цифровых прав субъектов гражданского оборота. Под защитой цифровых прав субъектов гражданского оборота следует понимать деятельность управомоченного субъекта либо уполномоченных органов, осуществляемую в установленной законом форме с применением предусмотренных законом способов, с обязательным участием профессиональных участников оборота (оператора информационной системы или цифрового депозитария), обладающих технической возможностью внесения (изменения) записи в информационную систему, направленную на устранение несоответствия между формальной легитимацией и действительным правовым состоянием цифрового права. Участие профессиональных участников оборота является обязательным признаком защиты самих цифровых прав и не является таковым применительно к защите имущественных прав, включенных в цифровое право, которая осуществляется традиционными способами без участия указанных субъектов.

При этом при защите цифровых прав существует целый ряд процессуальных особенностей выбора лицом надлежащих формы и способов защиты, которые, между тем, тесно взаимосвязаны между собой. Логическим продолжением данного анализа является определение форм и способов защиты цифровых прав, которые будут рассмотрены далее с учетом всех установленных особенностей цифровых прав. В любом случае, в действующем законодательстве должны быть установлены способы защиты цифровых прав, применение которых позволит защитить нарушенное право.

2.2. Формы защиты цифровых прав

Гражданско-правовые споры подлежат разрешению в судебном порядке, при этом споры, возникающие по поводу цифровых прав в понимании текущего регулирования, не являются исключением. Цифровые права представляют собой имущественное благо и относятся к категории объектов гражданских прав.оборот объекта происходит путем заключения гражданско-правовых договоров.

Конституционную основу защиты цифровых прав составляют положения статей 45 и 46 Конституции Российской Федерации, гарантирующие государственную, в том числе судебную, защиту прав и свобод¹⁶⁹. Эти гарантии служат исходным ориентиром при определении форм защиты цифровых прав с учетом особенностей их осуществления в информационной системе.

Как следует из Закона о цифровых валютах и цифровых правах, размещение цифровых прав происходит на основании решения о выпуске цифровых прав, в котором может быть указано на сделки, предусматривающие исполнение обязательств без дополнительного волеизъявления сторон¹⁷⁰. Записи о цифровых правах вносятся в информационную систему в соответствии со статьей 6 указанного Закона. Сделки с цифровыми правами совершаются с участием лиц, организующих обращение цифровых валют, требования к которым устанавливаются нормативными актами Банка России.

Закон о цифровых валютах и цифровых правах определяет участников оборота цифровых прав, к которым относятся:

1. Цифровой депозитарий – профессиональный участник рынка, оказывающий услуги по учету и переходу цифровых валют и цифровых прав, а также по предоставлению доступа к адресам-идентификаторам (статья 17 Закона). Цифровой депозитарий выступает в качестве профессионального хранителя, обеспечивающего легитимацию цифровых прав путем ведения записей по

¹⁶⁹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.06.2026).

¹⁷⁰ О цифровых валютах и цифровых правах: Федеральный закон от 04.08.2026 № 282-ФЗ // Российская газета. 2026. № 178–179.

цифровым счетам. В рамках своей деятельности цифровой депозитарий может оказывать следующие услуги: учет и переход цифровых активов; создание адресов-идентификаторов и предоставление доступа к ним; открытие цифровых и иных счетов; исполнение поручений клиентов; обработка документов и подготовка отчетов; проведение тестирования физических лиц; признание лиц квалифицированными инвесторами. Депозитарий несет ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей по учету и переходу цифровых прав, включая полноту и правильность записей по цифровым счетам. При этом его ответственность может быть ограничена договором, если убытки причинены вследствие неправомерных действий третьих лиц. Депозитарий освобождается от ответственности, если списание активов произошло по вине другого депозитария или без его воли в информационной системе оператора. Появление данного субъекта создает дополнительные основания для возникновения споров и расширяет круг потенциальных ответчиков.

2. Брокер – совершает сделки с цифровыми валютами и цифровыми правами по поручению клиента от своего имени, но за счет клиента либо от имени клиента и за его счет (статья 15 Закона). Брокер выступает посредником между инвестором и рынком цифровых активов, обеспечивая исполнение поручений клиента на совершение сделок.

3. Доверительный управляющий – осуществляет доверительное управление цифровыми валютами и цифровыми правами (статья 16 Закона). Управляющий (или управляющая компания) совершает сделки с цифровыми активами в интересах клиента на основании договора доверительного управления, обеспечивая профессиональное управление активами.

4. Организатор торговли – обеспечивает совершение сделок с цифровыми валютами и цифровыми правами на организованных торгах (статья 14 Закона). Организатор торговли создает инфраструктуру для заключения сделок, обеспечивает сбор и сопоставление заявок, а также прозрачность и публичность торгов.

5. Клиринговая организация – участвует в расчетах по сделкам с цифровыми активами, осуществляя клиринг обязательств, возникших из сделок с цифровыми валютами и цифровыми правами. Клиринговая организация обеспечивает исполнение обязательств участников торгов, в том числе путем неттинга встречных требований.

6. Оператор информационной системы – юридическое лицо, включенное Банком России в реестр операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых прав. Оператор оказывает услуги по размещению цифровых прав и предоставлению доступа к информационной системе для осуществления и распоряжения цифровыми правами (статья 6 Закона). Оператор обеспечивает техническую инфраструктуру для выпуска, учета и перехода цифровых прав.

7. Организация, осуществляющая обмен цифровых валют – систематически совершает в своих интересах, от своего имени и за свой счет сделки купли-продажи цифровых валют с лицами, не являющимися лицами, организующими обращение цифровых валют, не на организованных торгах (статья 18 Закона). Данная организация предоставляет клиентам возможность приобретения и отчуждения цифровых валют.

8. Эмитент цифровых прав – юридическое лицо, индивидуальный предприниматель, федеральный орган исполнительной власти, орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации или орган местного самоуправления, которые несут от своего имени или от имени публично-правового образования обязательства перед обладателями цифровых прав (п. 26 ст. 2 Закона). Эмитент осуществляет выпуск цифровых прав и несет обязанности по их исполнению.

9. Инвестор (обладатель цифровых прав) – физическое или юридическое лицо, являющееся обладателем цифровых прав. Инвестор приобретает цифровые права, осуществляет права, удостоверенные ими, и распоряжается ими в соответствии с законодательством.

Важное значение для определения субъектного состава правоотношений и круга потенциальных ответчиков имеет вопрос о правовом статусе указанных участников. Закон о цифровых валютах и цифровых правах устанавливает дифференцированные требования к организационно-правовой форме участников оборота.

Оператором информационной системы и лицами, организующими обращение цифровых валют (к которым относятся брокер, доверительный управляющий, организатор торговли и организация, осуществляющая обмен цифровых валют), могут быть только юридические лица, личным законом которых является российское право.

В отношении оператора информационной системы данное требование прямо закреплено в части 1 статьи 41 Закона о цифровых валютах и цифровых правах¹⁷¹, устанавливающей, что оператором может являться хозяйственное общество, созданное в соответствии с законодательством Российской Федерации. Аналогичное требование установлено в отношении цифрового депозитария (часть 1 статьи 43 Закона) и организации, осуществляющей обмен цифровых валют (часть 1 статьи 44 Закона).

В отношении брокера и доверительного управляющего Закон содержит отсылочные нормы, в соответствии с которыми указанные лица осуществляют свою деятельность в соответствии с Федеральным законом № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»¹⁷². Согласно пункту 18 статьи 1 этого Закона, профессиональные участники рынка ценных бумаг (к которым относятся брокер и доверительный управляющий) являются юридическими лицами, созданными в соответствии с законодательством Российской Федерации.

В отношении организатора торговли статья 14 Закона о цифровых валютах и цифровых правах отсылает к Федеральному закону № 325-ФЗ «Об организованных торгах», пункт 1 статьи 5 которого прямо устанавливает, что

¹⁷¹ О цифровых валютах и цифровых правах: Федеральный закон от 04.08.2026 № 282-ФЗ // Российская газета. 2026. № 178–179.

¹⁷² О рынке ценных бумаг : Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Российская газета. 1996. № 79.

организатором торговли может быть только юридическое лицо, созданное в соответствии с законодательством Российской Федерации¹⁷³.

Вместе с тем остальные участники оборота цифровых прав – инвесторы, эмитенты, обладатели цифровых прав – могут являться как российскими, так и иностранными юридическими и физическими лицами. Закон не предъявляет к ним требований о наличии российского личного закона, что обеспечивает гибкость гражданского оборота и возможность привлечения иностранных инвестиций.

Таким образом, в сделках с цифровыми правами могут участвовать различные субъекты в зависимости от вида сделки и способа организации обращения цифровых прав. Участие нескольких профессиональных участников – оператора информационной системы, цифрового депозитария, брокера, организатора торговли, клиринговой организации – влечет за собой заключение нескольких взаимосвязанных гражданско-правовых договоров, что создает сложную систему правоотношений. При этом каждый из указанных участников может стать ответчиком по иску о защите цифровых прав при нарушении законодательства или условий договора.

До вступления в силу Закона о цифровых валютах и цифровых правах правовое регулирование оборота цифровых прав осуществлялось на основе двух федеральных законов. Так, Закон о ЦФА регулировал отношения, возникающие при выпуске, учете и обращении ЦФА, определяя в качестве основных участников оборота оператора информационной системы, оператора обмена цифровых финансовых активов и эмитента¹⁷⁴. Данный закон в соответствии с Законом о цифровых валютах и цифровых правах утратит силу с 1 сентября 2028 года. Закон об инвестиционных платформах закрепляет участие оператора инвестиционной платформы, инвесторов и лиц, привлекающих инвестиции, в обороте УЦП¹⁷⁵. В

¹⁷³ Об организованных торгах : Федеральный закон от 21.11.2011 № 325-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Российская газета. 2011. № 266с.

¹⁷⁴ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Российская газета. 2020. № 173.

¹⁷⁵ О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Российская газета. 2019. № 172.

отличие от Закона о ЦФА, данный закон продолжает применяться и регулировать инвестиционный процесс.

Таким образом, если ранее законодательство о цифровых правах ограничивалось регулированием деятельности оператора информационной системы, оператора обмена и эмитента (в сфере ЦФА), а также оператора инвестиционной платформы, инвесторов и лиц, привлекающих инвестиции (в сфере УЦП), то Закон о цифровых валютах и цифровых правах ввел полноценную систему профессиональных участников, аналогичную традиционному рынку ценных бумаг, что существенно расширяет круг потенциальных ответчиков по искам о защите цифровых прав.

Вопросы применимого права и подсудности в настоящее время регулируются следующим образом. Ранее, в соответствии с частью 5 статьи 1 Закона о ЦФА (утратила силу с 1 сентября 2026 года в связи с вступлением в силу Закона о цифровых валютах и цифровых правах), к отношениям, возникающим при выпуске, учете и обращении цифровых финансовых активов, подлежало применению российское право¹⁷⁶. Указанная законодательная конструкция представляла собой классический пример односторонней коллизионной нормы императивного характера, которая исключает возможность выбора применимого права сторонами соглашения. Согласно положениям Закона об инвестиционных платформах, для УЦП отсутствует прямое указание на применимое право¹⁷⁷. Однако, учитывая, что оператор инвестиционной платформы и лицо, привлекающее инвестиции, являются российскими лицами, а выпуск и оборот УЦП осуществляются в рамках инвестиционной платформы, регулируемой российским правом, к правоотношениям участников оборота УЦП подлежит применению российское право.

¹⁷⁶ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Российская газета. 2020. № 173.

¹⁷⁷ О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Российская газета. 2019. № 172.

Закон о цифровых валютах и цифровых правах также не содержит коллизионных норм о применимом праве или правил подсудности. Вопросы применимого права и подсудности в отношении цифровых прав, выпущенных после 1 сентября 2026 года, разрешаются на основании норм ГК РФ и процессуального законодательства.

Ключевым критерием для определения подсудности споров, связанных с оборотом цифровых прав, является характер спорных правоотношений и субъектный состав их участников. Экономический характер спора (осуществление предпринимательской или иной экономической деятельности) и субъектный состав участников спора (субъекты предпринимательской деятельности) являются основанием для отнесения дела по данному спору к подсудности арбитражных судов Российской Федерации, за исключением участия в данных отношениях физических лиц¹⁷⁸. Споры с участием физических лиц подсудны судам общей юрисдикции (статья 22 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации)¹⁷⁹.

Говоря о возможности защиты прав при обращении к третейскому разбирательству, стоит отметить, что подсудность споров может быть выбрана участниками гражданско-правового договора на основании соглашения (договорная подсудность). Создание специализированных третейских судов или коллегий в существующих арбитражных институтах направлено на повышение эффективности рассмотрения споров и учет специфики рассматриваемых дел. В 2018 году создана коллегия по спорам в сфере цифровой экономики Арбитражного центра при Российском союзе промышленников и предпринимателей, к компетенции которой отнесены, в том числе, споры, возникающие при обращении цифровых прав¹⁸⁰.

¹⁷⁸ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Российская газета. 2002. № 137.

¹⁷⁹ 4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Российская газета. 2002. № 220.

¹⁸⁰ Коллегия по спорам в сфере цифровой экономики. Арбитражный центр при РСПП. URL: <https://arbitration-rspp.ru/about/boards/digital-disputes/> (дата обращения: 05.07.2024).

Однако автономия воли сторон может иметь определенные законодательные ограничения, в частности, для обеспечения прав и охраняемых законом интересов участников гражданского оборота. Так, М. И. Брагинский и В. В. Витрянский отмечают, что императивные нормы, которые свидетельствуют о публичном начале в гражданском праве, призваны защищать публичные интересы и существо законодательного регулирования¹⁸¹. Разделяя позицию ученых о публично-правовой природе императивных норм, полагаем, что применительно к цифровым правам наличие императивных норм не исключает возможность третейского разбирательства по гражданским спорам, возникающим из оборота цифровых прав. С этим не согласен В. Д. Туктамышев, который пишет о том, что наличие императивных норм в законодательстве, регулирующем оборот цифровых прав, говорит о преобладании публичных начал в правоотношениях, в связи с чем споры по поводу цифровых прав не подлежат передаче на рассмотрение третейского суда¹⁸². В противовес представленной точке зрения следует сказать о том, что ранее действующее указание на применимое право свидетельствует исключительно об императивности применения материального права, на основании которого подлежит разрешению спор, а не о запрете заключения сторонами соглашения о договорной подсудности. Споры, имеющие гражданско-правовой характер, подлежат разрешению посредством третейского разбирательства, что соответствует природе гражданских правоотношений и основано, в том числе, на принципе свободы договора.

Однако нельзя не согласиться с тем, что в регулировании цифровых прав имеется публичный интерес в контроле отношений, складывающихся по поводу цифровых прав, что обусловлено их взаимосвязью с финансовой деятельностью государства¹⁸³. Под контролем государства находятся оборот цифровых прав, общественные отношения, возникающие в сфере создания и функционирования

¹⁸¹ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. 3-е изд., стер. М., 2011. С. 105.

¹⁸² Туктамышев В. Д. Арбитрабельность споров с цифровой валютой // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 5. С. 5.

¹⁸³ Financial Law As A Public Law Branch: A Fresh Look At The Signs of Publicity / Tsindelian I.A., Bit-Shabo I. V., Selyukov A. D. [et al.] // Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues. 2019. T. 22. № 55. P. 12.

информационных систем (в частности, деятельность операторов таких систем), общественные отношения в рамках осуществления Банком России контрольно-надзорной деятельности в данной сфере и др. В связи с публично-правовым характером перечисленных отношений можно сделать вывод о том, что споры из вышеуказанных отношений подлежат рассмотрению в государственных судах.

В связи с наличием публичного интереса в регулировании цифровых прав в цивилистической науке встречаются предложения о формировании нового института – публичного цифрового финансового права¹⁸⁴. Вместе с тем, следует отметить, что рассмотрение споров, возникающих из публичных правоотношений, связанных с цифровыми правами, относится к компетенции государственных судов, что не исключает третейское разбирательство в отношении гражданско-правовых споров, вытекающих из правоотношений по поводу цифровых прав.

Необходимо отдельно отметить, что заключение сделок на иных площадках, операторы которых не включены в реестр операторов информационных систем, не подпадает под действие российского правового регулирования и лишает участников сделки права на обращение за защитой в суды Российской Федерации.

Так, например, Санкт-Петербургский городской суд в определении от 23 марта 2023 года, оставляя без изменения решение суда первой инстанции об отказе в удовлетворении требований истца о взыскании неосновательного обогащения, отметил, что: «... данная компания обладает статусом иностранной платформы, владельцем которой является лицо, личным правом которого не является право РФ. Поскольку продажа криптовалюты ответчиком осуществлялась посредством электронной платформы LocalBitcoins, которая зарегистрирована в Финляндии, личным законом организации является право Финляндии, а потому использование такой площадки для цели оборота цифровой валюты между гражданами РФ, для которых личным законом является право РФ, не позволяет прийти к выводу о том, что порядок приобретения и отчуждения цифровой валюты отвечает законодательству России, а потому сделка, которая

¹⁸⁴ Прошунин М. М. Публичное фондовое и деривативное право как институт финансового права // Вестник Российского университета дружбы народов. 2019. Т. 23, № 4. С. 540.

подтверждена данными такой платформы, не может считаться заключенной в отношении цифровой валюты по тому смыслу, который в него вкладывается ст.ст. 128, 141.1 ГК РФ, Федеральным законом от 31 июля 2020 года N 259-ФЗ. Кроме того, ответчиком не представлено доказательств, что указанная организация включена в реестр операторов обмена цифровых финансовых активов в РФ»¹⁸⁵.

В другом гражданском споре прокурор, действуя в интересах ФИО, обратился в суд с иском о взыскании неосновательного обогащения, в обоснование которого указал, что Отделом по расследованию преступлений на территории Следственного управления МВД России возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного частью 4 статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации, по факту хищения путем обмана принадлежащих ФИО денежных средств на сумму 1 130 000 рублей. В рамках расследования данного уголовного дела было установлено, что потерпевшая ФИО под действием обмана и злоупотребления доверия, перевела на расчетный счет ответчика 1 130 000 рублей. Вместе с тем, оснований для получения указанных денежных средств ответчик не имел, что указывает на наличие его неосновательного обогащения за счет ФИО.

Оренбургский областной суд поддержал суд первой инстанции, решением которого в удовлетворении исковых требований прокурора было отказано, мотивируя это следующим: *«ФИО, заключая сделку на бирже Бинанс, которая не использует объекты российской информационной инфраструктуры и не включена в реестр операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, то есть совершая сделку, которая носит спекулятивный и повышенный характер риска, должен был предполагать как риски не получения оплаты от покупателя цифровой валюты, так и риск ее продажи лицу, которое не производило оплату за цифровую валюту»¹⁸⁶.*

¹⁸⁵ По делу № 33-6505/2023: определение Санкт-Петербургского городского суда от 23.03.2023 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.06.2025).

¹⁸⁶ По делу № 33–3520/2025: определение Оренбургского областного суда от 17.06.2025 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.06.2025).

Суды последовательно отказывают в защите прав участников сделок, совершенных через незарегистрированные платформы, квалифицируя такие операции как «заведомо рискованные». Совершение сделок через такие платформы влечет за собой ряд рисков, в частности, отказ в удовлетворении требований, направленных на защиту нарушенных прав. В Российской Федерации защите подлежат только сделки, совершенные на централизованных платформах, предметом которых являются цифровые права.

Возможность обращения за защитой нарушенных цифровых прав – УЦП – к судебной форме защиты подтверждается судебной практикой¹⁸⁷. Судом по делу № А40-182321/2024 было установлено, что между индивидуальным предпринимателем Поповым М. А. и инвесторами был заключен договор инвестирования (займа) от 15 февраля 2024 года № 2311. Заключение Договора осуществлялось посредством функционала инвестиционной платформы ФИНИН, размещенной в сети Интернет по адресу: <https://инвестиции-в-госзакупки.рф>, осуществляющей деятельность согласно положениям Федерального закона об инвестиционных платформах. ООО «ФИНИН-К» является оператором инвестиционной платформы ФИНИН (внесено в реестр операторов инвестиционных платформ Банком России). В свою очередь заемщик свои обязательства по возврату суммы займа и процентов не исполнил надлежащим образом, что привело к образованию задолженности. В соответствии с разделом 8 Общих условий предоставления займов через систему ФИНИН-К, в случае, если просрочка обязательств Заемщика по возврату суммы займа, определенного в Оферте, достигнет 14 (четырнадцати) календарных дней, то права требования Займодавца о возврате суммы займа, процентов, повышенных процентов, штрафов, как начисленных по состоянию на момент уступки, так и все, которые будут начислены в будущем, на 15 (пятнадцатый) календарный день автоматически

¹⁸⁷ По делу № А40-182321/2024: решение Арбитражного суда города Москвы от 23.12.2024 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.06.2025); по делу № А40-11979/2024: решение Арбитражного суда города Москвы от 24.07.2024 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.06.2025); по делу № А56-113644/2023: решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 21.03.2024 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.06.2025).

переходят к Компании (ООО «ФИНИН-К»), без подписания отдельного соглашения об уступке прав, в связи с чем на момент рассмотрения дела единственным кредитором ответчика являлось ООО «ФИНИН-К». Арбитражным судом г. Москвы исковые требования ООО «ФИНИН-К» к ИП Попову М.А. о взыскании суммы основного долга по договору инвестирования (займа), процентов, неустойки были удовлетворены.

Необходимо отметить, что в отношении УЦП судебные дела преимущественно связаны с неисполнением обязательств одной из сторон сделки (например, невозврат займа). По таким делам суды признают действительность таких прав и обеспечивают их защиту.

Также необходимо указать, что Закон о цифровых валютах и цифровых правах ввел детализированную процедуру досудебного урегулирования споров с операторами, цифровыми депозитариями и организациями, осуществляющими обмен цифровых валют¹⁸⁸. Статья 51 Закона устанавливает обязательный порядок рассмотрения обращений физических и юридических лиц, связанных с осуществлением деятельности указанных организаций.

Так, организации обязаны принимать обращения, направленные почтовой связью или нарочным на бумажном носителе, а также на адреса электронной почты. Информация об адресах приема размещается на официальных сайтах (ч. 2, 3 ст. 51 Закона). Обращение регистрируется не позднее одного рабочего дня, следующего за днем его поступления. При поступлении в электронной форме организация обязана уведомить заявителя о регистрации не позднее дня регистрации (ч. 5 ст. 51 Закона). Организация обязана рассмотреть обращение и направить ответ в течение 15 рабочих дней со дня регистрации. При необходимости запроса дополнительных документов срок может быть продлен, но не более чем на 10 рабочих дней, с обязательным уведомлением заявителя (ч. 6, 7 ст. 51 Закона). Ответ должен быть обоснованным, содержать информацию о результатах объективного и всестороннего рассмотрения, ссылки на требования

¹⁸⁸ О цифровых валютах и цифровых правах: Федеральный закон от 04.08.2026 № 282-ФЗ // Российская газета. 2026. № 178–179.

законодательства, документы или сведения, а также на фактические обстоятельства (ч. 8 ст. 51 Закона).

Закон также предусматривает основания для отказа в рассмотрении по существу (отсутствие адреса или фамилии заявителя, нецензурные или оскорбительные выражения, неподдающийся прочтению текст, невозможность определить суть обращения). В этих случаях организация направляет уведомление о невозможности рассмотрения с указанием причин (ч. 10, 11 ст. 51 Закона).

Вместе с тем эффективность данного механизма будет зависеть от добросовестности организаций при рассмотрении обращений и от готовности заявителей использовать предоставленные законом возможности.

В литературе существует два подхода к вопросу о необходимости создания иных (помимо традиционных) форм защиты цифровых прав, учитывая особую природу прав, обращение которых происходит на блокчейн-платформе.

Сторонники первого подхода настаивают на достаточности традиционных институтов для разрешения споров, возникающих по поводу цифровых прав¹⁸⁹, сторонники же второго подхода предлагают для разрешения споров применять особый механизм решения споров, основанный на технологии блокчейн, – блокчейн-арбитраж¹⁹⁰. Блокчейн-арбитраж может быть достаточно эффективной формой защиты прав участников гражданских правоотношений, признаками которых является неперсонифицированность, анонимность, децентрализованность, положение вне контроля государства.

Н. С. Бочарова выделяет on-chain и off-chain арбитраж, первый подразумевает использование технологических решений, при которых решение арбитража исполняется автоматически посредством смарт-контракта; off-chain близок к традиционному арбитражу и не имеет преимуществ автоматического исполнения

¹⁸⁹ De Filippi P., Wright A. Blockchain and the Law: The Rule of Code. Cambridge, 2018; Holden R., Malani A. Can Blockchain Solve the Holdup Problem in Contracts // University of Chicago Coase-Sandor Institute for Law & Economics. Working Paper. 2018. N 846; Allen D., Poblet M. The Governance of Blockchain Dispute Resolution. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3334674 (дата обращения: 04.07.2023).

¹⁹⁰ Qin M. The Arbitrage Strategy for Cryptocurrency: Principle and Feasibility Based on Blockchain Technology. Conference Paper. Jan, 2023. P. 24.

решения¹⁹¹. Предложенное Н. С. Бочаровой разграничение on-chain и off-chain арбитража имеет важное практическое значение. On-chain арбитраж, обеспечивающий автоматическое исполнение решения через смарт-контракт, действительно представляет собой наиболее перспективную форму разрешения споров в децентрализованных системах. Однако полагаем, что в отсутствие правового регулирования такого арбитража в Российской Федерации его использование сопряжено с рисками, связанными с невозможностью принудительного исполнения решений за пределами блокчейн-среды.

При совершении сделок посредством блокчейн-платформы стороны могут использовать частные инструменты рассмотрения возможных споров. Участники вправе обратиться к внешним проектам, реализуемым на основании технологии блокчейн, к примеру, к Kleros, Juris. В данных системах споры разрешаются независимыми участниками платформы, которые голосуют анонимно. При этом решение исполняется автоматически¹⁹².

Их ключевой особенностью является отсутствие централизованного оператора – они функционируют как децентрализованные автономные организации, управляемые сообществом владельцев собственных токенов через консенсусные процедуры. Наиболее известным примером является протокол Kleros, который представляет собой полноценную децентрализованную судебную систему¹⁹³. Его работа основана на случайном выборе арбитров из пула лиц, внесших залог в виде токена. Арбитры анонимно анализируют представленные доказательства и голосуют, а решение исполняется автоматически через смарт-контракт. Экономический механизм стимулирования честности включает

¹⁹¹ Бочарова Н. С. Защита цифровых прав // Учение о гражданском процессе: настоящее и будущее: сборник докладов на I Международной научной конференции памяти М. К. Треушникова (Москва, 9 февраля 2022 г.) / под ред. В. В. Молчанова. М., 2022. С. 63.

¹⁹² Засемкова О. Ф. О способах разрешения споров, возникающих из смарт-контрактов // Lex russica. 2020. № 4. С. 9; Карпова Ю. С. Разрешение споров с использованием технологии блокчейн: опыт Kleros // Евразийский юридический журнал. 2023. № 5. С. 113.

¹⁹³ Kleros: справедливый и быстрый арбитраж для всего [Электронный ресурс]: децентрализованная платформа арбитража на базе блокчейн. URL: <https://kleros.io/> (дата обращения: 07.07.2024).

вознаграждение для арбитров, голосовавших с большинством, и штрафные санкции для тех, чьи решения противоречат итоговому вердикту.

Платформа JUR нацелена на создание комплексной децентрализованной правовой системы, которая включает не только арбитраж (Juris Arbitration), но и инструменты для формирования децентрализованных организаций и цифровых соглашений¹⁹⁴. Проект изначально развивался коммерческой организацией, но постепенно переходит к модели сообщества с использованием токена JUR для управления и арбитражных функций.

Возникновение и развитие децентрализованных систем разрешения споров отражает общую тенденцию формирования транснациональных цифровых правовых режимов, функционирующих поверх традиционных юрисдикций. Их ключевыми преимуществами являются оперативность, снижение транзакционных издержек, автоматизированное исполнение решений и глобальная доступность. Вместе с тем они порождают новые вызовы, связанные с определением их правового статуса, обеспечением гарантий беспристрастности и защиты прав сторон, особенно в контексте принудительного исполнения решений за пределами блокчейн-среды.

Разрешение споров на блокчейн-платформах представляется перспективным только в случае автоматического исполнения решения такого арбитража. При отсутствии автоматического исполнения решения возможность его принудительного исполнения отсутствует ввиду отсутствия соответствующего правового регулирования, в связи с чем обращение к такой форме защиты прав не оправдывает целей защиты прав ввиду недостижимости результата.

Более того, для формирования такой формы защиты прав необходим целый пласт правового регулирования – состав арбитров, возможность заявления отвода арбитрам и так далее. В связи с изложенным полагаем в настоящее время в Российской Федерации блокчейн-арбитраж еще не сформирован для его определения в качестве самостоятельной формы защиты прав.

¹⁹⁴ ArbitrationLaw.com: Online Resource for International Arbitration [Электронный ресурс] // ArbitrationLaw. URL: <https://arbitrationlaw.com/> (дата обращения: 07.07.2024).

Юрисдикционная форма защиты включает в себя, помимо судебной, и внесудебные формы – административную форму и третейское разбирательство.

Некоторые ученые также к одной из юрисдикционных форм защиты прав относят электронное правосудие¹⁹⁵. По мнению А. В. Аносова, под электронным правосудием следует понимать способ и форму осуществления участниками судопроизводства процессуальных действий с использованием информационных технологий¹⁹⁶. Разделяя позицию А. В. Аносова о том, что электронное правосудие является формой осуществления процессуальных действий с использованием информационных технологий, полагаем, что это не порождает новую форму защиты прав.

Так, Л. В. Борисова, в свою очередь, отмечает, что электронное правосудие представляет собой совокупность различных автоматизированных информационных систем, предоставляющих возможность для совершения всех имеющих для этого необходимую правовую основу процессуальных действий в электронной форме¹⁹⁷. Позиция Л. В. Борисовой, акцентирующая внимание на технической составляющей электронного правосудия, позволяет увидеть его практическую реализацию через автоматизированные информационные системы.

В то же время, далеко не все ученые разделяют точку зрения о формировании новой формы защиты прав. Ставя под сомнение возможность существования электронного правосудия, ученые отмечают, что содержание правосудия не меняется – меняется лишь форма¹⁹⁸.

Действительно, применение цифровых технологий не может породить новую форму защиты прав – судебная защита прав относится к традиционным формам защиты прав, и применение цифровых технологий при обращении к ней не делает ее новой формой защиты прав.

¹⁹⁵ Karpova, J. Remote Justice Procedures During the COVID-19 Pandemic in the Russian Federation / J. Karpova, O. Miroshnichenko // *Advances in Science, Technology and Innovation*. 2023. Part F1589. P. 83.

¹⁹⁶ Аносов А. В. Информационно-правовые вопросы формирования электронного правосудия в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 78.

¹⁹⁷ Борисова Л. В. Электронное правосудие как форма судебной защиты в России // *Актуальные проблемы российского права*. 2020. № 6. С. 107.

¹⁹⁸ Сакара Н. Ю. Проблема доступности правосудия по гражданским делам. Харьков, 2010. С. 154.

При этом исторически предпосылки для внедрения цифровых технологий в механизм защиты прав закладывались еще в период становления современной судебной системы. В частности, в рамках научной школы профессора В.Ф. Яковлева расширение свободного доступа к правосудию связывалось с цифровизацией судебной системы, формирующей единое информационное пространство и обеспечивающей внедрение соответствующих технологий непосредственно в процесс судопроизводства¹⁹⁹.

Далее переходим к рассмотрению административной формы защиты прав, суть которой заключается в обращении в компетентный государственный орган, осуществляющий контроль и надзор в определенной сфере общественных отношений, для защиты нарушенных прав.

В соответствии с Законом о ЦФА (который в силу переходных положений, установленных статьей 55 Закона о цифровых валютах и цифровых правах, сохраняет свое действие в соответствующей части до 1 сентября 2028 года), Банк России осуществляет надзор за деятельностью оператора информационной системы и оператора обмена цифровых финансовых активов. Среди контрольных функций следует отметить полномочия Банка России по выявлению нарушений, допущенных указанными лицами, а также по направлению им обязательных для исполнения предписаний и запросов (части 12, 18 статьи 5 и части 9, 17 статьи 10 Закона о ЦФА). В случае неоднократного нарушения операторами требований нормативных правовых актов Банк России вправе исключить такого оператора из соответствующего реестра.

Анализ Закона об инвестиционных платформах позволяет выделить комплекс контрольных и надзорных полномочий Банка России в отношении операторов инвестиционных платформ. В их число входит осуществление контроля за соблюдением операторами инвестиционных платформ законодательства, проведение проверок, а также выдача предписаний и запросов (статья 16). Крайней мерой воздействия является исключение оператора,

¹⁹⁹ Зайцев В. В., Зайцев О. В. Научная школа профессора В. Ф. Яковлева – школа экономического правосудия // Труды Института государства и права РАН. 2026. Т. 21. № 5. С. 13–38.

допустившего неоднократные нарушения или неисполнение предписаний Банка России, из соответствующего реестра (пункт 5 статьи 17).

Закон о цифровых валютах и цифровых правах существенно расширяет как круг поднадзорных лиц, так и объем надзорных полномочий Банка России. В соответствии со статьей 54 указанного Закона, Банк России при реализации полномочий по регулированию деятельности лиц, организующих обращение цифровых валют, клиринговых организаций и операторов, контролю и надзору за осуществлением ими своей деятельности: 1) осуществляет надзор за лицами, организующими обращение цифровых валют, клиринговыми организациями и операторами; 2) ведет в установленном им порядке реестр организаций, осуществляющих обмен цифровых валют, реестр цифровых депозитариев, реестр операторов информационных систем; 3) проводит проверки деятельности указанных лиц в установленном им порядке; 4) запрашивает у них информацию и документы, связанные с осуществлением их деятельности; 5) вправе устанавливать формы, порядок составления, порядок и сроки предоставления отчетности; 6) вправе устанавливать дополнительные обязательные для соблюдения требования к их деятельности.

Кроме того, Закон о цифровых валютах и цифровых правах вводит статью 52, регулиющую получение права на осуществление деятельности организацией, осуществляющей обмен цифровых валют, цифровым депозитарием, оператором информационной системы. Банк России принимает решения о внесении сведений о юридическом лице в соответствующие реестры либо об отказе во внесении. Статья 53 закрепляет основания и порядок прекращения права на осуществление указанной деятельности, включая исключение из реестров.

Закон о цифровых валютах и цифровых правах вводит институт цифрового анализа (гл. 6), в соответствии с которым лица, организующие обращение цифровых прав (операторы, клиринговые организации), обязаны проводить проверку цифровых прав и адресов-идентификаторов на предмет связи с противоправной деятельностью до момента совершения сделки или операции (ч. 3 ст. 35 Закона). При выявлении подозрительной транзакции оператор обязан

отказать в ее проведении или заблокировать активы. Законный обладатель цифровых прав вправе обжаловать такие действия оператора в Банке России либо обратиться в суд с иском о разблокировке. Тем самым законодатель создает дополнительный административный канал защиты, который, однако, носит превентивный характер и не подменяет собой судебный механизм восстановления нарушенного права.»

Обращение лица, чьи права нарушены, в Банк России с заявлением о нарушении оператором требований нормативных правовых актов представляет собой допустимый способ инициирования публично-правового механизма защиты. Однако его эффективность, как и в ранее действовавшем регулировании, носит ограниченный и опосредованный характер в силу следующих факторов.

Во-первых, полномочия Банка России являются дискреционными. Банк России вправе, но не обязан применить те или иные меры воздействия, что ставит реализацию защиты в зависимость от усмотрения органа, а не от безусловного права заявителя.

Во-вторых, данный механизм направлен прежде всего на пресечение будущих нарушений и поддержание правопорядка в целом (публичный интерес), но не на реституцию конкретного потерпевшего (частный интерес). Воздействие на нарушителя осуществляется опосредованно: по итогам проверки выносится предписание об устранении нарушения, которое оператор исполняет под угрозой применения более строгих мер (вплоть до исключения из реестра). В результате прекращается противоправное деяние, однако не происходит восстановления нарушенного права в его материальном выражении (возмещение убытков, компенсация вреда).

Следовательно, публично-правовой механизм, реализуемый Банком России, не подменяет собой и не обеспечивает в полной мере гражданско-правовую защиту интересов прав субъектов гражданского оборота.

Права участников правоотношений, складывающихся по поводу цифровых прав, могут быть нарушены действиями оператора информационной системы, цифрового депозитария, организации, осуществляющей обмен цифровых валют,

либо иных лиц, организующих обращение цифровых валют. Следовательно, обращение в Банк России можно рассматривать как юрисдикционную административную форму защиты цифровых прав, если соответствующие действия указанных лиц являются нарушением действующего законодательства в данной сфере. Вместе с тем, как и в ранее действовавшем регулировании, административная форма защиты не обеспечивает полного восстановления нарушенного права и не подменяет собой судебную защиту.

Также к юрисдикционной форме защиты прав относится обращение в правоохранительные органы. Здесь необходимо отметить, что в Государственную думу Российской Федерации был внесен законопроект об ответственности за нарушение цифровых прав²⁰⁰. Так, предлагалось дополнить Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) новой статьей 14.56.1, в соответствии с которой устанавливается ответственность:

- за неисполнение требований, связанных с обеспечением невозможности внесения информации о цифровых правах – для операторов информационной системы и инвестиционной платформы (части 1, 2 статьи);
- за неисполнение требований соответствующего законодательства – для лиц, совершающих сделки с цифровыми правами (часть 3 статьи);
- за осуществление деятельности в сфере цифровых прав лицами, не включенными в соответствующие реестры (часть 4 статьи).

Полномочия по возбуждению и рассмотрению дел по частям 1 и 2 указанной статьи предлагалось закрепить за Банком России, по частям 3, 4 указанной статьи – за полицией и прокуратурой. Законопроект подлежал доработке в части устранения замечаний ответственных комитетов, однако 19 июня 2023 года законопроект был снят с рассмотрения Государственной Думы в связи с отзывом субъектом права законодательной инициативы²⁰¹.

²⁰⁰ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (об установлении ответственности за нарушения законодательства о цифровых правах): проект федерального закона № 149255-8 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/149255-8> (дата обращения: 22.08.2024).

²⁰¹ Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации

Как прямо следует из действующего законодательства, защита цифровых прав возможна посредством обращения к административной форме защиты, которая осуществляется компетентными государственными органами и их должностными лицами, выражена в целенаправленной реализации их полномочий и направленная на защиту нарушенных прав.

И переходя к рассмотрению неюрисдикционной формы защиты прав – самозащите, следует отметить, что в действующем законодательстве не установлена возможность самозащиты цифровых прав. Вместе с тем запрет также не установлен, в связи с чем в случае возможности применения способов защиты цифровых прав, реализуемых в форме самозащиты, каких-либо препятствий для этого не установлено.

В научной литературе почти отсутствуют упоминания о самозащите цифровых прав. Ж. Ю. Юзефович, подтверждая возможность самозащиты цифровых прав, приводит в качестве примера нотариальное удостоверение скриншота сайта²⁰². С позицией Ж. Ю. Юзефовича о возможности самозащиты цифровых прав следует согласиться в части признания допустимости самозащиты при отсутствии законодательного запрета. Однако полагаем, что приведенный пример (нотариальное удостоверение скриншота) не может быть квалифицирован как самозащита, поскольку нотариальное действие относится к обеспечению доказательств, а не к защите права путем самостоятельных действий управомоченного лица.

А. В. Бегичев также пишет о цифровизации нотариата, что соответствует требованиям национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» и направлено на содействие защите прав и законных интересов участников гражданского оборота в современных условиях развития информационных технологий²⁰³. Вместе с тем, как уже отмечалось, нотариальное

[Электронный ресурс]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/149255-8#bh_histras (дата обращения: 22.08.2024).

²⁰² Юзефович Ж. Ю. Проблема способов защиты гражданских прав в свете развития цифровых правоотношений // Юрист. 2020. № 12. С. 40.

²⁰³ Бегичев А. В. Роль цифровизации во взаимодействии судебных и нотариальных органов в применении примирительных процедур // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2022. №2.

удостоверение доказательств не является самозащитой, а относится к иным правовым механизмам, направленным на обеспечение защиты прав в будущем.

Современная судебная практика относит любые односторонние защитительные действия в рамках договорного правоотношения к самозащите гражданских прав (ст. 14 ГК РФ)²⁰⁴. Так, в приведенном определении Высший арбитражный суд Российской Федерации (далее – ВАС РФ) пришел к выводу о том, что досрочное расторжение договора в одностороннем порядке само по себе не является гражданско-правовым нарушением, а является способом защиты права, допускаемым законом²⁰⁵.

Полагаем, что ГК РФ предусматривает ряд способов защиты гражданских прав, реализуемых в форме самозащиты, в частности, в ст. 782 ГК РФ установлена возможность одностороннего отказа от исполнения обязательства, которое может применяться самостоятельно в рамках неюрисдикционной формы защиты прав (самозащиты) в ответ на противоправные действия другой стороны обязательства. Право на односторонний отказ от договора возникает только в случаях, прямо предусмотренных ГК РФ или другими законами, либо если такое условие включено в сам договор и не противоречит законодательству. Даже если договор не содержит такого условия, отказ возможен, если на это есть законное основание, например, при существенном нарушении договора другой стороной.

Вместе с тем отдельные положения Закона о цифровых валютах и цифровых правах косвенно ограничивают возможность применения самозащиты в отношении цифровых прав. Так, статья 26 Закона устанавливает, что эмитент цифровых прав не вправе отказаться от исполнения обязательств, удостоверенных

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-tsifrovizatsii-vo-vzaimodeystvii-sudebnyh-i-notarialnyh-organov-v-primenenii-primiritelnyh-protsedur> (дата обращения: 22.04.2025).

²⁰⁴ По делу № Ф07-18141/2024: постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15.01.2025 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.04.2025); по делу № А10-111/2024: постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 31.07.2024 № 04АП-2373/2024 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.04.2025); по делу № А13-312/2023: постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 08.02.2024 № 14АП-9864/2023 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.04.2025).

²⁰⁵ По делу № А45-30039/2012: определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25.03.2014 № ВАС-3142/14 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.04.2025).

цифровыми правами. Данная норма исключает односторонний отказ эмитента от исполнения как способ самозащиты в отношениях между эмитентом и обладателем цифровых прав. В то же время обладатель цифровых прав вправе отказаться от договора в одностороннем порядке в случаях, предусмотренных законом или договором, если такой отказ не противоречит законодательству. При этом необходимо отметить, что специфика фиксации цифровых прав в информационной системе в виде записей по цифровым счетам объективно ограничивает возможность управомоченного лица совершать односторонние фактические действия по защите своего права, поскольку любое изменение записи требует участия оператора информационной системы либо цифрового депозитария.

Таким образом, учитывая, что прямой запрет на самозащиту цифровых прав в Законе о цифровых валютах и цифровых правах не установлен, а общие нормы ГК РФ о самозащите распространяются на все объекты гражданских прав, представляется возможной защиту цифровых прав в форме самозащиты при условии соблюдения требований о соразмерности способов самозащиты нарушению и пределах действий, необходимых для его пресечения. Вместе с тем специфика цифровых прав объективно ограничивает круг способов самозащиты, которые могут быть применены обладателем цифрового права самостоятельно, без обращения к юрисдикционным органам или к иным участникам оборота.

Закон о цифровых валютах и цифровых правах вводит принципиально новые институты – общее собрание обладателей цифровых прав и представителя обладателей цифровых прав (ст. 28 Закона). Обладатели цифровых прав одного выпуска вправе принимать решения по вопросам, связанным с осуществлением и защитой их прав и законных интересов, на общем собрании обладателей цифровых прав (ч. 4 ст. 28 Закона). Компетенция собрания, порядок его созыва, подготовки и проведения, а также порядок принятия решений устанавливаются Банком России (ч. 5 ст. 28 Закона). Решения, принятые собранием, являются обязательными для всех обладателей цифровых прав соответствующего выпуска, что обеспечивает консолидированное выражение воли инвесторов. Данный институт, заимствованный из практики рынка ценных бумаг (общее собрание владельцев

облигаций), позволяет инвесторам согласованно реагировать на нарушения эмитента, принимать решения о реструктуризации обязательств, предоставлении отсрочек или изменении условий выпуска, что особенно актуально в условиях формирующегося рынка цифровых прав.

Решение о выпуске цифровых прав может содержать указание на юридическое лицо, осуществляющее представление интересов обладателей цифровых прав (ч. 1 ст. 28 Закона). Представитель вправе на основании решения о выпуске без доверенности представлять интересы обладателей перед эмитентом, лицом, предоставившим обеспечение, иными лицами, а также в органах государственной власти и в судах; подписывать иски, отказываться от исков, признавать иски, изменять основание или предмет иска, заключать мировые соглашения, обжаловать судебные акты и получать присужденные денежные средства (ч. 9 ст. 28 Закона). Среди обязанностей представителя (ч. 10 ст. 28 Закона) следует выделить: выявление обстоятельств, могущих повлечь нарушение прав; контроль за исполнением эмитентом обязательств; принятие мер по защите прав, включая обращение в суд; информирование обладателей о нарушениях и принятых мерах; заявление требований в деле о банкротстве эмитента.

При этом обладатели цифровых прав не вправе самостоятельно в индивидуальном порядке осуществлять права, отнесенные к полномочиям представителя, за исключением случая нарушения представителем своих обязанностей (ч. 6 ст. 28 Закона). Если представитель в течение одного месяца с момента возникновения оснований не обратился в суд, обладатели вправе сделать это самостоятельно (ч. 7 ст. 28 Закона). Банк России также вправе обязать эмитента определить представителя (ч. 2 ст. 28 Закона).

Несмотря на то, что общее собрание и представитель могут использоваться для внесудебного урегулирования конфликтов, они не могут быть отнесены к самозащите (ст. 14 ГК РФ) по следующим основаниям. Во-первых, самозащита предполагает самостоятельные действия самого управомоченного лица, тогда как общее собрание является коллегиальным органом, а представитель действует от

имени группы. Во-вторых, самозащита не требует специальной процессуальной регламентации, тогда как деятельность собрания и представителя детально урегулирована законом и поднадзорна Банку России. Таким образом, данные институты не относятся к форме защиты прав, а являются элементами корпоративного управления, досудебного урегулирования и судебного представительства. Их появление свидетельствует о расширении арсенала правовых средств защиты участников цифрового оборота и требует дальнейшего теоретического осмысления.

Проведенное в настоящей главе исследование позволило сформулировать комплекс выводов, раскрывающих сущностные характеристики и особенности защиты цифровых прав субъектов гражданского оборота. В результате анализа теоретических положений и нормативного правового регулирования установлено, что защита цифровых прав представляет собой сложный правовой институт, требующий системного осмысления с учетом специфики цифровой экономики.

В цивилистической науке отсутствует единое понимание категории «защита прав». Анализ существующих подходов (теории деятельности, теории функции и теории мер) показал, что каждый из них раскрывает лишь отдельные аспекты этого многогранного явления. Наиболее обоснованным представляется синтез указанных подходов применительно к цифровым правам: защита невозможна без активных действий управомоченных субъектов (деятельностный аспект), требует конкретных юридических инструментов (материально-правовой аспект) и должна обеспечивать баланс между автономией воли сторон и государственным контролем (функциональный аспект).

Специфика цифровых прав как объекта защиты предопределяет особенности их защиты. Цифровые права существуют исключительно в информационной системе в форме записи, имеющей легитимационное значение; их осуществление и распоряжение возможны только по правилам этой системы; порядок осуществления цифровых прав является алгоритмическим (определяемым правилами информационной системы); легитимация управомоченного лица опосредована аутентификацией посредством ключа доступа к адресу-

идентификатору, обеспечивающей возможность распоряжения цифровым правом. Указанные особенности обуславливают необходимость учета при определении защиты цифровых прав как юридических, так и технических аспектов функционирования цифровой среды. При этом защита самих цифровых прав предполагает обязательное участие профессиональных участников оборота (оператора информационной системы или цифрового депозитария), обладающих исключительной технической возможностью внесения (изменения) записи в информационную систему: без их участия восстановление легитимационной записи, соответствующей действительному правовому состоянию цифрового права, технически невозможно. Вместе с тем защита цифровых прав не может быть сведена исключительно к техническим действиям в информационной системе; она представляет собой юридическую деятельность, осуществляемую в установленной законом форме с применением предусмотренных законом способов.

Содержание понятия защиты цифровых прав субъектов гражданского оборота раскрывается через совокупность взаимосвязанных признаков. Во-первых, субъектный состав защиты включает как самих управомоченных субъектов гражданского оборота, так и уполномоченные государственные органы, а также профессиональных участников оборота (оператора информационной системы или цифрового депозитария). Во-вторых, защита носит деятельностный характер, проявляющийся в совершении активных действий или правомерном бездействии в рамках установленных правовых предписаний. В-третьих, обязательным признаком является осуществление защиты в строго определенных законом формах с применением предусмотренных законом способов. В-четвертых, защита направлена на преодоление негативного воздействия, выражающегося либо в непосредственном нарушении прав, либо в возникновении правовой неопределенности. В-пятых, защита носит целенаправленный характер и ориентирована на достижение конкретного правового результата.

Таким образом, под защитой цифровых прав субъектов гражданского оборота следует понимать деятельность управомоченного субъекта либо уполномоченных органов, осуществляемую в установленной законом форме с

применением предусмотренных законом способов, с обязательным участием профессиональных участников оборота (оператора информационной системы или цифрового депозитария), обладающих технической возможностью внесения (изменения) записи в информационную систему, направленную на устранение несоответствия между формальной легитимацией и действительным правовым состоянием цифрового права.

Формы защиты цифровых прав в соответствии с общепринятой в цивилистике классификацией подразделяются на юрисдикционные (судебная, административная, третейское разбирательство) и неюрисдикционные (самозащита). Выбор конкретной формы защиты цифровых прав зависит от характера нарушения, субъектного состава спорных правоотношений и цели, которую преследует управомоченное лицо. Применение самозащиты ограничено технической невозможностью самостоятельного внесения лицом, чьи права нарушены, записи (изменения) в информационную систему, в связи с чем в действующем правовом порядке самозащита в отношении самого цифрового права сводится к одностороннему отказу от договора.

Перспективными направлениями развития форм защиты цифровых прав выступают цифровой арбитраж, блокчейн-арбитраж и третейское разбирательство с использованием технологий искусственного интеллекта. Указанные формы, несмотря на их органичную адаптированность к особенностям цифровых прав (цифровая среда существования, алгоритмический порядок осуществления, аутентификация через ключ доступа), не получили нормативного закрепления в российском правовом порядке, однако обладают потенциалом для интеграции в систему форм защиты цифровых прав. В отсутствие законодательного закрепления они в настоящее время не могут рассматриваться в качестве самостоятельных форм защиты, оставаясь альтернативными инструментами урегулирования конфликтов в децентрализованных системах.

Таким образом, защита цифровых прав субъектов гражданского оборота представляет собой динамично развивающийся правовой институт, требующий дальнейшего научного осмысления и совершенствования законодательного

регулирования с учетом особенностей цифровой среды и потребностей формирующейся цифровой экономики. Комплексный характер исследуемой проблемы обуславливает необходимость разработки системных решений, обеспечивающих баланс между традиционными правовыми категориями и инновационными подходами к защите цифровых прав.

ГЛАВА 3. СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ЦИФРОВЫХ ПРАВ

3.1. Содержание способа защиты цифровых прав

Институт гражданско-правовой защиты в юридической науке занимает особое место, ведь защита гражданских прав составляет важнейший приоритет любого правопорядка. Функционирование государства обеспечивается не только признанием за субъектами права гражданских прав, но и обеспечением их действенной правовой защиты.

Обращаясь к теоретико-правовой характеристике способов защиты цифровых прав, необходимо прежде всего определить их понятие, выявить сущностные признаки и содержание, поскольку именно эти категории позволяют раскрыть природу исследуемого явления.

Для понимания современного состояния данного института необходимо обратиться к его историческим корням, которые в отечественной правовой традиции уходят в дореволюционный период. В юридической науке дореволюционного времени отсутствует четкое деление системы права на материальное право и процессуальное право, а способы защиты гражданских прав сводятся к различным видам исков²⁰⁶.

Уровень развития дореволюционной цивилистической мысли в области защиты гражданских прав коррелировал с уровнем развития самого законодательства. Поскольку законодатель еще не сформировал целостную систему способов защиты, постольку и доктрина не могла предложить их завершенной классификации и всестороннего анализа.

²⁰⁶ Анненков К. Н. Начала русского гражданского права. Вып. 1. СПб., 1900. С. 615; Васьковский Е. В. Учебник гражданского права: выпуск 1. Введение и общая часть. Санкт-Петербург, 1894. С. 156; Гордон В. М. Иски о признании. Ярославль, 1906; Адамович В. И. Пособие к лекциям русского гражданского судопроизводства. СПб.: Книжный магазин А.Ф. Цинзерлинга, 1891. С. 54.

Так, в соответствии со статьей 691 десятого тома Свода законов Российской Империи, каждый имеет право отыскивать свое имущество из чужого неправильного владения судом²⁰⁷. Указанная статья является классическим примером виндикационного иска, известного еще римскому праву.

Также следует отметить, что статья 574 десятого тома Свода законов Российской Империи содержала в себе следующее: «Как по общему закону никто не может быть без суда лишен прав, ему принадлежащих, то всякий ущерб в имуществе и причиненные кому-либо вред или убытки с одной стороны налагают обязанность доставлять, а с другой производят право требовать вознаграждения». Изложенная конструкция обеспечивает возможность защиты прав собственника посредством предъявления негаторного иска.

Согласно статье 693 десятого тома Свода законов Российской Империи, каждый имеет право в случае неисполнения по договорам и обязательствам, а также в случае обид, ущербов и убытков, искать удовлетворения и вознаграждения посредством суда.

Таким образом, анализ дореволюционного законодательства позволяет констатировать, что в нем отсутствовала какая-либо система способов защиты гражданских прав, что также находило свое отражение и в научных работах ученых того времени. Ситуация кардинальным образом изменилась в советский период развития отечественного гражданского права.

Статья 6 Основ гражданского законодательства впервые установила перечень способов защиты. В качестве таковых были поименованы: признание права, восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечение действий, нарушающих право, присуждение к исполнению обязанности в натуре, прекращение или изменение правоотношения, а также возмещение убытков и (в предусмотренных законом или соглашением сторон

²⁰⁷ Свод Законов Российской Империи. Т. X, ч. 1. Официальное издание 1900 г. СПб.: издание Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1900. С. 75. Документ утратил силу.

случаях) уплата неустойки (штрафа, пени)²⁰⁸. Аналогичные положения легли в основу Гражданского кодекса РСФСР, принятого 11 июня 1964 года.

В доктрине гражданского права советской эпохи сложилось устоявшееся представление о способах защиты субъективных прав. При всем многообразии подходов авторы были едины во мнении, что защита гражданских прав осуществляется посредством применения надлежащих способов защиты, направленных на восстановление нарушенного или подтверждение оспариваемого права, либо реализацию охраняемого законом интереса²⁰⁹.

Несмотря на то, что понятие «способ защиты гражданских прав» появилось еще в трудах дореволюционных ученых-цивилистов, в научной литературе до сих пор отсутствует теоретическое единообразие по вопросу содержания данного термина.

В настоящее время гражданское законодательство также не содержит легальной дефиниции способа защиты гражданских прав. Так, для определения содержания категории «способ» следует обратиться к лексическому значению понятия.

В словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой под способом понимается: 1) образ действий, прием, метод для осуществления, достижения чего-либо; 2) возможность, средство, реальные условия для осуществления чего-либо²¹⁰. Из вышеприведенных дефиниций следует, что применение способа всегда направлено на достижение чего-либо либо осуществление чего-либо.

Так, М. А. Рожкова, предлагая авторское определение способа защиты прав, акцентирует внимание на цели применения способов защиты. Так, ученый определяет способ защиты как меры, прямо предусмотренные законом в целях пресечения оспаривания либо нарушения субъективных гражданских прав и (или)

²⁰⁸ Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик : Закон СССР от 08.12.1961 // Ведомости ВС СССР. 1961. № 50, ст. 525. Документ утратил силу.

²⁰⁹ Чечот Д. М. Субъективное право и формы его защиты. Л., 1968. С. 73; Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории). М.: Городец-издат, 2001. С. 66; Пугинский Б. И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М.: Юридическая литература, 1984. С. 144; Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. С. 305–308.

²¹⁰ Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. С. 834.

устранения последствий такого нарушения²¹¹. При этом, ранее по тексту настоящего исследования отмечалось, что при защите гражданских прав первостепенной является цель защиты и ее достижение в результате применения способа защиты прав. Защита гражданских прав только в том случае является эффективной, если позволяет достичь цели такой защиты.

Надлежащим способом защиты гражданских прав будет тот способ, который приведет к защите нарушенного или оспариваемого права, что неоднократно подчеркивалось в позициях высших судов, в частности, в Определении Конституционного суда Российской Федерации № 80-О²¹²; Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации № 308-КГ15-13732²¹³ и других актах.

Выбор лицом, чьи права подлежат защите, ненадлежащего способа защиты влечет за собой существенные правовые риски, которые могут привести к не менее существенным материальным и организационным потерям, в том числе лишению лица возможности защитить свои права.

В каждой конкретной ситуации, при каждом конкретном нарушении субъективного права подлежит применению определенный способ защиты права. Так, невозможно путем такого способа, как взыскание неустойки, добиться возврата утраченной вещи ее действительному владельцу. При этом в некоторых случаях имеется несколько альтернативных способов защиты права, все из которых являются надлежащими, а в некоторых случаях нет в силу взаимоисключающего характера некоторых способов защиты прав.

²¹¹ Рожкова М. А. Средства и способы правовой защиты сторон коммерческого спора. М.: Волтерс Клувер, 2006. 416 с.

²¹² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Вютриха Василия Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 250 ГК РФ: Определение Конституционного Суда РФ от 16.03.2006 № 80-О. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 12.03.2024).

²¹³ По делу № А32-45693/2014: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 04.02.2016 № 308-КГ15-13732. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 12.03.2024).

П. П. Згонников полагал, что выбор способов зависит от ряда условий, в частности, от формы, субъекта, цели защиты, от самого нарушенного права²¹⁴. Вышеизложенное подчеркивает актуальность вопроса о выборе надлежащего способа защиты прав, в том числе и касательно цифровых прав. Защита нарушенных цифровых прав должна приводить к достижению цели защиты прав.

В связи с изложенным одним из ключевых признаков способа защиты прав является *целевая направленность* применения способа защиты гражданских прав.

Переходя к более детальному анализу дефиниции «способ защиты», следует начать с мнений ученых, которые определяют способ защиты через понятие «мера принудительного характера»²¹⁵.

В толковом словаре «*мера*» определяется как средство для осуществления чего-нибудь, в качестве примера употребления приведено словосочетание «принять нужные меры»²¹⁶. Полагаем, что для достижения целей защиты прав лицо, чьи права нарушены, принимает определенные меры – применяет соответствующий способ защиты нарушенных прав.

Вторая группа исследователей полагает, что способы защиты гражданских прав подлежат определению через понятие «*действие*». Д. А. Муратова полагает, что способы защиты гражданских прав представляют собой исчерпывающе предусмотренные ГК РФ или иными федеральными законами действия, последовательно осуществляемые управомоченными лицами или органами государственной власти, направленные на пресечение правонарушения и (или) восстановление нарушенного гражданского права²¹⁷. Схожей позиции придерживается Л. В. Белова, которая способ защиты определяет как закрепленные охранительной нормой закона или договора допустимые действия или бездействие

²¹⁴ Згонников П. П. О совершенствовании законодательства о способах защиты гражданских прав // Российская юстиция. 2019. № 11. С. 11.

²¹⁵ Гражданское право: учебник: в 3 т. / под ред. А.П. Сергеева. М., 2008. Т. 1. С. 545; Гражданское право: учебник: в 3 т. / под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. СПб., 1996. Т. 1. С. 244; Вавилин Е. В. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2016. С. 58; Хабилов А. И. Средства, способы и формы гражданско-правовой защиты прав сторон по договору займа: теоретический аспект // Вестник гражданского процесса. 2018. № 6. С. 226–259.

²¹⁶ Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М., 1997. С. 621.

²¹⁷ Муратова Д. А. Правовая природа способа защиты гражданских прав // Российская юстиция. 2009. № 4 // СПС «Гарант». 2013.

(или их совокупность), направленные на предупреждение, пресечение нарушения прав, а также на их восстановление²¹⁸.

Представляется, что отождествление способа защиты с действием является не вполне корректным, поскольку способ представляет собой статичную модель поведения, закрепленную в законе, в то время как действие – это динамический процесс его применения. Применение способа защиты прав (активные действия лица, чьи права нарушены) приводит в действие механизм защиты прав.

Действия (бездействие) же охватываются категорией «средства защиты прав», которые являются одним из элементов механизма защиты прав, и которые следует рассмотреть детальнее²¹⁹.

Так, Б. И. Пугинский определял средства через комбинацию или совокупность юридически значимых действий, совершение которых направлено по большей части на достижение основной правовой цели – достижение или защита своих интересов, с учетом известной меры дозволенности усмотрения, существующего в пределах действующего законодательства РФ²²⁰. Аналогичная позиция отражена, в частности, в работах Д. М. Чечота²²¹.

Так, разграничивая категории «способ защиты прав» и «средство защиты прав», некоторые ученые отмечают, что если способ защиты гражданских прав указывает на то, что именно лицо осуществляет для защиты и (или) восстановления своих нарушенных прав, то средство правовой защиты – это то, посредством чего реализуется способ защиты²²². Иными словами, содержание средства правовой защиты составляет действие частного лица.

В научной литературе также встречается точка зрения, что под средствами защиты понимается целый комплекс мер, включающий в себя способы и формы

²¹⁸ Белова Л. В. Правовые средства и формы защиты экономических интересов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Самара, 2006. С. 97.

²¹⁹ Карпова Ю. С. Содержание категории «средство защиты гражданских прав» и ее соотношение с категорией «способ защиты гражданских прав» // Евразийский юридический журнал. 2023. № 10 (185). С. 163.

²²⁰ Пугинский Б. И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М., 1984. С. 86–87.

²²¹ Чечот Д. М. Субъективное право и формы его защиты. Ленинград, 1968. С. 72.

²²² Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1–5 / А. В. Барков, А. В. Габов, В. Г. Голубцов [и др.]; под ред. Л. В. Санниковой. М.: Статут, 2015. 662 с.

защиты прав²²³, а также формы ответственности, способы самозащиты, способы обеспечения исполнения обязательств²²⁴. Полагаем, что изложенная позиция убедительными аргументами не подкреплена, представляет собой собирательное понятие различных категорий института защиты прав.

В современной юридической науке под средствами защиты понимается первоначальное действие, направленное на непосредственную защиту нарушенного права. Так, к средствам защиты относятся подача жалобы уполномоченному органу на действия нарушителя права, предъявление искового заявления к нарушителю права, и т. д. Таким образом, определение способа защиты прав не может быть дано через понятие действия (бездействия) субъектов, поскольку является статичным, в то время как действием является применение того или иного способа защиты прав, или, иначе говоря, средство защиты.

В. В. Витрянский под способами защиты понимает средства, с помощью которых может быть достигнуто пресечение, предотвращение, устранение нарушений права, его восстановление или компенсация потерь, вызванных нарушением права²²⁵. В связи с тем, что формы, способы и средства защиты входят в единый механизм защиты права, полагаем, что определение способа защиты через категорию средств защиты может привести к терминологической неопределенности²²⁶.

Наконец, можно отметить третью группу ученых, которые определяют способ защиты прав как нечто комплексное, рассматривая его через призму приемов, подходов, технологий, мер, средств и др.

Согласно позиции, изложенной Ю. Н. Андреевым, совокупность приемов, а равно подходов и технологий, которая направлена на то, чтобы достигнуть цели защиты нарушенного права либо устранения препятствий и негативных

²²³ Монгуш Б. С. Категория «правовые средства» применительно к защите субъективного гражданского права // Семейное и жилищное право. 2012. № 2. С. 43–44.

²²⁴ Стоякин Г. Я. Меры защиты в советском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1973. С. 36–37.

²²⁵ Витрянский В. В. Проблемы арбитражно-судебной защиты гражданских прав участником имущественного оборота: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1996. С. 12.

²²⁶ Карпова Ю. С. Соотношение категорий института защиты гражданских прав – формы и средства защиты гражданских прав // Евразийский юридический журнал. 2023. № 8 (183). С. 210.

последствий его нарушения, и будет являться способом защиты. При этом такая защита может включать в себя как правопризнание, так и любое устранение препятствий в реализации права, в общем все те действия, которые субъект может осуществить для защиты²²⁷.

В свою очередь, Д. Р. Фейзрахманова также придерживается такого подхода и полагает, что способы защиты – это предусмотренные действующим законодательством приемы, а равно и меры, направленные на восстановление (признание) нарушенных (оспариваемых) прав²²⁸.

Заслуживает внимания и позиция, которая была изложена А. А. Кравченко, для которого ключевым признаком при отнесении того или иного явления к способам защиты выступает правовое последствие, которое объективировано в законодательном акте и используется в силу инициативы управомоченного на то лица, преследуя цель удовлетворения охраняемых законом интересов. При этом, такое последствие должно затрагивать интересы обязанного лица²²⁹. Вместе с тем, при определении способа защиты через категории «прием», «подход», «технологии», «меры» необходимо разграничивать данные категории и устанавливать, какие способы соотносятся с соответствующей категорией и чем они отличаются.

Несмотря на широкий охват, комплексный подход также не лишен недостатков, поскольку приводит к размыванию границ понятия и затрудняет его отграничение от смежных категорий. Наиболее взвешенным и соответствующим законодательной технике представляется определение способа защиты через категорию «мера».

Подводя итог изложенному, рассмотрев определения способа защиты гражданских прав, существующие в цивилистической доктрине, можно определить следующие основные признаки исследуемого понятия:

²²⁷ Андреев Ю. Н. О способах гражданско-правовой защиты // Гражданское право. 2012. № 4. С. 3–6.

²²⁸ Фейзрахманова Д. Р. К вопросу о соотношении понятий «форма», «способ» и «средство» защиты корпоративных прав участников акционерных обществ // Юрист. 2017. № 12. С. 32–37.

²²⁹ Кравченко А. А. К вопросу о понятии способа защиты гражданских прав // Адвокат. 2014. № 7. С. 22–30.

Во-первых, способы защиты прав являются *мерой*, принимаемой лицом, чьи права нарушены, для защиты нарушенных прав;

Во-вторых, способы защиты прав носят *легальный характер* – устанавливаются в тексте нормативного правового акта и отвечают так называемому «формальному критерию».

В-третьих, способы защиты прав имеют направленность на достижение определенных *целей* – восстановление нарушенного права, пресечение нарушения права, устранение правовой неопределенности и устранение последствий нарушений прав;

В-четвертых, способы защиты прав применяются в рамках предусмотренной законодательством *формы защиты прав*.

Касательно последнего приведенного признака способа защиты прав необходимо отметить, что способы защиты могут быть реализованы как в юрисдикционной, так и неюрисдикционной формах защиты прав. При этом необходимо отметить, что некоторые способы могут быть реализованы строго в определенной форме.

Способы защиты гражданских прав неисчерпывающим образом перечислены в статье 12 ГК РФ. При этом правоприменительная практика применения лицом способа защиты, который не указан в ст. 12 ГК РФ, долгое время была достаточно противоречивой²³⁰. Длительное время судебная практика шла по пути признания защиты прав только теми способами, которые обозначены в указанной статье²³¹. Вместе с тем в настоящее время судебная практика изменилась в сторону возможности применения способов защиты права, прямо непоименованных в законе.

В научной литературе разработаны классификации способов защиты гражданских прав, что подчеркивает многогранность данного института и позволяет глубже понять его сущность.

²³⁰ Максимов В. А. Способы защиты субъективных гражданских прав и интересов // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 1. С. 76.

²³¹ Чеговадзе Л. А., Дерюгина Т. В. О целях и способах защиты гражданских прав // Цивилист. 2022. № 2. С. 37.

Основной классификацией способов защиты гражданских прав выступает их деление на универсальные и специальные. Универсальные – представленные в ГК РФ, в то время как иные способы, непоименованные в указанной статье, являются специальными²³².

В. В. Витрянский также отмечал, что специфика универсальных способов защиты прав проявляется в применимости защиты «как правило, любого нарушенного права»²³³. Вместе с тем допускается, что сфера применения универсальных способов защиты прав в той или иной ситуации может быть подвергнута ограничению. Ю. Г. Басин, в частности, считает, что применение универсальных способов защиты прав ограничивается нормативным актом, в силу особенностей прав, подлежащих защите, и характера правонарушений²³⁴. Разделяя позицию Ю. Г. Басина о том, что применение универсальных способов защиты может быть ограничено, отмечаем, что, более того, отсутствие универсального характера у некоторых способов, перечисленных в ст. 12 ГК РФ, не подлежит сомнению. Так, например, к способам защиты гражданских прав относится неустойка, взыскание которой возможно в случаях прямого указания нормативного акта или в силу соглашения участников гражданского правоотношения. Изложенное является наглядным примером ограничения применения способа защиты рамками конкретных гражданских правоотношений.

Таким образом, ст. 12 ГК РФ выступает лишь направлением, по которому должны идти законодатель, правоприменители и исследователи при выработке специальных способов защиты.

По критерию выполняемых функций и правовых последствий способы защиты можно подразделить на меры ответственности и меры защиты²³⁵.

²³² Семенов В. В. Способы защиты гражданских прав в контексте Конституции и Гражданского кодекса // Адвокатская практика. 2018. № 4. С. 23–25.

²³³ Витрянский В. В. Недействительность сделок в арбитражно-судебной практике // Гражданский кодекс РФ: Проблемы. Теория. Практика. М., 1998. С. 131.

²³⁴ Басин Ю. Г. Основы гражданского законодательства о защите субъективных гражданских прав // Проблемы применения Основ гражданского законодательства и Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Саратов, 1971. С. 33.

²³⁵ Красавчиков О. А. Гражданское правоотношение – юридическая форма общественного отношения // Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права: Избранные труды: в 2 томах.

Г. Б. Зубовский также подразделяет способы защиты на меры защиты и меры ответственности. Меры ответственности применяются лишь к виновному нарушителю субъективного права и выражаются в дополнительных обременениях в виде лишения правонарушителя определенных прав или наложения на него дополнительных обязанностей. В статье 12 ГК РФ к мерам ответственности относятся возмещение убытков, взыскание неустойки и компенсация морального вреда. Другие способы, предусмотренные действующим законодательством, по мнению ученого, относятся к мерам защиты²³⁶. Наличие только двух вышеуказанных целей (пресекательная и компенсаторная) приводит к тому, что иные цели защиты прав, такие как устранение правовой неопределенности, пресечение правонарушения и др., не учитываются²³⁷. Как следствие, квалификация только двух видов способов (меры ответственности и меры защиты) не охватывает все возможные способы защиты гражданских прав – например, такой способ защиты права, как признание права.

Помимо указанных, в науке предложены и иные классификации, основанные на различных критериях: целевой направленности, характере защищаемых прав, правовой природе способа, применимой форме защиты и др.

Немаловажным будет обратить внимание на классификацию И. А. Буша, который предлагает разделять способы защиты в зависимости от их целевой направленности и характера на предупредительные и регулятивные. К мерам предупредительного характера автор относит меры государственно-принудительного воздействия с целью непосредственного предупреждения возникновения возможных правонарушений, либо их устранение лицами, допустившими не соответствующее требованиям закона поведение. В свою очередь, к мерам регулятивного характера автор предлагает отнести все восстановительно-компенсационные меры: 1) меры, направленные на устранение

М., 2005. Т. 2. С. 262; Зубовский Г. Б. Гражданско-правовая защита прав предпринимателей в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 42.

²³⁶ Зубовский Г. Б. Гражданско-правовая защита прав предпринимателей в Российской Федерации: дис. канд. юр. наук: 12.00.03. М.: МГУК. 2002. С. 42.

²³⁷ Латышов Д. Н. Система способов защиты гражданских прав в Российской Федерации: дис. д-ра юрид. наук: 5.1.3. Пермь, 2022. С. 137.

разногласий между участниками гражданских правоотношений; 2) меры, направленные на материальное восстановление; 3) меры, направленные на обеспечение реального исполнения обязанности²³⁸. Предложенная И. А. Бушем классификация заслуживает внимания, поскольку в ней выделены предупредительные меры, что не характерно для иных подходов. Однако полагаем, что предупредительные меры не являются способами защиты прав в строгом смысле, поскольку они направлены не на защиту уже нарушенного права, а на предотвращение потенциальных нарушений.

Говоря о классификации, предложенной Ю. Н. Андреевым, полагаем необходимым отметить, что он проводит деление мер защиты по характеру и содержанию прав, которые, могут быть подвержены защите: 1) вещно-правовые; 2) обязательственно-правовые; 3) личные неимущественные; 4) исключительные; 5) наследственные и др.²³⁹ Учитывая, что в настоящее время в гражданском законодательстве появился новый объект гражданских прав – цифровые права, при проведении классификации способов защиты прав по характеру и содержанию прав, которые подлежат защите, следует выделять еще один вид прав, подлежащих защите – цифровые.

По критерию применимости формы защиты И. А. Лушина классифицирует способы защиты прав на: 1) способы защиты, применяемые управомоченным лицом (меры оперативного воздействия, способы самозащиты права, иные способы защиты права); 2) способы защиты, применяемые компетентными государственными органами (меры ответственности)²⁴⁰. Предложенная И. А. Лушиной классификация по субъекту применения способа защиты позволяет разграничить юрисдикционные и неюрисдикционные способы защиты.

Как уже ранее говорилось, способы защиты должны быть реализованы в определенной форме защиты прав. В зависимости от того, в какой форме защиты

²³⁸ Буш И. А. Защита прав участников арендных отношений по российскому законодательству: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 20.

²³⁹ Андреев Ю. Н. О способах гражданско-правовой защиты // Гражданское право. 2012. № 4. С. 3–6.

²⁴⁰ Лушина И. А. Бесспорный порядок взыскания денежных средств как форма защиты гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 28.

прав реализуются способы, А. Я. Курбатов классифицирует способы на те, которые могут быть применены в юрисдикционной форме, и те, которые могут быть применены в неюрисдикционной форме²⁴¹. Некоторые способы защиты прав могут быть реализованы как в юрисдикционной форме, так и в неюрисдикционной. Это свидетельствует о том, что форма реализации способа защиты не всегда привязана к самому способу, а зависит от конкретных обстоятельств и волеизъявления управомоченного лица.

Лицо, чьи права нарушены, осуществляет выбор надлежащего способа защиты прав с учетом природы нарушенного права, цели применяемой защиты и природы правонарушения. Выбор надлежащего способа защиты является ключевым для эффективного восстановления нарушенного права. Применительно к новому объекту гражданских прав – цифровым правам – этот выбор должен учитывать их специфическую природу.

Выявление понятия, признаков и содержания способа защиты цифровых прав невозможно без учета особенностей самого объекта – его нематериальной природы, существования в информационной системе и особого способа легитимации обладателя.

Юридическая конструкция цифрового права основана на общем правиле о признании его субъектом лица, которое в соответствии с правилами информационной системы имеет возможность распоряжаться этим правом (п. 2 ст. 141.1 ГК РФ).

В цивилистической доктрине понятие способа защиты цифровых прав находится в стадии формирования. Как отмечает Д. Н. Кархалев, способы защиты цифровых прав по своей юридической природе неоднородны и могут быть классифицированы по функциональному критерию на меры защиты и меры ответственности²⁴². Данное разграничение имеет принципиальное значение для понимания сущности способа защиты: если меры защиты направлены на

²⁴¹ Курбатов А. Я. Предпринимательское право: проблемы теории и правоприменения: монография. М., 2022. С. 140.

²⁴² Кархалев Д. Н. Цифровые права в гражданском обороте // Сибирское юридическое обозрение. 2022. № 2. С. 156.

восстановление положения, существовавшего до нарушения, то меры ответственности характеризуются возложением на нарушителя дополнительных имущественных лишений. Таким образом, содержание способа защиты цифровых прав составляет совокупность действий, которые могут быть совершены уполномоченным лицом или компетентным органом для достижения целей защиты, при этом само содержание варьируется в зависимости от того, относится ли способ к мерам защиты или к мерам ответственности.

Н. М. Ковязина акцентирует внимание на таком признаке способов защиты цифровых прав, как их осуществление в двух плоскостях – виртуальной и реальной. Исследователь отмечает, что согласно ст. 141.1 ГК РФ одним из критериев отнесения права к цифровому является осуществление права в информационной системе без обращения к третьему лицу. Это порождает ситуацию, при которой защита может быть реализована только в информационной системе, что позволяет говорить о цифровых способах защиты и цифровых мерах принуждения, которые в классической модели механизма гражданско-правовой защиты не рассматривались²⁴³. Реальной, а не виртуальной, может быть только судебная защита с применением мер государственно-принудительного характера. Таким образом, содержание способа защиты цифровых прав может реализовываться частично в цифровой среде, а частично – в традиционной юрисдикционной форме. Таким образом, эффективная защита цифровых прав требует синхронизации виртуальных и реальных механизмов.

Сущностные признаки способов защиты цифровых прав вытекают из особенностей самого объекта защиты и среды его существования. Так, анализ работы Н. С. Бочаровой позволяет выделить такой признак способа защиты цифровых прав, как технологическая опосредованность²⁴⁴. Способ защиты цифровых прав не может быть реализован вне зависимости от информационной системы, поскольку само цифровое право существует только в информационной системе. Вместе с тем полагаем, что технологическая опосредованность не

²⁴³ Ковязина Н. М. О вопросе защиты цифровых прав // Юрист. 2022. № 1. С. 49.

²⁴⁴ Бочарова Н. С. Защита цифровых прав // Зерцало-М. 2022. С. 5.

исключает применения иных способов, которые могут быть реализованы вне информационной системы, в частности взыскание убытков.

Ж. Ю. Юзефович, исследуя проблему защиты цифровых прав, обращает внимание на информационную природу цифровых прав, что проявляется в том, что содержание способа защиты цифровых прав неизбежно включает элементы, связанные с обеспечением достоверности и доступности информации²⁴⁵. Обеспечение достоверности информации (подтверждение правильности записи об обладателе цифрового права) и доступности информации (возможность управомоченного лица получить доступ к цифровому праву) являются ключевыми элементами защиты.

Цифровое право характеризуется наличием записи в информационной системе, имеющей легитимационное значение, гарантирующей право распоряжаться цифровым правом.

В таком случае основная направленность защиты – восстановление легитимационной записи в информационной системе, что обеспечивает подтверждение принадлежности цифрового права управомоченному лицу. Способ защиты цифрового права направлен на приведение легитимационной записи в соответствие с принадлежностью цифрового права лицу. Основной функцией данного способа является формально-легитимационная, поскольку он направлен не на восстановление материального блага, а на подтверждение и закрепление цифрового права в информационной системе.

Важно подчеркнуть, что понимание способа защиты цифровых прав должно акцентировать внимание не только на восстановлении права, но и на лишении цифрового права лица, которое формально (согласно легитимационной записи) является его обладателем.

Данный аспект находит отражение в работах Н. М. Ковязиной, которая обращает внимание на необходимость разработки механизмов принудительного исполнения судебных решений в отношении цифровых прав, включая возможность

²⁴⁵ Юзефович Ж. Ю. Проблема способов защиты гражданских прав в свете развития цифровых правоотношений // Юрист. 2020. № 12. С. 42.

обращения взыскания на цифровые свидетельства и создания специальных подразделений Федеральной служба судебных приставов России для работы на информационных площадках²⁴⁶. Это обеспечивает реализацию второго элемента предложенной формулы – лишение формально легитимированного лица цифрового права в пользу действительного обладателя.

Итак, подводя итог параграфу, хотелось бы отметить, что в дореволюционном российском законодательстве отсутствовала систематизированная регламентация способов защиты гражданских прав, что отражалось и в доктринальных подходах. Основные способы защиты сводились к виндикационным и негаторным искам, заимствованным из римского права. Лишь в советский период с принятием Основ гражданского законодательства и ГК РСФСР 1964 года был закреплён общий перечень способов защиты, что дало новый импульс их научному осмыслению.

В современной цивилистике отсутствует единое понимание категории «способ защиты прав». Анализ научных позиций позволяет выделить три основных подхода к определению данного понятия: как меры принудительного характера, как действия (бездействие) управомоченных субъектов и как комплексного явления, включающего такие категории, как приемы, меры, технологии.

Наиболее обоснованным представляется определение способа защиты как *меры*, направленной на восстановление нарушенного права, пресечение его нарушения, устранение правовой неопределенности или компенсацию последствий нарушения.

Способ защиты цифровых прав направлен на приведение внешней (формальной) легитимации лица в соответствие с принадлежностью цифрового права обладателю путем восстановления легитимационной записи в информационной системе. Таким образом, на основе проведенного историко-правового и теоретико-правового анализа можно сформулировать итоговое определение способа защиты применительно к цифровым правам.

²⁴⁶ Бочарова Н. С. Защита цифровых прав // Зерцало-М. 2022. С. 6.

Под способом защиты цифровых прав субъектов гражданского оборота следует понимать предусмотренную действующим законодательством и применяемую субъектами гражданского оборота в установленной законом форме меру, направленную на приведение формальной легитимации (отраженной в информационной системе) в соответствие с действительным правообладанием с одновременным лишением цифрового права лица, которое формально (согласно легитимационной записи) является обладателем цифрового права.

Проведенный анализ содержания и признаков способа защиты цифровых прав создает теоретическую основу для исследования специальных способов защиты цифровых прав, которое будет осуществлено в последующих параграфах настоящей главы. В частности, предложенное определение способа защиты цифровых прав позволяет обосновать необходимость введения способа, сущность которого заключается в приведении записи в информационной системе в соответствие с действительным правообладанием.

3.2. Защита имущественных прав, включенных в цифровое право

Гарантированная возможность защиты цифровых прав является одним из главных условий создания фундаментальной основы для стабильности развивающихся цивилистических отношений. Как ни странно, изменение ст. 141.1 ГК РФ в части дополнения перечня объектов гражданских прав цифровыми правами не повлекло за собой изменения перечня способов защиты, закрепленных в ст. 12 ГК РФ, хотя, казалось бы, основания для этого имеются. Отсутствие изменений свидетельствует о достаточности уже существующих в законодательстве способов защиты гражданских прав для защиты цифровых прав.

Вместе с тем, наличие особенностей цифровых прав, присущих исключительно им, могут затруднить надлежащую защиту последних имеющимися до появления цифровых прав способами.

О необходимости создания специального механизма защиты цифровых прав писали Н. А. Фроленко, Ю. В. Осипова, аргументируя это тем, что, несмотря на применение к цифровым правам общих гражданско-правовых способов защиты, исследуемые права отличаются определенной спецификой, обуславливающей необходимость специального законодательного регулирования²⁴⁷. К такому же выводу приходит и Е. А. Богданов, указывая, что охрана и защита цифровых прав, обладая рядом процессуальных и материально-правовых особенностей, требует комплексного подхода, включающего совершенствование законодательства²⁴⁸. Ученый, в частности, выделяет такие ключевые особенности, как трансграничный характер нарушений, технологическая сложность доказывания, анонимность нарушителей и специфика объектов защиты (нематериальная информация, данные, код), которые делают традиционные правовые механизмы недостаточно эффективными. Итоговым предложением Е. А. Богданова является разработка специального закона «О цифровых правах», регулирующего цифровые права и включающего, в том числе, механизмы имущественной ответственности. Вместе с тем разработка отдельного закона «О цифровых правах» представляется избыточным с точки зрения системности гражданского законодательства, в том числе, с учетом наличия на сегодняшний день трех законов, регулирующих оборот цифровых прав.

До недавнего времени правовое регулирование оборота цифровых прав осуществлялось на основе двух федеральных законов. Закон о ЦФА регулировал отношения, возникающие при выпуске, учете и обращении ЦФА²⁴⁹. В свою очередь, Закон об инвестиционных платформах закреплял правовой статус участников инвестиционного процесса – оператора инвестиционной платформы, инвесторов и лиц, привлекающих инвестиции²⁵⁰.

²⁴⁷ Фроленко Н. А. Особенности и защита цифровых прав в нормах гражданского законодательства // Вестник науки. 2024. № 2. С. 179–183.

²⁴⁸ Богданов Е. А. Особенности охраны и защиты цифровых прав в Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2025. № 4. С. 13–17.

²⁴⁹ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Российская газета. 2020. № 173.

²⁵⁰ О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении

Принципиальное изменение правового ландшафта произошло с 1 сентября 2026 года, когда вступил в силу Закон о цифровых валютах и цифровых правах, являющийся основным системообразующим актом в сфере оборота цифровых прав и цифровых валют, вводящим комплексное регулирование, охватывающее все виды цифровых прав²⁵¹.

В системе защиты цифровых прав Закон о цифровых валютах и цифровых правах устанавливает ответственность оператора информационной системы (статья 12). Оператор обязан возместить убытки эмитенту цифровых прав и обладателям цифровых прав, возникшие вследствие утраты информации, хранящейся в информационной системе оператора; сбоя в работе программно-технических средств; раскрытия и (или) предоставления оператором недостоверной, неполной и (или) вводящей в заблуждение информации об оказываемых им услугах; нарушения оператором правил работы информационной системы оператора. При этом оператор не несет ответственности за достоверность информации, полученной от эмитента цифровых прав (часть 2 статьи 12), а также в случае списания цифровых прав без его воли (часть 4 статьи 12).

Важным нововведением Закона о цифровых валютах и цифровых правах является субсидиарная ответственность оператора информационной системы перед российскими физическими лицами – обладателями цифровых прав, не являющимися квалифицированными инвесторами, по обязательствам эмитента цифровых прав о возмещении убытков, причиненных в связи с несоответствием решения о выпуске цифровых прав законодательству Российской Федерации (часть 3 статьи 12). Данная норма существенно усиливает защиту прав неквалифицированных инвесторов, поскольку возлагает на оператора дополнительную ответственность за действия эмитента.

Особого внимания заслуживает регулирование защиты прав неквалифицированных инвесторов. Закон о цифровых валютах и цифровых правах

изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Российская газета. 2019. № 172.

²⁵¹ О цифровых валютах и цифровых правах: Федеральный закон от 04.08.2026 № 282-ФЗ // Российская газета. 2026. № 178–179.

устанавливает механизм защиты при приобретении цифровых прав, предназначенных для квалифицированных инвесторов (статья 6). В случае нарушения оператором требований о недопустимости зачисления таких прав на счет неквалифицированного инвестора, на оператора возлагается обязанность по требованию такого инвестора приобрести у него цифровые права за свой счет и возместить все понесенные расходы. Иск о применении данного последствия может быть предъявлен в течение одного года со дня приобретения цифровых прав. При этом, если лицо было признано квалифицированным инвестором на основании недостоверной информации, данное последствие не применяется.

Кроме того, Закон о цифровых валютах и цифровых правах вводит тестирование физических лиц как условие доступа к приобретению цифровых прав, доступных после тестирования (статья 32). Оператор вправе обеспечить зачисление таких прав только при наличии положительного результата тестирования. В случае отсутствия положительного результата допускается зачисление при одновременном соблюдении трех условий: предоставление уведомления о рисках; наличие заявления о принятии рисков; сумма сделок в календарном году не превышает 300 тысяч рублей (часть 22 статьи 6). Тестирование проводится профессиональными участниками в порядке, установленном базовым стандартом защиты прав инвесторов.

Статья 20 Закона о цифровых валютах и цифровых правах устанавливает особенности ответственности лиц, организующих обращение цифровых валют (брокера, доверительного управляющего, организатора торговли), оператора информационной системы и клиринговой организации. Указанные лица не несут ответственности за причиненные клиентам (участникам торгов) убытки, возникшие вследствие нарушения бесперебойности и непрерывности функционирования информационной системы, организованной не в соответствии с российским правом; отсутствия целостности и достоверности информации о цифровых валютах и цифровых правах, учитываемых в такой информационной системе; некорректности реализации информационной системой установленных

алгоритмов создания, хранения и обновления информации; возможности внесения изменений в алгоритмы иными лицами.

Кроме того, договором (в том числе правилами торгов) может быть предусмотрено, что лица, организующие обращение цифровых валют, оператор и клиринговая организация не несут ответственности за убытки, возникшие вследствие действий иностранных лиц, направленных на изъятие цифровых валют или цифровых прав либо ограничение совершения сделок (операций) с ними.

Цифровой депозитарий несет самостоятельную гражданско-правовую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по учету и переходу цифровых валют и цифровых прав, включая полноту и правильность записей по цифровым счетам, за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по предоставлению доступа к адресам-идентификаторам, а также за убытки, причиненные депоненту (получателю доступа) в результате неправомерного распоряжения его цифровыми валютами или цифровыми правами, учитываемыми на цифровом счете или на адресе-идентификаторе, доступ к которому предоставляет цифровой депозитарий (статья 20 Закона о цифровых валютах и цифровых правах). Ответственность цифрового депозитария может быть ограничена договором, если убытки депоненту (получателю доступа) причинены вследствие неправомерных действий третьих лиц.

Цифровой депозитарий освобождается от ответственности в случае, если списание цифровых валют или цифровых прав вызвано действиями другого цифрового депозитария (иностранной организации, имеющей право осуществлять учет и переход цифровых валют), депонентом которого он стал в соответствии с письменным указанием своего депонента; списание цифровых прав произошло без его воли в информационной системе оператора, пользователем которой он стал в соответствии с письменным указанием своего депонента.

Закон о цифровых валютах и цифровых правах (статьи 13, 29, 38 Закона) устанавливает обязанность оператора, цифрового депозитария и организации, осуществляющей обмен цифровых валют, обеспечивать конфиденциальность информации о пользователях, цифровых счетах, цифровых правах и сделках. Лица,

получившие такую информацию, не вправе ее разглашать, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами. За разглашение указанной информации оператор, цифровой депозитарий, организация, осуществляющая обмен цифровых валют, и иные лица несут ответственность в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

В свою очередь, Закон об инвестиционных платформах, который продолжает действовать, устанавливает ответственность оператора инвестиционной платформы (статья 12)²⁵². В отличие от ответственности оператора информационной системы по Закону о цифровых валютах и цифровых правах, перечень оснований ответственности оператора инвестиционной платформы является более узким и включает раскрытие недостоверной, неполной и (или) вводящей в заблуждение информации об инвестиционной платформе и операторе; нарушение оператором правил инвестиционной платформы; несоответствие инвестиционной платформы требованиям закона. При этом оператор инвестиционной платформы прямо освобожден от ответственности по обязательствам лиц, привлекающих инвестиции (пункт 2 статьи 12 Закона об инвестиционных платформах). Данное положение подчеркивает организационный, посреднический характер деятельности оператора инвестиционной платформы, который не принимает непосредственного участия в совершаемых пользователями платформы сделках²⁵³.

Закон об инвестиционных платформах также предусматривает специальный механизм защиты прав неквалифицированных инвесторов (пункт 5 статьи 7). Если физическое лицо не является индивидуальным предпринимателем или квалифицированным инвестором, оператор инвестиционной платформы обязан по требованию указанного лица приобрести у него цифровые права, приобретенные

²⁵² О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Российская газета. 2019. № 172.

²⁵³ Краснова С. А. Гражданско-правовой статус операторов онлайн-платформ: неопределенное настоящее и возможное будущее // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 1. С. 70; № 2. С. 81; Габов А. В., Хаванова И. А. Краудфандинг: законодательное оформление web-модели финансирования в контексте правовой доктрины и зарубежного опыта // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 1. С. 34.

на этой инвестиционной платформе, на сумму превышения установленного ограничения (600 тысяч рублей в год). Оператор освобождается от ответственности, если лицо предоставило оператору недостоверные заверения о соблюдении ограничения. Срок исковой давности для соответствующего иска установлен в один год с момента совершения сделки.

Вместе с тем И. Ю. Целовальникова отмечает, что физическое лицо без специального образования, знаний и опыта может дать оператору недостоверные заверения о соблюдении ограничения, не понимая всех юридических последствий и возможных рисков. В связи с чем ученый предлагает распределить риск с возложением его на лицо, привлекающее инвестиции, так как именно оно является инициатором и выгодоприобретателем в данных отношениях²⁵⁴. Позиция И. Ю. Целовальниковой является обоснованной, так как она справедливо ставит во главу угла принцип защиты слабой стороны в правоотношениях – неквалифицированного инвестора. Поскольку неквалифицированный инвестор, не обладающий специальными познаниями в области инвестирования, *de facto* лишен возможности осознать юридическую природу и последствия таких заверений, предлагаемое И. Ю. Целовальниковой перераспределение риска на эмитента – профессионального участника, являющегося инициатором и выгодоприобретателем инвестиционной сделки, обеспечивает реальность защиты нарушенного права, повышает уровень добросовестности профессиональных участников оборота и способствует эффективному и справедливому распределению хозяйственных рисков в рамках инвестиционного обязательства.

Закон о ЦФА, который в соответствии со статьей 55 Закона о цифровых валютах и цифровых правах действует до 1 сентября 2028 года, устанавливает ответственность оператора информационной системы за убытки, возникшие у пользователей, по следующим основаниям: утрата информации, хранящейся в информационной системе; сбой в работе информационных технологий и технических средств; предоставление пользователям недостоверной, неполной и

²⁵⁴ Целовальникова И. Ю. Правовое регулирование предоставления услуг с использованием инвестиционных платформ и защита прав потребителей // Современный юрист. 2020. № 3. С. 126.

(или) вводящей в заблуждение информации; нарушение правил работы информационной системы; несоответствие информационной системы требованиям закона²⁵⁵.

Закон о ЦФА также предусматривает способы защиты прав неквалифицированных инвесторов: если лицо приобрело ЦФА, которые могут приобретаться только квалифицированными инвесторами, такое лицо вправе потребовать приобрести у него эти активы и возместить все понесенные расходы. Аналогичный подход предусмотрен для случаев неправомерного признания лица квалифицированным инвестором через оператора обмена ЦФА.

Параллельное действие указанных законов обусловлено различием в предмете регулирования – Закон об инвестиционных платформах регулирует инвестиционный процесс (отношения между лицами, ищущими инвестиции, и лицами, их предоставляющими, с использованием специализированных цифровых платформ), Закон о цифровых валютах и цифровых правах регулирует оборот цифровых активов как имущества – правила их выпуска, учета, хранения, перехода и обращения, независимо от целей их приобретения, а Закон о ЦФА продолжает регулировать оборот цифровых финансовых активов в переходный период.

Каких-либо новых, ранее неизвестных гражданскому праву способов защиты цифровых прав вышеуказанные нормативные правовые акты не содержат. В нормах обозначена ответственность оператора информационной системы и оператора инвестиционной платформы, а также депозитария и установлены случаи, в которых лицо, чьи права нарушены, может обратиться к ним с требованием о возыскании убытков.

Поскольку в Законе о цифровых валютах и цифровых правах и иных нормативных правовых актах не содержится специальных способов защиты ни для цифровых прав в целом, ни для прав, включенных в их содержание, представляется, что защита имущественных прав, включенных в цифровое право, осуществляется

²⁵⁵ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Российская газета. 2020. № 173.

общими способами защиты гражданских прав, предусмотренными ст. 12 ГК РФ и иными нормами гражданского законодательства.

Ранее по тексту настоящей работы была установлена двойственная природа цифровых прав – с одной стороны, само цифровое право, и с другой стороны, обязательственные и корпоративные права, включенные в него. При упоминании о двойственной природе цифровых прав речь идет о двойственном правовом режиме, который различает само цифровое право и права, включенные в цифровое право.

Имущественные права, включенные в цифровые права, являются относительными субъективными правами (например, право требовать передачи вещи, выполнения работы и пр.). И для обязательственных, и для корпоративных прав действующее законодательство предусматривает защиту как общими, так и специальными способами защиты. Ключевым в данном случае является установление применимости тех способов защиты, которые могут применяться для защиты обязательственных и корпоративных прав, для защиты этих же прав, включенных в цифровое право.

Так, для обязательственных прав способом защиты будет, прежде всего, понуждение к совершению должником образующего объект обязательства действия или бездействия.

В случае, если цифровое право включает в себя требование о передаче вещи (например, нескольких тонн сахара), то неисполнение обязанности по передаче вещи делает возможным применения такого способа защиты, как понуждение к передаче данных тонн сахара. Аналогичным образом регулируется и понуждение к выполнению работ, оказанию услуг, исполнению денежного обязательства.

Судебная практика подтверждает возможность защиты денежных требований, удостоверенных цифровыми правами, путем взыскания задолженности. Так, Дзержинский районный суд г. Новосибирска, рассматривая иск о взыскании задолженности по цифровым финансовым активам (ЦФА), обоснованно применил специальные нормы ст. 141.1 ГК РФ и Закона о ЦФА. Суд квалифицировал ЦФА как цифровые права, включающие денежные требования, и,

установив факт неисполнения эмитентом обязательств по погашению ЦФА, удовлетворил требования истца о взыскании основного долга, а также процентов за пользование чужими денежными средствами по ст. 395 ГК РФ²⁵⁶. Данное решение является примером надлежащего применения законодательства о цифровых правах, подтверждающим, что денежные требования, удостоверенные ЦФА, защищаются через взыскание задолженности, что соответствует предложенной классификации.

Для защиты корпоративных прав применяются различные способы защиты – понуждение к выплате дивидендов, признание решения общего собрания акционеров недействительным, признание эмиссии акций недействительной, признание сделок общества недействительными, и т.д. Существование корпоративного права «внутри» цифрового права не исключает применение вышеуказанных способов защиты прав.

Применению такого способа, как восстановление корпоративного контроля, не препятствует существование корпоративного права в цифровой среде. Утрата корпоративного контроля может произойти во многих случаях, в частности, при реорганизации общества, при значительном увеличении уставного капитала и др. В таком случае препятствий для предъявления иска о восстановлении корпоративного контроля также не выявлено.

При наличии пороков сделок и договоров, на основании которых существуют обязательственные и корпоративные права, включенные в цифровое право, представляется возможным применение такого способа, как признание сделки недействительной и применение реституции. Ответчиком по такому иску выступает лицо, являющееся субъектом спорного материального правоотношения.

Так, Общество 1 обратилось в суд с иском к ФИО о признании сделки недействительной (ничтожной) с обоснование заявленных требований, указывая на то, между Обществом и ФИО заключен договор инвестирования № от 03.11.2020, по условиям которого Займодавец предоставил Заемщику заем в

²⁵⁶ По делу № 2-1367/2026: решение Дзержинского районного суда г. Новосибирска от 05.03.2026 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 12.05.2026).

размере 150 000 рублей. Заключение сделки производилось на электронной инвестиционной платформе, оператором которой выступало Общество 2. По мнению истца, договор инвестирования подлежит признанию недействительным по ряду оснований, в частности, как сделка, заключенная с целью последующего вывода активов общества в пользу самого бывшего генерального директора ФИО и аффилированных с нею лиц; по предварительному сговору с другой стороной сделки (представителем стороны) и с заведомым и очевидным нарушением интересов возглавляемого ею общества; с превышением должностных полномочий; при отсутствии необходимого одобрения (получения согласия общества на совершение сделки с заинтересованностью. ФИО, в свою очередь, обратилась со встречным иском к Обществу 1 о взыскании денежных средств, переданных по договору инвестирования в качестве неосновательного обогащения, а также процентов, исчисленных на них. Суд отказал истцу в признании сделки недействительной, а требования ФИО к Обществу 1 удовлетворил²⁵⁷.

Таким образом, относительные субъективные права (обязательственные и корпоративные), содержащиеся в цифровом праве, могут быть защищены уже известными гражданскому праву способами защиты прав, применяемыми для защиты обязательственных и корпоративных прав.

Специфика защиты цифровых прав, реализуемых исключительно в информационной системе, сводится к тому, что, учитывая применение технологии блокчейн, исполнение содержащихся в цифровом праве требований должно происходить самостоятельно (самоисполнимость). По изначальной основополагающей идее технологии блокчейн в связи с тем, что данные требования исполняются в рамках информационной системы или инвестиционной платформы автоматически, то неисполнение данного требования исключено.

При защите прав требований, исполнение которых осуществляется в материальном мире, необходим, так называемый, «выход в реальность». Способы

²⁵⁷ По делу № 2–704/2022: решение Октябрьского районного суда г. Ростова-на-Дону (Ростовская область) от 30.09.2022 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 12.05.2024).

защиты таких прав определяются в зависимости от содержания требования и направлены на понуждение исполнения требования в реальном мире.

Несмотря на то, что такие права обращаются в цифровой среде (в информационной системе и инвестиционной платформе), их исполнение осуществляется в материальном мире, что может создать неопределенность и требует особого подхода к их регулированию и защите.

К данной категории относятся, в частности, утилитарные цифровые права, которые могут содержать требования о передаче вещей, выполнении работ, оказании услуг или передаче исключительных прав.

Так, обязанность, корреспондирующая праву требования, включенному в цифровое право, может корреспондировать правам иных лиц, возникшим в материальном мире. Это создает ситуацию, когда одно и то же право требования может одновременно существовать в цифровой и материальной среде и при этом принадлежать разным лицам.

Например, если цифровое право включает требование о передаче исключительных прав на программное обеспечение, то это же требование может быть одновременно закреплено в договоре с иным лицом, заключенном в письменной форме.

В данном случае проблема заключается в том, что исполнение обязательств, включенных в цифровые права, происходит в материальном мире, что создает риск конфликта сведений о праве требования, содержащихся в информационной системе, и сведений об этом же праве требования, содержащихся в иной форме. Это требует разработки механизма, обеспечивающего согласованность между цифровой и материальной средой.

Если право требования передачи вещи, включенное в цифровое право, закреплено в информационной системе, но одновременно в иной форме (письменной, устной) с этим возникли обязательственные правоотношения по поводу этого же права требования, возникает вопрос о приоритете прав и порядке разрешения спора.

Отсутствие приоритета в такой ситуации создает правовую неопределенность, что затрудняет защиту прав участников гражданского оборота. Установление же приоритета сведений о правах требования, включенных в цифровое право, позволит устранить эту неопределенность и обеспечить стабильность правоотношений.

Определение приоритета кредиторов по обязательству о передаче индивидуально-определенной вещи решен во втором и третьем предложениях абз. 1 ст. 398 ГК РФ. Так, в соответствии с абз. 1 ст. 398 ГК РФ преимущество имеет то, лицо которое получило владение вещью ранее. Если вещь еще не передана, преимущество имеет тот из кредиторов, в пользу которого обязательство возникло раньше. Если же неясно, чье обязательство возникло раньше, преимущество имеет первый предъявивший иск. Оставшийся без вещи кредитор имеет право на возмещение убытков.

Приоритет сведений о правах требования, включенных в цифровое право, исполнение обязанностей по которым происходит вне информационной системы или инвестиционной платформы, заключается в том, что такие сведения имеют приоритет перед сведениями об этих же правах требования, основанных на сделках, совершенных в иных формах, при условии, что сделка совершена позже, чем возникло цифровое право.

Введение данного правила будет иметь значительные последствия для участников гражданских правоотношений, в частности, обеспечит правовую определенность, согласованность между цифровой и материальной средой, защиту добросовестных участников гражданских правоотношений и поддержку государственной политики, направленной на развитие цифровой экономики.

В связи с чем предлагается к закреплению *приоритет сведений о правах требования, включенных в цифровое право, перед сведениями о правах требования, основанных на сделках, совершенных в письменной или иной формах, при условии, что цифровое право, включающее такие права требования, возникло раньше, чем совершена такая сделка.*

Вместе с тем, следует учитывать, что утрата самого цифрового права как легитимационной записи в информационной системе влечет за собой утрату и всех прав, включенных в его содержание. Это означает, что традиционные способы защиты обязательственных и корпоративных прав, включенных в цифровое право, становятся неэффективными, поскольку само основание для их осуществления – легитимационная запись – утрачено. Владелец цифрового права, утративший легитимационную запись, не может реализовать права требования, включенные в цифровое право, поскольку его легитимация как владельца этих прав утрачена. В такой ситуации защита включенных прав невозможна без восстановления самого цифрового права.

Ввиду изложенного полагаем необходимым рассмотреть общие способы защиты гражданских прав применительно к правам, включенным в цифровое право, поскольку указанные способы, будучи универсальными по своей природе, могут быть направлены как на защиту самих обязательственных и корпоративных прав, так и на защиту цифрового права как легитимационной записи, в которой эти права удостоверены. Такой подход обусловлен тем, что утрата цифрового права (записи) влечет утрату включенных в него прав, а следовательно, защита последних невозможна без восстановления легитимационной записи. Соответственно, общие способы защиты (возмещение убытков, признание права и др.) приобретают особое значение – при применении их для защиты цифрового права они влекут за собой защиту прав, включенных в цифровое право. В последнем случае общие способы защиты позволяют владельцу цифрового права защитить свои имущественные интересы, в том числе путем возмещения убытков, причиненных утратой цифрового права и прав, включенных в его содержание.

Так, наиболее распространенным и универсальным способом защиты является возмещение убытков (ст. 15, 1064 ГК РФ). Его универсальность позволяет использовать его как в договорных отношениях (например, к оператору информационной системы), так и во внедоговорных (деликтных) – к любому причинителю вреда.

Вместе с тем, следует признать, что возмещение убытков едва ли всегда является наиболее желательным для потерпевшего, поскольку всегда существует риск недостоверного определения стоимости цифрового права, а также затруднительного исполнения судебного решения – ответчик должен быть платежеспособным лицом. Поэтому по своему полезному эффекту для потерпевшего возмещение убытков может быть несопоставимым с возможностью восстановления у потерпевшего утраченного цифрового права.

Также представляется целесообразным рассмотреть вопрос о возможности возникновения деликтных обязательств. В деликтном обязательстве кредитором является потерпевший, а причинитель вреда, он же делинквент, является должником. Данное обязательство является особым по основаниям возникновения, но в остальном к ним, в силу п. 2 ст. 307.1 ГК РФ, применяются общие положения ГК об обязательствах, если иное не предусмотрено специальными правилами о них (гл. 59 ГК РФ).

Обязательство из причинения вреда возникает только в том случае, когда вред причинен не в связи с договорными отношениями, а в результате нарушения абсолютного (безотносительного) субъективного права.

Так, утрата цифрового права влечет за собой утрату обязательственных и корпоративных прав, включенных в цифровое право. Таким образом, третье лицо нарушает не только цифровое право его обладателя, но и воспрепятствует исполнению обязательств, включенных в цифровое право. Тем самым обладателю цифрового права причиняется вред, выражающийся не только в умалении имущественной сферы потерпевшего путем утраты имущественного права, но и причиняются убытки, связанные с невозможностью исполнения обязательств, включенных в цифровое право.

В случае несанкционированного вмешательства в информационную систему необходимо говорить о деликтной ответственности, основанием которой является причинение имуществу вреда и возмещение этого вреда виновным лицом (ст. 1064 ГК РФ). Действующее гражданское законодательство устанавливает два способа

возмещения имущественного вреда – возмещение вреда в натуре и возмещение убытков (ст. 1082 ГК РФ).

Возмещение вреда в натуре подразумевает предоставление нарушителем потерпевшему вещи (имущества) того же рода и качества, исправлении поврежденной вещи или иных действиях, направленных на устранение последствий нарушения права в натуре.

Возмещение убытков же подразумевает выплату потерпевшему денежного возмещения, расходов на восстановление имущества, а также уплату упущенной выгоды.

Применение такого способа защиты прав, как *возмещение убытков*, возможно всегда и не имеет каких-либо препятствий, является универсальным способом защиты любых нарушенных имущественных интересов.

Вместе с тем, как ранее уже было отмечено, лицу, чьи права нарушены, не всегда может быть интересно получение денежных средств, поскольку оно не возвращает потерпевшему утраченного имущества. Более того, лицо, причинившее вред, должно быть платежеспособным лицом.

Более того, определение размера убытков является затруднительным – действительная стоимость цифрового права складывается не только из его фактической стоимости, но и из возможностей, которые данное цифровое право предоставляет его обладателю.

Так, оценить стоимость ЦФА, предоставляющего права участия в капитале непубличного акционерного общества или стоимость УЦП, включающего в себя право требовать передачи исключительных прав, представляется, действительно, затруднительным. Более того, сами цифровые права имеют имущественную ценность, поскольку обладание цифровыми правами может предоставлять определенные возможности.

В случае обращения с требованием *о возмещении причиненного вреда в натуре* к причинителю вреда следует принять во внимание, что предъявление такого требования будет обоснованным только в случае, если причинитель вреда

является обладателем утраченного цифрового права либо является обладателем другого цифрового права того же рода и качества.

Если же у причинителя вреда утраченное цифровое право или другое цифровое право того же рода и качества отсутствуют в данной информационной системе, то возможно применение такого способа защиты, как возложение обязанности приобрести утраченное потерпевшим цифровое право того же рода и качества за свой счет и обеспечить его передачу потерпевшему.

Вместе с тем не является гарантированным исполнение такого рода судебных решений. Несмотря на возможность применения штрафа за неисполнение судебного акта, причинитель вреда может продолжать уклоняться от исполнения решения.

В качестве одного из механизмов повышения исполнимости подобных решений представляется целесообразным предложить потерпевшему альтернативный способ защиты: самостоятельное приобретение аналогичного цифрового права с последующим предъявлением к причинителю вреда требования о возмещении понесенных расходов. Данная конструкция трансформирует обязанность нематериального характера (совершить определенные действия) в классическое денежное обязательство. Это, в свою очередь, открывает перед взыскателем значительно более широкий арсенал мер принудительного исполнения через службу судебных приставов.

Итак, обязанность по возмещению причиненного вреда в натуре исполнима лишь в случае, если причинитель является обладателем цифрового права. В иных случаях исполнение судебного акта является не гарантированным. Требования к третьим лицам (последующим обладателям цифрового права) удовлетворению не подлежат, поскольку данные лица не являются причинителями вреда в понимании статьи 1064 ГК РФ.

Вопрос о деликтной ответственности за нарушение цифровых прав разрабатывается в современной доктрине. Л. Ю. Василевская обосновывает необходимость автономной квалификации противоправных действий хакера в цифровой среде²⁵⁸. Ученый полагает, что такие действия должны рассматриваться

²⁵⁸ Василевская Л. Ю. Деликтная ответственность за нарушение цифровых прав: проблемы и

как самостоятельное деликтное деяние, служащее основанием не только для нарушения обязательства, но и для утраты имущественного права кредитора. Исходя из этого, делается вывод о необходимости разработки законодателем специальных оснований для привлечения к деликтной ответственности за нарушение цифровых прав. С данной позицией можно согласиться, поскольку она отражает абсолютный характер нарушения самого цифрового права и недостаточность традиционных составов деликтов, ориентированных на причинение вреда вещи.

Специфика цифровых прав привносит известные особенности в механизм осуществления такой их защиты. Юридическая конструкция цифрового права основана на общем правиле о признании его субъектом лица, которое в соответствии с правилами информационной системы имеет возможность распоряжаться этим правом (п. 2 ст. 141.1 ГК РФ).

Цифровое право характеризуется наличием записи в платформе, имеющей легитимационное значение. Удаление данной записи влечет и утрату возможности осуществлять права, содержащиеся в цифровом праве. Перевод цифровых прав подобен передаче вещей.

В данном случае принадлежность права и внешняя формальная легитимация права (узаконение обладателя в качестве того, кому принадлежит соответствующее право) должны совпадать – без второго первое может быть оспорено. Ввиду этого возможна ситуация, в которой, согласно записи, цифровое право принадлежит одному лицу, в то время как на самом деле оно принадлежит другому лицу.

Для устранения данного несоответствия его правообладателю необходимо восстановление его возможности распоряжаться этим правом в рамках соответствующей информационной системы.

В рамках настоящего параграфа нельзя не рассмотреть вопрос о возможности применения *реституции* в отношении цифровых прав, сущность которой определена в п. 2 ст. 167 ГК РФ.

Так в случае, если цифровые права были утрачены в результате совершения лицом недействительной сделки, то такое лицо может применить для защиты своих прав способ – признание оспоримой сделки недействительной и применение последствий ее недействительности, применение последствий недействительности ничтожной сделки. В результате признания сделки недействительной как раз-таки и применяется реституция.

Вместе с тем применение реституции при защите цифровых прав порождает ряд вопросов.

Так, к моменту вынесения судом решения цифровое право должно сохраниться в натуре. Ранее уже было установлено, что цифровое право не обладает таким признаком, как неизменность, и поэтому в любой момент может быть изменено или преобразовано его обладателем.

Также цифровое право может быть отчуждено добросовестному приобретателю путем заключения ряда последующих сделок, тогда применение реституции также не позволит обеспечить защиту цифровых прав. Как известно, добросовестные приобретатели имеют защиту от иска о применении последствий недействительности сделки.

В таком случае, конечно, возможна выплата денежной компенсации стоимости цифрового права, однако, как ранее отмечалось, может не отвечать интересам потерпевшего, поскольку несоизмеримо с восстановлением цифрового права. Более того, определить стоимость цифрового права также может быть затруднительно ввиду двойственной природы цифрового права.

Неотъемлемое свойство блокчейна – необратимость подтвержденных записей – делает невозможным применение классической реституции в виде отмены совершенных операций. Фактически возврат в первоначальное положение замещается необходимостью совершения новой транзакции, которая, фактически, нивелирует предыдущую.

Проведенный анализ способов защиты цифровых прав субъектов гражданского оборота в Российской Федерации позволяет сформулировать следующие выводы, имеющие теоретическое и практическое значение.

Появление в гражданском обороте цифровых прав не повлекло за собой изменения законодательства в части их защиты. Ни специальных способов защиты применительно к данному объекту, ни процессуальных особенностей их применения действующее регулирование не предусматривает. Защита цифровых прав ограничена традиционными способами защиты гражданских прав.

Имущественные права (обязательственные и корпоративные), включенные в цифровое право, являются давно известными гражданскому праву видами прав и подлежат защите способами, применимыми для защиты обязательственных и корпоративных прав соответственно. Так, денежные требования, удостоверенные ЦФА, защищаются путем взыскания задолженности; корпоративные права, включенные в цифровые права, защищаются через признание недействительными решений органов управления, восстановление корпоративного контроля и иные корпоративные способы защиты.

Модель правового регулирования защиты цифровых прав предполагает сочетание традиционных способов (для защиты включенных прав) и специального способа (для защиты самого цифрового права). Традиционные способы защиты применяются для защиты обязательственных и корпоративных прав, включенных в цифровое право, без каких-либо изъятий, обусловленных цифровой формой их существования.

В отношении реализации прав, включенных в цифровое право, установлено, что имеется потребность в закреплении приоритета сведений о правах требования, включенных в цифровое право, перед сведениями о правах требования, основанных на сделках, совершенных в письменной или иной формах, при условии, что цифровое право, включающее такие права требования, возникло раньше, чем совершена такая сделка. Введение данного правила обеспечит правовую определенность, согласованность между цифровой и материальной средой, защиту добросовестных участников гражданских правоотношений и поддержку государственной политики, направленной на развитие цифровой экономики.

Таким образом, действующее законодательство в части защиты имущественных прав, включенных в цифровое право, в целом обеспечивает их защиту традиционными способами, однако имеется потребность в устранении правовой неопределенности при коллизии сведений о правах требования, содержащихся в информационной системе, и сведений об этих же правах, основанных на сделках, совершенных в иных формах.

Вместе с тем традиционные способы защиты становятся неэффективными в случае утраты самого цифрового права как легитимационной записи, что обуславливает необходимость разработки специального способа защиты, которому посвящен следующий параграф настоящей главы.

3.3. Внесение (изменение) записи в информационную систему как способ защиты цифровых прав

Развитие оборота цифровых прав требует нормативной конкретизации и единообразия в правовом регулировании, что обуславливает необходимость совершенствования гражданского законодательства в части регламентации способов их защиты.

Юридическая конструкция цифрового права основана на общем правиле о признании его субъектом лица, которое в соответствии с правилами информационной системы имеет возможность распоряжаться этим правом (п. 2 ст. 141.1 ГК РФ).

Ранее установлено, что цифровое право фиксируется в информационной системе посредством записи, имеющей легитимационное значение. Принадлежность цифрового права и формальная легитимация его обладателя должны соответствовать друг другу. Однако возможна ситуация, при которой

запись в информационной системе указывает на одно лицо, тогда как цифровое право принадлежит другому. Для устранения указанного несоответствия необходимо привести запись в соответствие с действительным правовым состоянием цифрового права и восстановить возможность его осуществления законным обладателем.

В настоящее время в законодательстве отсутствует способ защиты, направленный на приведение формальной легитимации (отраженной в информационной системе) в соответствие с действительным правовым состоянием с одновременным устранением несоответствия между записью и действительностью. Цифровые права, являясь новым объектом гражданского оборота, требуют формирования специального правового режима их защиты, учитывающего их особенности.

Ранее уже отмечалось, что цифровое право напоминает конструкцию права собственности – права, охраняемого от нарушений всех третьих лиц, причем даже тогда, когда объект находится у третьего лица, не нарушавшего этого права.

Вместе с тем цивилистическая наука дает точный и непоколебимый ответ на возможность распространения режима собственности на нематериальные объекты – нематериальные объекты не могут быть объектом права собственности.

Однако в судебной практике встречается словосочетание «собственник цифровых прав»²⁵⁹, что свидетельствует о распространении правоприменителем режима права собственности на цифровое право. Полагаем, такая позиция правоприменителя является ошибочной, но достаточно простой для понимания правоприменителя, в связи с чем и применяемой.

При этом защита права собственности может осуществлена путем вещно-правовых способов защиты.

Общепризнанным в юридической науке является то, что объектом виндикации может быть только индивидуально-определенная вещь, существующая в натуре.

²⁵⁹ По делу № 22-3349/2023: определение Иркутского областного суда от 04.10.2023; по делу № А65-16901/2020: постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.05.2022. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 12.05.2024).

Так, лицо может принять во владение транспортное средство другого лица-собственника. Для удовлетворения виндикационного иска суд устанавливает, что транспортное средство незаконно выбыло из владения собственника и на момент рассмотрения спора находится во владении ответчика.

Принципиальная нематериальная (неовещественная) природа цифровых прав рассматривается значительной частью исследователей в качестве фундаментального основания для отрицания возможности применения к ним виндикационного иска. Аргументация строится на том, что традиционная виндикация, сформированная как средство защиты права собственности на индивидуально-определенные физические объекты, не может быть механически перенесена на права требования и иные обязательственные по своей сути блага, каковыми, по мнению многих ученых, и являются цифровые права²⁶⁰.

Действительно, бестелесная форма цифровых прав препятствует непосредственному использованию вещных исков, рассчитанных на вещи как материальные, физически осязаемые и пространственно ограниченные объекты.

Применительно к цифровым правам препятствием для предъявления виндикационного иска является необходимость индивидуализации предмета виндикации. Что не может быть индивидуализировано, не может быть и предметом виндикационного иска – денежные знаки, вещи, определенные родовыми признаками и т. д.

Цифровые права характеризуются своим *содержанием* (правами, которые они включают) и уникальным кодом, посредством которого у обладателя цифрового права имеется доступ, и, соответственно, возможность распоряжаться цифровым правом.

В таком случае предметом индивидуализации являются не само цифровое право, а включенные в него обязательственные или корпоративные права.

Однако нельзя говорить, что обязательственные или корпоративные права не могут быть подвергнуты изменению и при этом оставаться ценными, в отличие от

²⁶⁰ Гусева А. А. Объект виндикации: проблемы правоприменения // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 4. С. 76; Лоренц Д. В. Цифровые права в сфере недвижимости: юридическая природа и способы защиты // Российская юстиция. 2020. № 2. С. 60.

вещи. Да, состояние вещи может быть улучшено, в таком случае в дополнение к виндикационному иску истец вправе предъявить и иные требования.

Права же, включенные в цифровое право, могут быть разделены на части и в таком случае ранее существовавший объект гражданских правоотношений прекратит свое существование. Точно также права, включенные в цифровое право, могут быть объединены. Таким образом, цифровые права не могут быть определены индивидуальными признаками, в связи с чем не могут быть предметом виндикации.

Таким образом, виндикация в отношении цифровых прав невозможна, поскольку цифровые права обладают нематериальной природой, а также не могут быть индивидуализированы подобно вещам.

Специфика защиты цифровых прав, в частности, невозможность применения классической виндикации, подтверждает их особую правовую природу. Это требует пересмотра традиционных цивилистических концепций и разработки новых теоретических подходов, а также совершенствования законодательства в части механизма защиты цифровых активов.

Ранее в цивилистической науке особый бестелесный характер корпоративных прав стал основанием для отрицания возможности их виндикации, в результате чего судебной практикой был сформирован способ защиты, основанный на виндикационной модели, именуемый как восстановление корпоративного контроля.

Так, обе категории удостоверяют обязательственные и иные права с их традиционным содержанием, обе осуществляются по определенным правилам учета (бездокументарные ценные бумаги учитываются в специальном реестре в электронной форме, цифровые права – в информационной системе или инвестиционной платформе).

В силу этого А. И. Савельев в своих работах отмечает, что вещно-правовые средства защиты неприменимы к цифровым правам в силу неприменимости к ним концепции владения, однако применима защита, предусмотренная в отношении бездокументарных ценных бумаг²⁶¹.

²⁶¹ Савельев А. И. Некоторые риски токенизации и блокчейнизации гражданско-правовых

А. А. Гусева, в свою очередь, полагает, что цифровые права не могут быть объектом виндикации, если учитывать их сходство с бездокументарными ценными бумагами, а также их нематериальный характер²⁶². На сегодняшний день для защиты прав на бездокументарные ценные бумаги подлежат применению два способа, закрепленные главой 7 ГК РФ:

1) солидарное требование о возмещении причиненных таким нарушением убытков к лицу, выпустившему соответствующие бездокументарные ценные бумаги, и к лицу, ведущему учет прав по таким ценным бумагам (регистратор, депозитарий);

2) требование к лицу, на счет которого ценные бумаги были зачислены, о возврате такого же количества соответствующих бездокументарных ценных бумаг с дополнительными требованиями к нему о возврате всего полученного по ценной бумаге и о возмещении убытков в зависимости от добросовестности приобретателя (п. 1 ст. 149.4, п. 5 ст. 147.1 ГК РФ).

Если обратиться к анализу второго способа защиты прав владельцев бездокументарных ценных бумаг, то также несложно заметить построение данного способа по виндикационной модели защиты прав лишь с тем отличием, что лицо вправе требовать такое же количество бездокументарных ценных бумаг, т.е. объектом виндикации выступает не индивидуально-определенная материально выраженная вещь, а такое же количество однородных вещей.

Также судебной практикой выработан такой способ защиты прав на бездокументарные ценные бумаги, как «восстановление корпоративного контроля» посредством восстановления положения, существовавшего до нарушения права (ст. 12 ГК РФ)²⁶³.

отношений // Закон. 2018. № 2. С. 41.

²⁶² Гусева А. А. Объект виндикации: проблемы правоприменения // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 4. С. 80.

²⁶³ См., напр.: по делу № А40-156605/13: постановление Арбитражного суда Московского округа от 18.05.2016 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.07.2025); по делу № 1176/08: постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 03.06.2008 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.07.2025); по делу № 10967/08: постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 27.01.2009 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.07.2025); по делу №

Удовлетворение данного требования возвращает участие (акции, доли уставного капитала) участнику посредством лишения права на спорную долю другого участника – текущего владельца (добросовестного, недобросовестного). Истцом выступает лицо, утратившее корпоративный контроль (акции или доли уставного капитала общества), ответчиком – лицо, владеющее акциями или долями на момент обращения в суд.

Таким образом, заявление о восстановлении корпоративного контроля близко по составу лиц к виндикационным требованиям. В обоих случаях возвращается актив – участие (в корпоративных отношениях) или имущество (в вещных отношениях).

В настоящее время ни законодатель, ни правоприменитель так и не нашли более эффективного способа защиты прав владельцев бездокументарных ценных бумаг, чем способ защиты прав, построенный по модели виндикационного иска, даже несмотря на нематериальность бездокументарных ценных бумаг и невозможность их индивидуализации.

Учитывая определенную схожесть бездокументарных ценных бумаг и цифровых прав, следует отметить, что при разработке способа защиты цифровых прав следует принять во внимание уже имеющийся опыт защиты прав владельцев бездокументарных ценных бумаг.

Итак, цифровое право является абсолютным правом, охраняемым от всех иных лиц, даже в случае нахождения его у третьего лица, не являющегося нарушителем права, что, вместе с тем, напоминает конструкцию права собственности. В связи с этим эффективным способом защиты права будет являться способ, построенный по модели виндикационного иска. Ее адаптация к цифровым правам представляется логичным развитием цивилистической доктрины, направленным на заполнение существующего пробела в системе защиты цифровых прав.

Признание необходимости специального способа защиты логически вытекает из выявленной ранее недостаточности традиционных гражданско-правовых инструментов. Однако его разработка требует принципиально иного подхода, отличного от вещно-правовой модели. Ключевым отличием и основой предлагаемого механизма является то, что защита цифрового права должна быть направлена не на возврат объекта, а на восстановление его формального признания системой – легитимационной записи в информационной системе.

В данном случае кажется логичным защищать нарушенные цифровые права посредством предъявления *иска о признании цифрового права*. Ответчиком будет выступать лицо, являющееся предполагаемым участником спорного правоотношения.

При рассмотрении исков о признании права суд устанавливает принадлежность права лицу, обратившемуся за защитой:

- 1) определяет основания возникновения цифрового права (например, приобретение его у другого лица);
- 2) устанавливает, существуют ли эти права на момент разбирательства;
- 3) устанавливает, кому принадлежит цифровое право – истцу или текущему обладателю.

В данном случае возникла коллизия между записью о принадлежности права и фактической принадлежностью права. Для защиты прав законного обладателя цифрового права суд должен привести формальность (легитимационную запись) в соответствие с действительностью.

По результатам рассмотрения дела суд должен прийти к выводу об обоснованности изменения легитимационной записи в информационной системе относительно цифровых прав в части их принадлежности или об отсутствии оснований для ее изменения.

В случае отсутствия правового основания для изменения записи суд делает вывод о том, что цифровые права должны были продолжать принадлежать их законному обладателю и подтверждаться легитимационной записью. При

применении такого способа защиты прав как признание цифрового права суд констатирует факт принадлежности цифрового права его законному обладателю.

Ученый Д. А. Федоров полагает, что признание права является первичным и универсальным способом защиты, применимым и к цифровым правам для устранения неопределенности в правообладании²⁶⁴. Он предлагает дополнить ст. 141.1 ГК РФ положением, закрепляющим возможность защиты цифровых прав, в частности, путем предъявления требования о признании права к лицу, которое его оспаривает или препятствует его осуществлению.

Вместе с тем для защиты цифрового права суд должен не только констатировать факт принадлежности цифрового права истцу, но и лишить ответчика, формально являющегося обладателем цифрового права, данного цифрового права, чтобы признать цифровое право за истцом. Иск о признании права лишь констатирует факт принадлежности права, но не восстанавливает нарушенное положение, поскольку не позволяет изменять легитимационную запись в информационной системе. Это создает риск неисполнимого или формального судебного акта, который не восстанавливает управомоченное лицо в его правах.

Л. Ю. Василевская приходит к выводу, что подтверждение факта существования правоотношения является лишь одним из аспектов, который требуется установить при разбирательстве дела. Но признание права не позволит восстановить нарушенное право, в связи с чем не может выступать способом защиты цифровых прав²⁶⁵. Автор обосновывает необходимость разработки специальных оснований для привлечения к ответственности за нарушение цифровых прав, учитывающих абсолютный характер нарушения самого цифрового права²⁶⁶.

²⁶⁴ Федоров Д. А. Признание права как способ защиты цифровых прав // Теория и практика общественного развития. 2025. № 11. С. 295.

²⁶⁵ Василевская Л. Ю. Иск о признании права: проблемы юридической квалификации [Электронный ресурс] // Право и бизнес: сб. статей I ежегодной Междунар. науч.-практ. конф., приуроченной к 80-летию со дня рождения профессора В. С. Мартемьянова / под ред. И. В. Ершовой. М., 2012 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁶⁶ Василевская Л. Ю. Деликтная ответственность за нарушение цифровых прав: проблемы и перспективы развития // Гражданское право. 2024. № 2. С. 2.

Действительно, защита цифрового права, в частности, его восстановление, осуществляется путем лишения цифрового права лица, которое формально (согласно легитимационной записи в информационной системе) является обладателем цифрового права, и признания цифрового права за его действительным обладателем.

Предлагаемый механизм, формально схожий с признанием права, по своей юридической сущности выходит за его рамки. Его содержание заключается не в констатации существующей неопределенности, а в активном восстановлении status quo, нарушенного неправомерными действиями. Следовательно, вероятно, что корректная юридическая квалификация данного способа защиты – это не признание права, а *восстановление положения, существовавшего до нарушения права*.

В отличие от иска о признании права иск о восстановлении положения, существовавшего до нарушения права, предъявляется не к предполагаемому контрагенту признаваемого правоотношения, а к лицу, совершившему неправомерное действие.

При применении данного способа защиты рассмотрению правоприменителем также подлежит вопрос о том, подлежит ли нарушенное право восстановлению или нет. Таким образом, к ранее указанным трем положениям, устанавливаемым судом при рассмотрении требования о признании цифрового права, добавляется также четвертое – само восстановление нарушенного права.

Как указано выше, субъект цифрового права обладает возможностью распоряжаться этим правом в соответствующей информационной системе. Легитимационное значение, таким образом, приобретают знаки, идентифицирующие лицо в информационной системе в качестве субъекта распоряжения цифровым правом.

В данном случае защита цифрового права осуществляется путем аннулирования в информационной системе новой легитимационной записи в отношении цифрового права и восстановления прежней легитимационной записи.

Информационная система отдаленно подобна системе регистрации прав на недвижимые вещи. Однако ведение такой системы, в зависимости от ее типа, осуществляют операторы (для учета цифровых прав) или цифровые депозитарии (для учета цифровых валют и прав). На этих профессиональных участников возложены функции по идентификации пользователей, ведению реестра транзакций, а также по обеспечению достоверности и актуальности записей.

Так, пункт 6 части 15 статьи 6 Закона о цифровых валютах и цифровых правах предусматривает зачисление цифровых прав на основании вступившего в законную силу судебного акта, исполнительного документа, актов других органов и должностных лиц как исключение из общего порядка²⁶⁷. Кроме того, в переходный период (до 1 сентября 2028 года) сохраняет действие ч. 2 ст. 6 Закона о ЦФА, которая прямо обязывает оператора информационной системы вносить изменения в записи о ЦФА на основании вступившего в законную силу судебного акта²⁶⁸.

Данная особенность коррелирует с выводами Н. С. Бочаровой о том, что распределенные информационные системы исключают наличие посредника, что создает некоторые сложности для защиты цифровых прав в традиционных формах защиты. Однако, как отмечает исследователь, в российских реалиях оператор выступает необходимым участником процесса, поскольку без его действий невозможно исполнение судебного акта²⁶⁹.

Природа цифровых прав обуславливает особую роль оператора информационной системы и цифрового депозитария. Поскольку именно они обладают исключительной технической возможностью вносить (изменять) запись о цифровых правах, их отсутствие в процессе создает существенный риск неисполнения судебного решения. Более того, указанные субъекты несут обязанность по обеспечению достоверности записей и поддержанию их в

²⁶⁷ О цифровых валютах и цифровых правах: Федеральный закон от 04.08.2026 № 282-ФЗ // Российская газета. 2026. № 178–179.

²⁶⁸ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Российская газета. 2020. № 173.

²⁶⁹ Бочарова Н. С. Защита цифровых прав. М.: Зерцало-М. 2022. С. 4.

актуальном состоянии. Эта особенность защиты цифровых прав обусловлена спецификой цифрового права, в частности, особенностями его возникновения, осуществления и оборота (определяемых правилами информационной системы).

В случае утраты легитимационной записи возникает коллизия между формальной записью в системе и действительным правовым состоянием цифрового права. Для ее разрешения оператор или цифровой депозитарий должны быть участниками дела, но их процессуальная роль требует уточнения.

Частноправовой статус оператора и цифрового депозитария не освобождает их от обязанности исполнения судебного акта, однако создает риски, связанные с необходимостью применения механизма принудительного исполнения, что обуславливает временные издержки и снижение оперативности защиты нарушенного права.

С процессуальной точки зрения привлечение данных субъектов к участию в деле позволяет достичь нескольких важных целей, в частности, обеспечить полноту судебного разбирательства за счет участия всех заинтересованных сторон, исключить необходимость отдельного производства для принуждения к исполнению решения, создать эффективный механизм реализации судебных актов.

Материально-правовые основания для их участия в деле вытекают из их особого статуса. Так, оператор и цифровой депозитарий осуществляют контрольные функции за оборотом цифровых прав, несут ответственность за достоверность информации.

Особое значение участие оператора и цифрового депозитария в деле приобретает при защите добросовестных приобретателей. Располагая полной информацией о цепочке транзакций, указанные субъекты могут подтвердить или опровергнуть добросовестность приобретения, предоставить данные о соблюдении процедур проверки, доказать наличие/отсутствие оснований для восстановления прав.

Особенность субъектного состава участников дела выступает ключевым критерием, исключающим отнесение данного механизма к иску о восстановлении положения, существовавшего до нарушения права. Классический иск данной

категории предполагает отношения исключительно между обладателем и нарушителем, тогда как защита цифрового права требует участия третьего лица – оператора или цифрового депозитария, который не является ни нарушителем, ни стороной в материальном правоотношении, но без чьего участия невозможно реальное восстановление права.

Исполнение решения суда о восстановлении положения, существовавшего до нарушения права, осуществляется путем совершения действий самим нарушителем либо принудительного исполнения через службу судебных приставов. Исполнение решения суда о защите цифрового права требует технических действий в информационной системе, которые может совершить только оператор или цифровой депозитарий этой системы. Ни судебный пристав, ни сам нарушитель не могут внести изменения в информационную систему. Это требует специального механизма взаимодействия суда и оператора или цифрового депозитария информационной системы, а также закрепления их обязанности исполнять судебные акты, что выходит за рамки классического иска о восстановлении положения.

Иск о восстановлении положения защищает относительные или абсолютные права, но всегда предполагает возврат к исходному состоянию. В случае цифровых прав это невозможно в силу самой природы объекта: цифровое право не является неизменным, оно может быть разделено, преобразовано, передано добросовестному приобретателю. Иск о восстановлении цифрового права направлен не на возврат к абстрактному «исходному состоянию», а на приведение формальной легитимации в соответствие с действительным правовым состоянием цифрового права, что является более узкой и конкретной задачей, учитывающей специфику цифровой среды.

Классический иск о восстановлении положения не требует специальных процессуальных механизмов – он реализуется в рамках общего искового производства. Иск о защите цифрового права требует специальных процессуальных гарантий: обязательное участие оператора или цифрового

депозитария информационной системы в деле и особый порядок исполнения судебного акта.

Таким образом, классический иск о восстановлении положения, существовавшего до нарушения права, и иск о защите цифрового права являются различными по своей правовой природе способами защиты. Классический иск не может быть применен к цифровым правам ввиду необходимости участия оператора или депозитария информационной системы, невозможности возврата к исходному состоянию в силу построения на основании алгоритма, а также отсутствия специальных процессуальных гарантий.

Другой подход к обеспечению исполнимости требований о защите цифровых прав предлагает Е. С. Цветкова. Исследователь обращает внимание на потенциал нотариальной формы охраны прав, отмечая, что «в соответствии со ст. 90 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате нотариальные договоры являются основанием для бесспорного совершения исполнительной надписи нотариуса»²⁷⁰. Таким образом, в случае неисполнения обязательств по договору заинтересованная сторона может во внесудебном порядке получить исполнительный документ. Применительно к цифровым правам автор предлагает, чтобы «в исполнительном документе должен быть указан специальный код, идентифицирующий данные о цифровом активе», что должно найти отражение в Регламенте совершения нотариальных действий²⁷¹. Данный подход позволяет обеспечить оперативное восстановление прав без длительных судебных процедур, что особенно ценно в быстро меняющейся цифровой среде.

Установленная специфика субъектного состава, объекта защиты и роли оператора информационной системы свидетельствует не просто о технической модификации известных способов защиты, а о возникновении синтетического правового инструментария, адекватного природе цифровых прав. С одной стороны, его целевая направленность на восстановление нарушенного права законного обладателя путем исправления записи в реестре сближает его по функциональному

²⁷⁰ Цветкова Е. С. Нотариальная охрана цифровых прав участников корпораций // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 11. С. 159.

²⁷¹ Цветкова Е. С. Там же. С. 160.

назначению с виндикацией. С другой стороны, кардинальное отличие объекта (его нематериальность), а также комплексный характер требований (как к нарушителю, так и к оператору или депозитарию) не позволяют рассматривать его в качестве виндикационного иска в классическом понимании.

Следовательно, наиболее подходящим с учетом всех особенностей цифровых прав представляется требование, направленное на приведение записи в информационной системе в соответствие с действительным правовым состоянием цифрового права. Содержание данного требования сводится к внесению (изменению) записи в информационную систему, в связи с чем требование не является виндикационным требованием, а является требованием особого рода, содержание и природа которого требуют дополнительного изучения.

Итак, учитывая, что запись в информационной системе не соответствует действительному правовому состоянию, суд в данном случае устраняет возникшую коллизию – приводит легитимационную запись в информационной системе в соответствие с реальностью.

Т. В. Дерюгина, исследуя возможность применения виндикации к цифровым объектам, приходит к выводу, что, несмотря на невозможность прямого применения виндикации, «виндикационная модель как модель восстановления абсолютного права вполне применима к цифровым объектам»²⁷². Автор обосновывает необходимость легализации общей нормы, направленной на восстановление любого абсолютного права, независимо от его вида, что полностью коррелирует с предложением о введении иска о внесении (изменении) записи в информационную систему.

Иск подлежит удовлетворению в случае, если легитимационная запись в информационной системе не соответствует действительному правовому состоянию (в том числе, когда обладатель формально утратил цифровое право либо в отношении его права внесена запись об обременении, не соответствующая действительности).

²⁷² Дерюгина Т. В. К проблеме виндикации как способа защиты прав на цифровые и некоторые иные нематериальные объекты // Цивилист. 2025. № 3. С. 39.

Такой иск удовлетворяется при наличии следующих условий:

1) истец доказал наличие у него материально-правового основания обладания цифровым правом, а также то обстоятельство, что запись в информационной системе не соответствует действительности;

2) установлено, что несоответствие записи действительному правовому состоянию возникло помимо воли истца (в результате неправомерных действий третьих лиц, технической ошибки, ошибочных действий оператора либо иных обстоятельств);

3) в отношении лица, которое формально (согласно записи) является обладателем цифрового права либо в пользу которого установлено обременение, установлена недобросовестность, либо, если недобросовестность не установлена, установлено, что соответствующее право или обременение приобретено безвозмездно, либо выбыло из обладания истца против его воли.

Субъектный состав по данному иску имеет существенную особенность. Ответчиком выступает лицо, которое формально (согласно легитимационной записи) является обладателем цифрового права либо в пользу которого установлено обременение. Вместе с тем, учитывая, что внесение изменений в информационную систему возможно исключительно силами оператора (или цифрового депозитария), указанное лицо привлекается к участию в деле в качестве лица, без участия которого невозможно исполнение судебного акта. Процессуальная роль оператора (депозитария) не связана с наличием у него материально-правового интереса в исходе спора; его участие обусловлено исключительно технической необходимостью – только он обладает возможностью внести корректирующую запись в реестр.

В случае, если лицо, которому перешло цифровое право, неизвестно, иск предъявляется к оператору информационной системы. В таком случае оператор выступает в качестве ответчика, поскольку именно он ведет реестр и располагает информацией обо всех транзакциях. После установления лица, которому фактически перешло цифровое право, истец уточняет иски требования и

предъявляет их к надлежащему ответчику, а оператор привлекается к участию в деле как третье лицо.

В связи с невозможностью применения классической виндикации к цифровым правам ввиду их нематериальной природы, обоснованным представляется введение в гражданское законодательство нового способа защиты цифровых прав – иска о внесении (изменении) записи в информационную систему. Данный иск, сохраняя черты виндикационной модели (абсолютная защита, направленность против любого нарушителя), адаптирован к особенностям цифровых прав.

Принципиальные отличия иска о внесении (изменении) записи от классической виндикации проявляются по нескольким ключевым аспектам. В частности, по объекту защиты – так, виндикационный иск направлен на возврат конкретной индивидуально-определенной вещи, обладающей материальной формой, иск о внесении (изменении) записи направлен на приведение данных в информационной системе в соответствие с действительным состоянием прав. Поскольку цифровые права не обладают физической формой, их нельзя изъять в натуре – защита осуществляется через совершение записей в системе.

Также имеется существенное отличие по механизму исполнения судебного решения. При виндикации исполнение производится путем физического изъятия вещи у незаконного владельца и передачи ее законному собственнику, при удовлетворении иска о внесении (изменении) записи в информационной системе – оператор (цифровой депозитарий) соответствующей системы вносит соответствующую запись.

Также данные способы различаются по природе защищаемого права: виндикация защищает вещное право собственности на материальный объект, требование о внесении (изменении) записи защищает особое абсолютное право на нематериальный актив, существующий только в форме записи в информационной системе.

Указанные отличия подтверждают необходимость формирования специального правового режима защиты цифровых прав, который должен

учитывать их принципиально иную правовую и технологическую природу по сравнению с традиционными вещными правами.

Предложенный специальный способ защиты – внесение (изменение) записи в информационную систему – учитывает нематериальную природу цифровых прав. Основанием для предъявления иска является несоответствие легитимационной записи в информационной системе действительному правовому состоянию.

Содержанием является требование о внесении изменения в информационную систему путем совершения оператором (или цифровым депозитарием) корректирующей транзакции: восстановления легитимационной записи за законным обладателем с одновременным лишением цифрового права лица, которое формально (согласно легитимационной записи) является обладателем, либо аннулирования записи об обременении, не соответствующей действительности.

Для обеспечения практической реализации предлагаемого способа защиты необходимо детализировать процедуру его применения, которая включает следующие этапы.

На первом этапе лицо, чье право нарушено, обращается в суд с иском о внесении (изменении) записи. В исковом заявлении должны быть указаны идентификационные признаки цифрового, а также изложены обстоятельства, при которых возникло несоответствие записи действительному правовому состоянию. К иску прилагаются доказательства наличия материально-правового основания принадлежности (договор приобретения, выписка из реестра до нарушения, платежные документы, иные доказательства законности происхождения права). В случае, если лицо, которому перешло цифровое право, неизвестно, иск предъявляется к оператору информационной системы. После установления надлежащего ответчика истец уточняет исковые требования. К участию в деле привлекается оператор информационной системы (или цифровой депозитарий).

На втором этапе суд рассматривает дело по существу, устанавливая наличие у истца материально-правового основания, факт несоответствия легитимационной записи действительному правовому состоянию, обстоятельства возникновения

такого несоответствия, а также добросовестность или недобросовестность лица, которое формально (согласно записи) является обладателем цифрового права либо в пользу которого установлено обременение. Бремя доказывания законности приобретения цифрового права или законности обременения следует возложить на соответствующего ответчика. Если иск был предъявлен к оператору, суд устанавливает личность надлежащего ответчика на основании данных информационной системы, предоставленных оператором.

На третьем этапе при удовлетворении иска суд выносит решение, которым обязывает оператора информационной системы (или цифрового депозитария) привести легитимационную запись в соответствие с действительным правовым состоянием. В резолютивной части судебного акта должны быть указаны точные реквизиты цифрового права, позволяющие оператору однозначно идентифицировать подлежащее изменению цифровое право. Невозможность непосредственного применения вещно-правовой модели не означает невозможности идентификации цифрового права. Для целей судебной защиты цифровое право должно быть определено посредством реквизитов записи и иных сведений информационной системы.

На четвертом этапе оператор информационной системы (цифровой депозитарий) на основании вступившего в законную силу судебного акта вносит соответствующие изменения в информационную систему. Неисполнение или задержка исполнения судебного акта влечет ответственность оператора, включая возможность наложения судебного штрафа в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством, а также возмещение убытков, причиненных задержкой исполнения.

Одним из вопросов при введении механизма восстановления цифрового права является его совместимость с принципом неизменности блокчейна, который составляет архитектурную основу многих информационных систем, используемых для оборота цифровых прав.

Для разрешения этого вопроса необходимо провести разграничение информационных систем по их архитектуре. Операторы информационных систем

в Российской Федерации – это централизованные организации, включенные в реестр Банка России, которые несут ответственность за ведение реестра цифровых прав, валидацию транзакций и достоверность записей. Они обладают технической возможностью вносить изменения в информационную систему, включая корректирующие транзакции, на основании судебных актов. Это принципиальное отличие от децентрализованных блокчейн-систем, где отсутствует центральный администратор, а записи не подлежат изменению.

Использование распределенного реестра в российской модели направлено на обеспечение прозрачности и неизменности истории транзакций, но не исключает возможности внесения новых записей, в том числе корректирующих, на основании судебных актов.

Принцип неизменности блокчейна не нарушается, поскольку корректирующая транзакция вносится как новая запись в реестр, которая отражает изменение правообладания на основании судебного акта. Аннулирование записей в смысле их удаления из истории не происходит – история сохраняется, но на ее основании формируется актуальное состояние реестра с учетом судебного решения. Таким образом, достигается баланс между технической неизменностью блокчейна и юридической справедливостью (актуальное состояние реестра приводится в соответствие с действительностью).

В случае если цифровые права обращаются в полностью децентрализованных системах, не имеющих централизованного оператора, предлагаемый механизм неприменим. Однако такие системы не подпадают под действие российского законодательства о цифровых правах, поскольку для целей ст. 141.1 ГК РФ цифровые права существуют только в информационных системах, отвечающих установленным законом признакам, включая наличие оператора, идентификацию пользователей и централизованное ведение реестра.

Экстерриториальный характер нарушения также преодолевается через централизованную природу российской информационной системы, в которой цифровое право учитывается и обращается. Поскольку все операторы информационных систем (цифровые депозитарии), в которых осуществляется

выпуск и обращение цифровых прав в Российской Федерации, являются российскими юридическими лицами, а само цифровое право существует исключительно в рамках такой информационной системы, судебный акт подлежит исполнению оператором независимо от местонахождения нарушителя. Оператор на основании судебного акта вносит изменения в информационную систему без необходимости взаимодействия с нарушителем.

Этим правовой режим цифровых прав в Российской Федерации существенно отличается от правового режима токенов (криптовалют и пр.), основанного на анонимности и децентрализованности.

Введение специального способа защиты – иска о внесении (изменении) записи в информационную систему – позволяет преодолеть рассмотренные в настоящем исследовании проблемы путем создания комплексного механизма, учитывающего специфику цифровой среды. Суть данного способа заключается в приведении записи в информационной системе в соответствие с действительным правовым состоянием через совершение корректирующей транзакции оператором системы (цифровым депозитарием).

В связи с чем статью 141.1 ГК РФ следует дополнить пунктом 4 следующего содержания: «4. Если иное не установлено настоящим Кодексом, в случае неправомерного внесения в информационную систему записи о зачислении, списании цифрового права или иной записи, предусмотренной законом, либо неправомерного изменения такой записи в информационной системе лицо, право которого нарушено, вправе требовать внесения в информационную систему или изменения в информационной системе соответствующей записи о цифровом праве в судебном порядке.

Внесение (изменение) такой записи осуществляется оператором информационной системы или цифровым депозитарием на основании вступившего в законную силу судебного акта».

В контексте формирования правового режима цифровых прав особую актуальность приобретает вопрос защиты добросовестных приобретателей,

который базируется на фундаментальных принципах гражданского права, в частности на принципе защиты добросовестного участника оборота.

В условиях цифровой экономики значение этого принципа существенно возрастает в связи с характерными особенностями оборота цифровых активов: повышенной скоростью совершения сделок, технической сложностью верификации цепочки правообладания, а также необходимостью обеспечения стабильности и предсказуемости цифрового рынка.

В связи с чем является целесообразным дополнить ст. 141.1 ГК РФ пунктом 5 следующего содержания: *«5. Если цифровое право приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать, о чем приобретатель не знал и не должен был знать (добросовестный приобретатель), то законный обладатель цифрового права вправе требовать внесения (изменения) соответствующей записи в информационную систему только в случаях, когда цифровое право было утрачено им помимо воли или приобретатель получил его безвозмездно».*

В данном случае добросовестность приобретателя правоприменителю следует определять с учетом проведенной приобретателем проверки истории транзакций, соответствия цены рыночной стоимости, репутации платформы и контрагента и др.

Введение предложенного положения соответствует фундаментальным принципам гражданского права, его реализация будет способствовать формированию стабильного и предсказуемого правового режима оборота цифровых прав, что соответствует стратегическим задачам развития цифровой экономики Российской Федерации.

Конечно, нельзя не отметить, что учеными осуществляется поиск способов защиты в ситуациях, когда применение традиционных способов защиты затруднено. В этом контексте заслуживают внимания встречающиеся в научной литературе предложения о применении такого способа защиты цифровых прав, как *восстановление контроля над цифровыми правами*. В таком случае возврат цифрового права незаконным приобретателем в пользу правообладателя происходит не в результате аннулирования цепочки транзакций, вследствие

которых цифровое право оказалось во владении незаконного приобретателя, а в результате совершения новой транзакции – возврата цифрового права законному правообладателю²⁷³.

Данный иск также построен по виндикационной модели с фактической заменой терминологии и представляет собой вышеуказанный иск о восстановлении нарушенного цифрового права.

В научной литературе встречаются предложения создать новый способ защиты цифровых прав – *требование о возврате доступа к цифровому коду по виндикационной модели защиты нарушенных прав*. Ученые обосновывают необходимость создания нового способа невозможностью применения виндикации для защиты цифровых прав. Иск в таком случае предъявляется к оператору информационной системы. Повысить эффективность защиты права может принятие механизма принуждения оператора к исполнению вынесенного решения и установление ответственности за неисполнение²⁷⁴.

Такому требованию, как предоставление информации о логинах и паролях для доступа к аккаунту, дана оценка в судебной практике. Так, как отметил Одиннадцатый арбитражный апелляционный суд, если лицо считает себя собственником аккаунтов, оно должно защищать права на такие цифровые активы путем предъявления соответствующих исков в соответствии со ст. 12 ГК РФ (признание права и т. п.), а не путем иска о понуждении предоставления информации о логинах и паролях²⁷⁵.

Полагаем, что данное требование может быть заявлено в случае утраты цифрового права по причине технической ошибки – при этом само лицо устранить

²⁷³ Лескова Ю. Г., Ванин В. В. Правовосстановительные способы защиты корпоративных цифровых прав // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 7. С. 70; Кирсанова Е. Е. Правовое регулирование оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике: монография. М., 2022. С. 140.

²⁷⁴ Лоренц Д. В. Указ. соч.; Мурзин Д. В. Виндикационная модель защиты исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 2(32). С. 103; Павлова Д. А. Особенности осуществления цифровых прав // Юрист. 2023. № 3. С. 10.

²⁷⁵ По делу № А65-16901/2020: постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.05.2022 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 12.05.2024).

такую ошибку не может в отсутствие технической возможности. В таком случае оператор восстанавливает легитимационную запись за законным обладателем.

В современной юридической доктрине все чаще поднимается вопрос о необходимости введения специального механизма компенсации за нарушение цифровых прав, аналогичного существующему в сфере защиты интеллектуальной собственности. Как отмечает Д. Н. Кархалев, подобный подход обусловлен существенными сложностями в доказывании размера убытков, причиненных неправомерными действиями в отношении цифровых активов, а также особой экономической ценностью таких прав в глобальном цифровом пространстве²⁷⁶.

Особенности цифровых прав как объекта гражданского оборота создают некоторые проблемы при защите нарушенных интересов их обладателей. Высокая волатильность стоимости цифровых прав, отсутствие единообразных методик их оценки, трансграничный характер возможных нарушений – все эти факторы существенно затрудняют традиционный механизм возмещения убытков.

Вместе с тем установление единых фиксированных компенсационных сумм (в научной литературе предлагается от 100 тыс. до 100 млн руб.) для столь различных по природе и стоимости объектов нарушает фундаментальный принцип соразмерности гражданско-правовой ответственности. Фиксированные размеры компенсации игнорируют реальный размер причиненного вреда, создавая ситуации как необоснованного обогащения (когда компенсация многократно превышает стоимость утраченного актива), так и недостаточного возмещения. Введение фиксированных выплат создает новые риски злоупотреблений, в том числе рост числа недобросовестных исков с целью получения завышенных компенсаций.

Д. Н. Кархалев обосновывает необходимость введения компенсации за нарушение цифровых прав в размере от ста тысяч до ста миллионов рублей, тем, что «столь значительный объем санкций... обусловлен особой ценностью

²⁷⁶ Кархалев Д. Н. Цифровые права в гражданском обороте // Сибирское юридическое обозрение. 2022. № 2. С. 140.

цифровых активов в современном мире»²⁷⁷. Однако, как показано выше, такой подход не учитывает принцип соразмерности и создает риски злоупотреблений.

Размер компенсации должен определяться с учетом характера и масштаба нарушения, а также стоимости цифрового права. Для применения компенсации необходимо разработать четкие критерии определения ее размера, что может быть сложно в условиях разнообразия цифровых прав и их стоимости. Отсутствие таких критериев приведет к неоднозначности в судебной практике.

Таким образом, концепция фиксированных компенсаций за нарушения цифровых прав не соответствует принципам соразмерности и справедливости гражданско-правовой ответственности, создает риски для добросовестных участников оборота и не решает ключевую проблему доказывания размера ущерба.

Р. А. Курбанов и К. И. Налетов, обращая внимание на сложность доказывания наличия фактических убытков (в частности, причинно-следственной связи между действиями оператора и наступившими последствиями), предлагают использовать институт indemnity, предусмотренный статьей 406.1 ГК РФ – возмещение имущественных потерь, не связанных с нарушением обязательства стороной. При этом размер indemnity может быть установлен законодателем²⁷⁸.

В отличие от убытков, возмещение потерь по правилам ст. 406.1 ГК РФ осуществляется вне зависимости от наличия нарушения²⁷⁹. Единственным аргументом в пользу использования института indemnity для защиты цифровых прав может быть довод о практических сложностях взыскания убытков ввиду сложности их доказывания и повышенных требованиях, предъявляемых к оператору.

²⁷⁷ Кархалев Д. Н. Цифровые права в гражданском обороте // Сибирское юридическое обозрение. 2022. № 2. С. 140.

²⁷⁸ Курбанов Р. А., Налетов К. И. Статус оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов // Журнал российского права. 2022. № 12. С. 45–57.

²⁷⁹ О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 22.06.2021) // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 2016. № 5.

Институт индемнити предполагает возмещение потерь без доказательства нарушения обязательств, что может привести к необоснованным выплатам. Это создает финансовые риски для операторов, особенно в случаях, когда потери возникли не по их вине. Установление справедливого размера индемнити требует учета множества факторов, таких как стоимость цифрового права, масштаб потерь и финансовые возможности оператора, что представляется затруднительным в условиях разнообразия цифровых прав.

Итак, действующее гражданское законодательство не содержит специальных способов защиты цифровых прав и основывается на традиционных способах. Вещно-правовые способы защиты (виндикация) неприменимы к защите цифровых прав в силу их нематериальной природы и невозможности индивидуализации. Возмещение вреда в натуре применимо лишь в определенных условиях, в частности, при наличии цифрового права у причинителя вреда. Возмещение убытков, будучи универсальным способом, не всегда соответствует интересам потерпевшего, так как не обеспечивает восстановления именно цифрового права, а лишь компенсирует его стоимость, определение которой часто затруднительно.

Ключевой проблемой является отсутствие в действующем законодательстве способа защиты прав, направленного на внесение (изменение) записи в информационную систему для приведения ее в соответствие с действительным правовым состоянием, что создает существенный пробел в защите прав участников гражданского оборота.

Обоснованным представляется введение в гражданское законодательство нового способа защиты цифровых прав – внесения (изменения) записи в информационную систему. Содержание данного способа состоит в приведении записи о цифровом праве, содержащейся в информационной системе, в соответствие с действительным состоянием цифрового права путем внесения профессиональным участником оборота (оператором информационной системы или цифровым депозитарием) корректирующей записи на основании вступившего в законную силу судебного акта.

Применение данного способа защиты возможно как в случае утраты обладателем цифрового права легитимационной записи (несоответствия записи о принадлежности цифрового права действительному правообладанию), так и в случае внесения в информационную систему записи об обременении цифрового права при отсутствии правового основания. В первом случае внесение корректирующей записи влечет восстановление легитимационной записи за законным обладателем с одновременным лишением цифрового права лица, которое формально (согласно легитимационной записи) является его обладателем; во втором – аннулирование (изменение) записи об обременении, не соответствующей действительности, без лишения кого-либо цифрового права.

Предлагаемый способ защиты, сохраняя черты виндикационной модели (абсолютная защита, направленность против любого нарушителя), адаптирован к особенностям цифровых прав. Его принципиальные отличия от классической виндикации проявляются по объекту защиты (виндикация направлена на возврат индивидуально-определенной вещи, предлагаемый способ – на приведение данных в информационной системе в соответствие с действительным состоянием прав), по механизму исполнения судебного решения (при виндикации – физическое изъятие вещи, при предлагаемом способе – внесение корректирующей записи оператором или цифровым депозитарием), по природе защищаемого права (виндикация защищает вещное право, предлагаемый способ – особое абсолютное право на нематериальный актив).

Введение специального способа защиты цифровых прав имеет принципиальное значение для развития цивилистической доктрины и системы гражданско-правового регулирования. Принятие соответствующей законодательной новеллы позволит преодолеть существующую в науке дискуссию о возможности применения виндикации к цифровым правам, а также устранил необходимость их искусственного подведения под классическую конструкцию вещных прав. Формирование самостоятельного механизма защиты, учитывающего нематериальную природу и технологические особенности цифровых активов, снимет проблему их теоретической квалификации, поскольку вопрос о

допустимости виндикационного иска утратит свою актуальность в условиях наличия специального правового инструментария.

Особого внимания заслуживает вопрос защиты добросовестных приобретателей цифровых прав, который должен решаться с учетом баланса интересов участников оборота. Анализ показывает, что в данном случае целесообразно применение по аналогии правил ст. 302 ГК РФ с учетом специфики цифровой среды, в частности необходимости оценки добросовестности приобретателя через призму проведенной им проверки соответствия цены рыночной стоимости и иных значимых обстоятельств.

Проведенное в настоящей главе исследование способов защиты цифровых прав субъектов гражданского оборота позволило сформулировать следующие выводы, обладающие теоретической и практической значимостью для развития цивилистической доктрины и совершенствования правового регулирования.

Анализ эволюции способов защиты гражданских прав в историко-правовом контексте показал, что в дореволюционном законодательстве отсутствовала систематизированная регламентация данных способов, что отражалось и в доктринальных подходах. Лишь в советский период с принятием Основ гражданского законодательства и ГК РСФСР 1964 г. был закреплён общий перечень способов защиты, что придало новый импульс для их научного осмысления.

В современной цивилистике отсутствует единое понимание категории «способ защиты цифровых прав», однако наиболее обоснованным представляется его определение как предусмотренной законодательством и применяемой субъектами гражданского оборота в установленной законом форме меры, направленной на приведение формальной легитимации (отраженной в информационной системе) в соответствие с действительным правообладанием.

Цифровые права как новый объект гражданских правоотношений обладают уникальными особенностями, включая двойственную правовую природу (абсолютный характер защиты самого цифрового права как формализованной записи в информационной системе и относительную природу включенных в него

обязательственных и корпоративных прав), существование исключительно в цифровой среде (в информационных системах операторов или цифровых депозитариев), алгоритмический порядок осуществления прав, определяемый правилами информационной системы, аутентификацию управомоченного лица посредством обладания уникальным ключом доступа к адресу-идентификатору, а также наличие записи в информационной системе, имеющей легитимационное значение (обладателем цифровых прав признается лицо, по цифровому счету которого внесена приходная запись). Эти особенности в совокупности обуславливают необходимость разработки специального способа защиты, учитывающего нематериальную природу цифровых прав и специфику их существования и оборота в информационной системе.

Действующее гражданское законодательство не содержит специальных способов защиты цифровых прав и основывается на традиционных способах. Существенным результатом исследования является вывод о недостаточности традиционных способов защиты для защиты самого цифрового права. Нематериальная природа цифрового права, невозможность его индивидуализации по модели вещи, алгоритмический порядок осуществления, опосредованность легитимационной записью и аутентификацией через ключ доступа – все эти особенности в совокупности исключают применение виндикации, делают возмещение вреда в натуре возможным лишь в ограниченных случаях, возмещение убытков – не всегда соответствующим интересам потерпевшего, поскольку не обеспечивает восстановления самого цифрового права. Указанное обуславливает наличие в действующем законодательстве пробела, который не может быть восполнен в рамках существующей системы способов защиты.

Обосновано, что восполнение указанного пробела возможно путем введения в гражданское законодательство нового способа защиты цифровых прав – внесения (изменения) записи в информационную систему. Содержание данного способа состоит в приведении записи о цифровом праве, содержащейся в информационной системе, в соответствие с действительным состоянием цифрового права путем внесения профессиональным участником оборота (оператором информационной

системы или цифровым депозитарием) корректирующей записи на основании вступившего в законную силу судебного акта.

Совершенствование правового регулирования способов защиты цифровых прав предполагает внесение изменений в гражданское законодательство, в частности дополнение ст. 141.1 ГК РФ положениями о праве обладателя цифрового права на внесение (изменение) записи в информационной системе на основании вступившего в законную силу судебного акта (п. 4), а также о защите добросовестного приобретателя цифрового права (п. 5). Предлагаемая редакция п. 4 ст. 141.1 ГК РФ сформулирована таким образом, что внесение (изменение) записи осуществляется в случае несоответствия записи о цифровом праве в информационной системе действительному правовому состоянию цифрового права.

Таким образом, формирование нового способа защиты цифровых прав – внесения (изменения) записи в информационную систему – позволит создать эффективный механизм защиты, соответствующий потребностям цифровой экономики, обеспечит стабильность оборота цифровых прав и защиту прав добросовестных участников. Данные меры соответствуют стратегическим задачам развития гражданского права в условиях цифровизации и требуют дальнейшей теоретической разработки и законодательного закрепления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное комплексное исследование правовой защиты цифровых прав субъектов гражданского оборота позволило сформулировать ряд принципиально новых теоретических положений и практических рекомендаций, вносящих существенный вклад в развитие науки гражданского права в условиях цифровой трансформации экономических отношений.

В ходе исследования установлено, что исторически в правовой доктрине шел поиск новых способов защиты гражданских прав, что было обусловлено постоянными изменениями системы гражданско-правового регулирования, отражающими соответствующие тенденции в развитии гражданских правоотношений. Современный этап становления доктрины защиты гражданских прав в России характеризуется переходом к цифровой экономике, т. е. внедрением цифровых технологий во все сферы жизни общества и государства. В настоящее время одним из новых направлений цивилистической доктрины в условиях появления совершенно новых объектов гражданских прав становится поиск эффективных способов защиты цифровых прав.

Подтвержденная в результате проведенного исследования преемственность цивилистической доктрины обеспечила ее внутреннюю устойчивость и стабильность, а также обусловила внутреннее единство историко-правового опыта, научного осмысления актуального состояния правовой действительности.

В рамках настоящего исследования проведен концептуально-правовой анализ существующих понятий «цифровые права», разработана и предложена авторская дефиниция последних, учитывающая частноправовую характеристику и технологическую специфику развития цифровых прав.

Установлено, что цифровые права представляют собой комплексный правовой феномен, который может быть рассмотрен в единстве взаимосвязанных

проекций: публично-правовой, образуемой международными и национальными декларативными нормами, нормами-принципами и нормами-целями, закрепляющими фундаментальные права человека в цифровой среде; законодательной, охватывающей имущественные права (обязательственные, корпоративные и иные), прямо поименованные законом в качестве цифровых прав (ст. 141.1 ГК РФ); технико-юридической, характеризующей цифровые права как способ фиксации и удостоверения указанных прав посредством уникальных цифровых кодов в информационной системе. При этом законодательная и технико-юридическая проекции находятся в неразрывном единстве: имущественное право, поименованное в законе в качестве цифрового, существует в обороте исключительно в форме легитимационной записи в информационной системе, в связи с чем защита такого права оказывается невозможной без защиты самой записи. Указанное единство предопределяет необходимость специального способа защиты цифровых прав.

К особенностям цифровых прав относятся наличие записи в информационной системе, имеющей легитимационное значение; выпуск и обращение цифровых прав в информационной системе по правилам этой системы; алгоритмический (определяемый правилами информационной системы) порядок осуществления; аутентификация управомоченного лица посредством ключа доступа к адресу-идентификатору, обеспечивающая возможность распоряжения цифровым правом. Проанализированы существующие теоретико-правовые подходы к пониманию цифровых прав, а также законодательно закрепленные их виды, представлен их критический содержательный анализ.

По результатам проведенного анализа установлено, что защита цифровых прав субъектов гражданского оборота представляет собой деятельность управомоченного субъекта либо уполномоченных органов, осуществляемую в установленной законом форме с применением предусмотренных законом способов, с обязательным участием профессиональных участников оборота (оператора информационной системы или цифрового депозитария), обладающих технической возможностью внесения (изменения) записи в информационную

систему, направленную на устранение несоответствия между формальной легитимацией и действительным правовым состоянием цифрового права. Участие профессиональных участников оборота является обязательным признаком защиты самих цифровых прав и не является таковым применительно к защите имущественных прав, включенных в цифровое право, которая осуществляется традиционными способами без участия указанных субъектов.

Защита цифровых прав в Российской Федерации осуществляется в классических формах – юрисдикционной (судебной, административной, третейской) и неюрисдикционной (самозащита). При этом необходимо разграничивать самозащиту применительно к защите самого цифрового права и применительно к защите имущественных прав, включенных в цифровое право. В отношении самого цифрового права применение самозащиты ограничено технической невозможностью самостоятельного внесения (изменения) записи в информационную систему, в связи с чем самозащита в отношении самого цифрового права сводится к одностороннему отказу от договора.

Установлено, что способ защиты цифровых прав субъектов гражданского оборота – это предусмотренная действующим законодательством и применяемая субъектами гражданского оборота в установленной законом форме мера, направленная на приведение формальной легитимации (отраженной в информационной системе) в соответствие с действительным правообладанием, в том числе посредством лишения цифрового права лица, которое формально (согласно легитимационной записи) является обладателем цифрового права, либо аннулирования (изменения) записи об обременении цифрового права, не соответствующей действительности. Лишение цифрового права формального обладателя является одним из возможных последствий применения способа защиты, но не его обязательным элементом.

В рамках настоящего исследования рассмотрены способы защиты самого цифрового права и имущественных прав, включенных в цифровое право. Имущественные права (обязательственные и корпоративные), включенные в цифровое право, являются давно известными гражданскому праву видами прав и

подлежат защите традиционными способами, применимыми для защиты обязательственных и корпоративных прав. Модель правового регулирования защиты цифровых прав предполагает сочетание традиционных способов (для защиты включенных прав) и специального способа (для защиты самого цифрового права как легитимационной записи). Обеспечение правовой определенности и согласованности между цифровой и материальной средой, защита добросовестных участников гражданских правоотношений возможны при условии закрепления приоритета сведений о правах требования, включенных в цифровое право, исполнение обязанностей по которым происходит вне информационной системы или инвестиционной платформы, который заключается в том, что такие сведения имеют приоритет перед сведениями об этих же правах требования, основанных на сделках, совершенных в иных формах, при условии, что сделка совершена позже, чем возникло цифровое право.

Исследование способов защиты самого цифрового права продемонстрировало недостаточность традиционных способов защиты прав для защиты цифровых прав ввиду их принципиально иной юридической природы, выражающейся в их нематериальности, отсутствии индивидуально-определенных характеристик и исключительной легитимации через формальные знаки в информационных системах. В настоящее время в законодательстве отсутствует способ защиты, направленный на приведение формальной легитимации (отраженной в информационной системе) в соответствие с действительным правовым состоянием цифрового права.

Центральным выводом исследования является обоснование необходимости формирования специального способа защиты цифровых прав – внесения (изменения) записи в информационную систему, который учитывает особенности цифровых прав. Содержанием вышеуказанного способа является приведение записи о цифровом праве, содержащейся в информационной системе, в соответствие с действительным состоянием цифрового права путем внесения профессиональным участником оборота (оператором информационной системы

или цифровым депозитарием) корректирующей записи на основании вступившего в законную силу судебного акта.

Для реализации данного способа защиты предложено дополнить статью 141.1 ГК РФ пунктом 4, закрепляющим право лица, право которого нарушено, в случае неправомерного внесения в информационную систему записи о зачислении, списании цифрового права или иной записи, предусмотренной законом, либо неправомерного изменения такой записи в информационной системе требовать внесения в информационную систему или изменения в информационной системе соответствующей записи о цифровом праве в судебном порядке, при этом внесение (изменение) такой записи осуществляется оператором информационной системы или цифровым депозитарием на основании вступившего в законную силу судебного акта, и пунктом 5, устанавливающим, что если цифровое право приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать, о чем приобретатель не знал и не должен был знать (добросовестный приобретатель), законный обладатель цифрового права вправе требовать внесения (изменения) записи в информационную систему только в случаях, когда цифровое право было утрачено им помимо воли или приобретатель получил его безвозмездно.

Введение специального способа защиты цифровых прав имеет принципиальное значение для развития цивилистической доктрины и системы гражданско-правового регулирования. Формирование самостоятельного механизма защиты, учитывающего технические особенности цифровых прав, снимет проблему их теоретической квалификации, поскольку вопрос о допустимости применения вещных способов защиты прав утратит свою актуальность в условиях наличия специального правового инструментария.

Реализация предложенных мер будет способствовать формированию эффективного механизма защиты цифровых прав, соответствующего потребностям цифровой экономики, обеспечению стабильности их оборота и защите прав добросовестных участников. Это соответствует стратегическим задачам развития гражданского права в условиях цифровизации и требует дальнейшей теоретической разработки и законодательного закрепления.

Проведенное исследование вносит вклад в развитие цивилистической доктрины, расширяя понимание правовой природы цифровых прав и механизмов их защиты, а также предлагает конкретные решения для совершенствования законодательства, что имеет важное значение для правоприменительной практики и развития цифровой экономики в Российской Федерации.

Предмет настоящего диссертационного исследования не исчерпывается выдвинутыми положениями на защиту, а является результатом комплексного анализа правовых норм в области защиты цифровых прав. С учетом актуальности вопроса о создании эффективного правового механизма защиты цифровых прав следует отметить, что выводы, полученные в рамках настоящего исследования, являются основой для дальнейших научных исследований, в том числе в области способов защиты цифровых прав.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты Российской Федерации

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] – Режим доступа URL: <http://www.pravo.gov.ru>. Дата опубликования: 04.07.2020.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Российская газета. – 2002. – № 137.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Российская газета. – 1994. – № 238–239.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Российская газета. – 2002. – № 220.
5. О валютном регулировании и валютном контроле : Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Российская газета. – 2003. – № 253.
6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 11.03.2024 № 45-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Российская газета. – 2024. – № 54.
7. О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ // Российская газета. – 2019. – № 60.
8. О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Российская газета. – 2019. – № 172.

9. О цифровых валютах и цифровых правах: Федеральный закон от 04.08.2026 № 282-ФЗ // Российская газета. – 2026. – № 178–179.

10. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Российская газета. – 2020. – № 173.

11. Об организованных торгах : Федеральный закон от 21.11.2011 № 325-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Российская газета. – 2011. – № 266с.

12. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 26.06.2026) // Российская газета. – 2006. – № 165.

13. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма : Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Российская газета. – 2001. – № 151–152.

14. О рынке ценных бумаг : Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Российская газета. – 1996. – № 79.

15. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 // Российская газета. – 2024. – № 100.

16. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145 // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 10, ст. 1373.

17. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 20, ст. 2901.

18. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208 // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 20, ст. 2902.

Законопроекты, проекты нормативных правовых актов и исторические правовые источники

19. О внесении изменений в Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: проект Федерального закона № 540256-8 // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. – URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/540256-8> (дата обращения: 20.07.2025). – Текст : электронный.

20. О цифровых финансовых активах: проект Федерального закона № 419059-7 : ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 22.05.2018 // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7> (дата обращения: 23.02.2026). – Текст : электронный.

21. О внесении изменений в статью 1225 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (в части расширения перечня охраняемых результатов интеллектуальной деятельности в виде невзаимозаменяемых токенов): проект Федерального закона № 126586-8 // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/126586-8> (дата обращения: 25.05.2024). – Текст : электронный.

22. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (об установлении ответственности за нарушения законодательства о цифровых правах): проект Федерального закона № 149255-8 // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/149255-8> (дата обращения: 22.08.2024). – Текст : электронный.

23. О порядке определения совокупной стоимости в денежном эквиваленте цифровых валют, приобретенных и приобретаемых по поручению

резидента, не являющегося квалифицированным инвестором, через брокера в течение календарного года, предельной сумме совокупной стоимости в денежном эквиваленте цифровых валют, приобретенных и приобретаемых по поручению резидента, не являющегося квалифицированным инвестором, через брокера в течение календарного года, перечне цифровых валют, которые организатор торговли вправе допустить к публичному обращению на организованных торгах, порядке определения рыночной капитализации цифровых валют, которые организатор торговли вправе допустить к публичному обращению на организованных торгах, порядке определения среднедневного объема торгов цифровыми валютами, которые организатор торговли вправе допустить к публичному обращению на организованных торгах, и порядке определения среднего объема торгов по сделкам с цифровыми валютами у иностранного организатора торговли» : проект указания Банка России // Официальный сайт Банка России. URL: <https://www.cbr.ru/Queries/XsltBlock/File/90538/6809> (дата обращения: 01.09.2026). – Текст : электронный.

24. Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик : Закон СССР от 08.12.1961 // Ведомости ВС СССР. – 1961. – № 50, ст. 525.

25. Свод Законов Российской Империи. Т. X, ч. 1. Официальное издание 1900 г. – СПб.: издание Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1900. – 575 с.

Нормативные правовые акты, судебная практика и иные материалы зарубежных государств. Международные стандарты

26. Об электронной регистрации акций и облигаций : Закон Республики Корея от 22.03.2016 № 14096 // Официальный сайт Корейского института исследований законодательства. – URL: https://elaw.klri.re.kr/eng_mobile/viewer.do?hseq=38455&type=part&key=23 (дата обращения: 20.02.2026). – Текст : электронный.

27. О защите прав пользователей цифровых активов : Закон Республики Корея от 18.07.2023 № 19563 // Официальный сайт Корейского института исследований законодательства. – URL: https://elaw.klri.re.kr/kor_service/lawView.do?hseq=63752&lang=KOR (дата обращения: 23.02.2026). – Текст : электронный.

28. Об изменении Закона «О содействии использованию сетей связи и защите информации» : Закон Республики Корея № 21305 : принят 2026 г. // Digital Policy Alert. – 2026. – URL: <https://digitalpolicyalert.org/change/17749-user-objection-rights-and-media-protection-in-act-on-promotion-of-information-and-communications-network-utilization-and-information-protection-etc-act-no-21305> (дата обращения: 20.02.2026). – Текст : электронный.

29. The Genius Act, S. 1582, 119th Cong. // Congress.gov. – 2023. – URL: <https://www.congress.gov/bill/119th-congress/senate-bill/1582> (дата обращения: 20.07.2025). – Текст : электронный.

30. ByBit Fintech Ltd v. Ho Kai Xin : решение Высокого суда Республики Сингапур от 25.07.2023 по делу № 276 URL: https://www.elitigation.sg/gd/s/2023_SGHC_199 (дата обращения: 07.07.2024). – Текст : электронный.

31. CLM v. CLN and others : решение Высокого суда Республики Сингапур от 28.02.2022 по делу № 6. – URL: https://www.elitigation.sg/gd/s/2022_SGHC_46 (дата обращения: 07.07.2024). – Текст : электронный.

32. Janesh s/o Rajkumar v. Unknown Person: решение Высокого суда Республики Сингапур от 29.09.2022 по делу № 1414. – URL: https://www.elitigation.sg/gd/s/2022_SGHC_264 (дата обращения: 07.07.2024). – Текст : электронный.

33. National Provincial Bank v. Ainsworth: House of Lords, 13 May 1965 // Official Law Reports: Appeals Cases. – 1965. – Vol. 1965, No. 1. – P. 1248. – URL: <https://www.e-lawresources.co.uk/national-provincial-bank-v-ainsworth-1965> (дата обращения: 07.07.2024). – Текст : электронный.

34. По делу № 2024가합105225 : решение Суда центрального округа Чханвон от 30.10.2025 // Официальный портал судебной информации Верховного

Суда Республики Корея. – URL: <https://www.scourt.go.kr/portal/dcboard/DcNewsViewAction.work?seqnum=27535> (дата обращения: 20.02.2026). – Текст : электронный.

35. Об основах регулирования цифровых активов: законопроект № 2210736 от 11.06.2025 // Система информации о законопроектах Национального собрания Республики Корея. – URL: https://likms.assembly.go.kr/bill/billDetail.do?billId=PRC_T2R5S0Q6P0P5X0Y9W1W1V3V0U7C4C1 (дата обращения: 20.02.2026). – Текст : электронный.

36. Guidance 06/2024 Stablecoins: risks and challenges for issuers of stablecoins and banks providing guarantees / European Banking Authority (EBA). – URL: <https://www.eba.europa.eu/eba-publishes-guidance-stablecoins-risks-and-challenges-issuers-stablecoins-and-banks-providing> (дата обращения: 25.05.2024). – Текст : электронный.

37. Guidelines for enquiries regarding the regulatory framework for initial coin offerings (ICOs) / Swiss Financial Market Supervisory Authority (FINMA). – 16.02.2018. – URL: <https://www.finma.ch/en/news/2018/02/20180216-mm-ico-wegleitung/> (дата обращения: 25.07.2024). – Текст : электронный.

38. Initiative on Preventing Financial Risks Associated with NFTs / National Internet Finance Association of China (NIFA). – 2022. – URL: https://jrjgj.cq.gov.cn/zwx_208/jrzx/202204/t20220418_10629144_wap.html (дата обращения: 25.05.2024). – Текст : электронный.

39. ISO 22739:2020 Blockchain and distributed ledger technologies. – Vocabulary. – URL: <https://www.iso.org/obp/ui/#iso:std:iso:22739:dis:ed-2:v1:en> (дата обращения: 17.03.2025). – Текст : электронный.

40. Supplement to the guidelines for enquiries regarding the regulatory framework for initial coin offerings (ICOs) // Swiss Financial Market Supervisory Authority (FINMA). – 11.09.2019. – URL: <https://www.finma.ch/en/news/2019/09/20190911-mm-ico-wegleitung-supplement/> (дата обращения: 25.05.2024). – Текст : электронный.

41. ArbitrationLaw.com: Online Resource for International Arbitration // ArbitrationLaw. – URL: <https://arbitrationlaw.com/> (дата обращения: 07.07.2024). – Текст : электронный.

42. Гарантирование свободы и прав в цифровой среде. Объявление о принятии «Цифрового билля о правах» // Официальный сайт правительства Республики Корея. – 2023. – URL: <https://www.korea.kr/news/policyNewsView.do?newsId=148920752> (дата обращения: 23.02.2026). – Текст : электронный.

43. Южная Корея создаст систему защиты персональных данных // InfoWatch. – 2025. – URL: <https://www.infowatch.ru/analytics/daydzhesty-i-obzory/yuzhnaya-koreya-sozdast-sistemu-zaschity-personalnykh-dannykh> (дата обращения: 20.02.2026). – Текст : электронный.

Материалы судебной практики Российской Федерации

44. По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича : Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 № 2-П // Российская газета. – 2026. – № 21.

45. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Вютриха Василия Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 250 ГК РФ: Определение Конституционного Суда РФ от 16.03.2006 № 80-О // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 12.03.2024). – Текст : электронный.

46. О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 (ред. от 23.12.2025) // Российская газета. – 2017. – № 297.

47. О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 22.06.2021) // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. – 2016. – № 5.

48. По делу № 306-ЭС23-16081 : определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2023 по делу № А49-12153/2020 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.07.2025). – Текст : электронный.

49. По делу № 306-ЭС18-20653, А57-25248/2017 : определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.04.2019 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.07.2025). – Текст : электронный.

50. По делу № 308-КГ15-13732 : определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 04.02.2016 по делу № А32-45693/2014 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 12.03.2024). – Текст : электронный.

51. По делу № ВАС-3142/14 : определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25.03.2014 по делу № А45-30039/2012 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.04.2025). – Текст : электронный.

52. По делу № 10967/08 : постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 27.01.2009 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.07.2025). – Текст : электронный.

53. По делу № 1176/08 : постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 03.06.2008 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.07.2025). – Текст : электронный.

54. По делу № 5539/08 : постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 10.06.2008 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.07.2025). – Текст : электронный.

55. По делу № Ф07-18141/2024 : постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15.01.2025 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.04.2025). – Текст : электронный.

56. По делу № А40-156605/13 : постановление Арбитражного суда Московского округа от 18.05.2016 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.07.2025). – Текст : электронный.

57. По делу № А10-111/2024 : постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 31.07.2024 № 04АП-2373/2024 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.04.2025). – Текст : электронный.

58. По делу № А13-312/2023 : постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 08.02.2024 № 14АП-9864/2023 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.04.2025). – Текст : электронный.

59. По делу № А40-85060/2023 : постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 11.12.2023 № 09АП-73089/2023 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.04.2025). – Текст : электронный.

60. По делу № А65-16901/2020 : постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.05.2022 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 12.05.2024). – Текст : электронный.

61. По делу № А73-9046/2024: определение Арбитражного суда Хабаровского края от 18.05.2026 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.09.2026). – Текст : электронный.

62. По делу № А40-182321/2024 : решение Арбитражного суда города Москвы от 23.12.2024 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.06.2025). – Текст : электронный.

63. По делу № А40-11979/2024 : решение Арбитражного суда города Москвы от 24.07.2024 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.06.2025). – Текст : электронный.

64. По делу № А56-113644/2023 : решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 21.03.2024 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.06.2025). – Текст : электронный.

65. По делу № 33-11316/2025 : определение Ростовского областного суда от 28.07.2025 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 12.08.2025). – Текст : электронный.

66. По делу № 33-3520/2025 : определение Оренбургского областного суда от 17.06.2025 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.06.2025). – Текст : электронный.

67. По делу № 33-37892/2024 : определение Московского городского суда от 10.09.2024 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 12.05.2026). – Текст : электронный.

68. По делу № 33-6505/2023 : определение Санкт-Петербургского городского суда от 23.03.2023 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.06.2025). – Текст : электронный.

69. По делу № 22-3349/2023 : определение Иркутского областного суда от 04.10.2023 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 12.05.2024). – Текст : электронный.

70. По делу № 2-1367/2026 : решение Дзержинского районного суда г. Новосибирска от 05.03.2026 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 12.05.2026). – Текст : электронный.

71. По делу № 2-1694/2024 : решение Центрального районного суда г. Барнаула Алтайского края от 05.04.2024 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 12.05.2026). – Текст : электронный.

72. По делу № 02-7196/2023 : решение Савеловского районного суда г. Москвы от 19.01.2024 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 12.05.2026). – Текст : электронный.

73. По делу № 2-704/2022 : решение Октябрьского районного суда г. Ростова-на-Дону от 30.09.2022 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 12.05.2024). – Текст : электронный.

Научная и учебная литература на русском языке

74. Абрамова, Е. Н. К вопросу о понятии цифрового права как объекта гражданских прав / Е. Н. Абрамова // Юрист. – 2023. – № 1. – С. 54–60.

75. Адамович, В. И. Пособие к лекциям русского гражданского судопроизводства / В. И. Адамович. – СПб. : Книжный магазин А.Ф. Цинзерлинга, 1891. – 401 с.

76. Алексеев, С. С. Общая теория права. Курс в 2 томах / С. С. Алексеев. – М., 1982. – Т. 1 – 360 с.

77. Андреев, Ю. Н. Механизм гражданско-правовой защиты / Ю. Н. Андреев. – М., 2010. – 464 с.

78. Андреев, Ю. Н. О способах гражданско-правовой защиты / Ю. Н. Андреев // Гражданское право. – 2012. – № 4. – С. 3–6.

79. Анненков, К. Н. Начала русского гражданского права. Вып. 1 / К. Н. Анненков. – СПб., 1900. – 680 с.

80. Арефьев, Г. П. Понятие защиты субъективного права / Г. П. Арефьев // Процессуальные средства реализации конституционного права на судебную защиту. – 1982. – С. 15 – 18.

81. Асланян, Н. П. Основные проблемы разработки современного учения о защите гражданских прав / Н. П. Асланян // Защита частных прав: проблемы теории и практики: междунар. науч.-практ. конф., г. Иркутск, 12–20 апр. 2012 г. : материалы конф. – Иркутск, 2012. – С. 7–12.

82. Бабаев, А. И. Влияние сторонних сервисов на развитие гражданско-правового оборота в условиях цифровизации / А. И. Бабаев // Образование и право. – 2024. – № 12. – С. 422–424.

83. Басин, Ю. Г. Основы гражданского законодательства о защите субъективных гражданских прав / Ю. Г. Басин // Проблемы применения Основ гражданского законодательства и Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик. – Саратов, 1971. – С. 32–37.

84. Бегичев, А. В. Роль цифровизации во взаимодействии судебных и нотариальных органов в применении примирительных процедур / А. В. Бегичев // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2022. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-tsifrovizatsii-vo-vzaimodeystvii-sudebnyh-i-notarialnyh-organov-v-primenenii-primiritelnyh-protsedur> (дата обращения: 22.04.2025). – Текст : электронный.

85. Белалова, Г. А. Перспективы использования технологии блокчейн для улучшения финансовых транзакций / Г. А. Белалова // Экономика и социум. – 2026. – № 2-1. – С. 606–615.

86. Бирюков, А. С. Обеспеченные стейблкоины как цифровые права / А. С. Бирюков // Хозяйство и право. – 2025. – № 8 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 31.01.2026). – Текст : электронный.

87. Богданов, Е. А. Особенности охраны и защиты цифровых прав в Российской Федерации / Е. А. Богданов // Вестник экономической безопасности. – 2025. – № 4. – С. 13–17.

88. Борисова, Л. В. Электронное правосудие как форма судебной защиты в России / Л. В. Борисова // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 6. – С. 105–111.

89. Бочарова, Н. С. Защита цифровых прав / Н. С. Бочарова // Учение о гражданском процессе: настоящее и будущее : сборник докладов на I Международной научной конференции памяти М. К. Треушникова (Москва, 9 февраля 2022 г.) / под ред. В. В. Молчанова. – М., 2022. – С. 63–70.

90. Брагинский, М. И. Договорное право. Общие положения / под ред. М. И. Брагинского, В. В. Витрянского. – 3-е изд., стереотипное – М., 2001. – 848 с.
91. Братусь, С. Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории) / С. Н. Братусь. – М. : Городец-издат, 2001. – 215 с.
92. Вавилин, Е. В. Осуществление и защита гражданских прав / Е. В. Вавилин. – М. : Статут, 2016. – 630 с.
93. Вайпан, В. А. Понятие и правовая природа цифрового права / В. А. Вайпан // Право и бизнес. – 2024. – № 2 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 31.01.2026). – Текст : электронный.
94. Валеев, Д. Х. Гражданско-правовые средства в процессуальном механизме реализации прав граждан и организаций в исполнительном производстве / Д. Х. Валеев, М. Ю. Челышев // Исполнительное право. – 2009. – № 4. – С. 12–14.
95. Василевская, Л. Ю. Деликтная ответственность за нарушение цифровых прав: проблемы и перспективы развития / Л. Ю. Василевская // Гражданское право. – 2024. – № 2 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 31.01.2026). – Текст : электронный.
96. Василевская, Л. Ю. Иск о признании права: проблемы юридической квалификации / Л. Ю. Василевская // Право и бизнес : сб. статей I ежегодной Междунар. науч.-практ. конф., приуроченной к 80-летию со дня рождения профессора В. С. Мартемьянова / под ред. И. В. Ершовой. – М., 2012 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 12.05.2024). – Текст : электронный.
97. Васьковский, Е. В. Учебник гражданского права: выпуск 1. Введение и общая часть / Е. В. Васьковский. – Санкт-Петербург, 1894. – 169 с.
98. Витрянский, В. В. Недействительность сделок в арбитражно-судебной практике / В. В. Витрянский // Гражданский кодекс РФ: Проблемы. Теория. Практика. – М., 1998. – С. 131–153.
99. Власова, Е. Л. Цифровые права: теоретические и практические вопросы / Е. Л. Власова // Human Progress. – 2025. – № 11 (3). – С. 26.

100. Власова, Е. Л. Цифровые и информационные права / Е. Л. Власова, М. В. Давыдова // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 6. – С. 135–138.

101. Володина, Н. В. Дальнейшие перспективы развития цифрового права в современном обществе / Н. В. Володина // Современное право. – 2025. – № 8 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 31.01.2026). – Текст : электронный.

102. Волос, А. А. Цифровые права: некоторые проблемы толкования правил статьи 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. А. Волос // Банковское право. – 2024. – № 3 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 31.01.2026). – Текст : электронный.

103. Габов, А. В. Краудфандинг: законодательное оформление web-модели финансирования в контексте правовой доктрины и зарубежного опыта / А. В. Габов, И. А. Хаванова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2020. – № 1. – С. 28–44.

104. Головкин, Р. Б. «Цифровые права» и «цифровое право» в механизмах цифровизации экономики и государственного управления / Р. Б. Головкин, О. С. Амосова // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 2 (51). – С. 163–166.

105. Гонгало, Б. М. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права / Б. М. Гонгало, Л. А. Новоселова // Пермский юридический альманах. – 2019. – № 2. – С. 179–192.

106. Гордон, В. М. Иски о признании / В. М. Гордон. – Ярославль, 1906. – 370 с.

107. Гоц, Е. В. Развитие цифровой экосистемы авторского права и смежных прав: вымысел или реальность / Е. В. Гоц, И. А. Близнец // Юрист. – 2021. – № 9. – С. 12–18.

108. Гражданский кодекс Российской Федерации: постатейный комментарий к главам 1–5 / А. В. Барков, А. В. Габов, В. Г. Голубцов [и др.] ; под ред. Л. В. Санниковой. – М., 2015. – 662 с.

109. Гражданское право / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. – М., 2002. – Т. 1. – 1040 с.
110. Грибанов, В. П. Осуществление и защита гражданских прав / В. П. Грибанов. 2-е изд., стер. – М., 2001. – 411 с.
111. Гусева, А. А. Объект виндикации: проблемы правоприменения / А. А. Гусева // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 4. – С. 76–93.
112. Дерюгина, Т. В. К проблеме виндикации как способа защиты прав на цифровые и некоторые иные нематериальные объекты / Т. В. Дерюгина // Цивилист. – 2025. – № 3. – С. 14–19.
113. Ефимова, Л. Г. Цифровые активы и права на них в контексте изменения гражданского и банковского законодательства / Л. Г. Ефимова // Банковское право. – 2021. – № 5. – С. 7–20.
114. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – М., 2000. – 1088 с.
115. Жданова, О. А. Цифровые финансовые активы как инструменты финансирования деятельности компании / О. А. Жданова // Финансы. – 2022. – № 8. – С. 52–57.
116. Зайцев, В. В. Научная школа профессора В.Ф. Яковлева – школа экономического правосудия / В. В. Зайцев, О. В. Зайцев // Труды Института государства и права РАН. – 2026. – Т. 21, № 5. – С. 13–38.
117. Зайцев, О. В. Цифровое право в системе российского права / О. В. Зайцев // Lex Russica. – 2024. – № 77 (9 (214)). – С. 116–126.
118. Засемкова, О. Ф. О способах разрешения споров, возникающих из смарт-контрактов / О. Ф. Засемкова // Lex russica. – 2020. – № 4. – С. 9–20.
119. Захаров, А. В. Феномен цифрового права. Возможен ли Цифровой кодекс? / А. В. Захаров // Евразийская адвокатура. – 2025. – № 1 (72). – С. 154–156.
120. Защита гражданских прав: избранные аспекты: сборник статей / Ю. Н. Алферова, Ю. В. Байгушева, Ю. В. Виниченко [и др.] ; рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. – М., 2017. – 432 с.

121. Зверькова, Т. Н. Трансформация финансового посредничества под влиянием DeFi / Т. Н. Зверькова // Мир новой экономики. – 2026. – № 1. – С. 46–56.
122. Згонников П. П. О совершенствовании законодательства о способах защиты гражданских прав / П. П. Згонников // Российская юстиция. – 2019. – № 11. – С. 11–14.
123. Зорькин, В. Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума / В. Д. Зорькин. – URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html> (дата обращения 25.05.2024). – Текст : электронный.
124. Иванников, Ф. В. Юридические и неюридические средства механизма регулирования защиты прав граждан в условиях цифровой трансформации российской государственности / Ф. В. Иванников // Мировой судья. – 2025. – № 12. – С. 34–37.
125. Измайлова, Е. В. Защита гражданских прав: подходы к пониманию / Е. В. Измайлова // Пролог: журнал о праве. – 2018. – № 2. – С. 7–13.
126. Илларионова, Т. И. Система гражданско-правовых охранительных мер / Т. И. Илларионова // Избранные труды. – Екатеринбург, 2005. – 468 с.
127. Ионцев, М. А. О природе цифровых прав и низковолатильных цифровых валют / М. А. Ионцев // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 9 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 31.01.2026). – Текст : электронный.
128. Ионцев, М. А. Об особенностях правового режима различных видов цифровых финансовых активов и гибридных цифровых прав / М. А. Ионцев // Юридическая наука. – 2025. – № 2 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 31.01.2026). – Текст : электронный.
129. Карпова, Ю. С. Влияние цифровых технологий на принятие решений в цивилистическом процессе / Ю. С. Карпова // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 9 (172). – С. 94–95.

130. Карпова, Ю. С. Использование цифровых прав для трансграничных расчетов: анализ законодательных новелл / Ю. С. Карпова // Правовая политика и правовая жизнь. – 2024. – № 3. – С. 324–328.

131. Карпова, Ю. С. Право и цифровые технологии: проблемы соотношения / Ю. С. Карпова // Право и экономика. – 2022. – № 7. – С. 37–39.

132. Карпова, Ю. С. Правовое регулирование защиты цифровых активов: на примере аккаунта в социальной сети / Ю. С. Карпова // Юридическая наука. – 2023. – № 12. – С. 102–104.

133. Карпова, Ю. С. Разрешение споров с использованием технологии блокчейн: опыт Kleros / Ю. С. Карпова // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 5 (180). – С. 203–205.

134. Карпова, Ю. С. Содержание категории «средство защиты гражданских прав» и ее соотношение с категорией «способ защиты гражданских прав» / Ю. С. Карпова // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 10 (185). – С. 163–165.

135. Карпова, Ю. С. Соотношение категорий института защиты гражданских прав – формы и средства защиты гражданских прав / Ю. С. Карпова // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 8 (183). – С. 210–212.

136. Карпова, Ю. С. Сущность и содержание категорий, связанных с развитием цифровых технологий / Ю. С. Карпова // Закон и право. – 2022. – № 7. – С. 103–106.

137. Кархалев, Д. Н. Цифровые права в гражданском обороте / Д. Н. Кархалев // Сибирское юридическое обозрение. – 2022. – № 2. – С. 134–141.

138. Кириллова, Е. А. Институт цифровых прав в гражданском праве России / Е. А. Кириллова, Т. Э. Зульфагарзаде, С. Е. Метелев // Правоприменение. – 2022. – № 1. – С. 245–256.

139. Кирсанова, Е. Е. Правовое регулирование оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике : монография / Е. Е. Кирсанова. – М., 2022. – 228 с.

140. Ковязина, Н. М. О вопросе защиты цифровых прав / Н. М. Ковязина // Юрист. – 2022. – № 1. – С. 49–54.

141. Коллегия по спорам в сфере цифровой экономики. Арбитражный центр при РСПП. – URL: <https://arbitration-rspp.ru/about/boards/digital-disputes/> (дата обращения: 05.07.2024). – Текст : электронный.
142. Кот, А. А. Осуществление и защита субъективных гражданских прав: монография / А. А. Кот. – Харьков, 2019. – 512 с.
143. Кравченко, А. А. К вопросу о понятии способа защиты гражданских прав / А. А. Кравченко // Адвокат. – 2014. – № 7. – С. 22–30.
144. Красавчиков, О. А. Гражданское правоотношение - юридическая форма общественного отношения / О. А. Красавчиков // Категории науки гражданского права: Избранные труды : в 2 томах. .– М., 2005. – Т. 1. – С. 7–25.
145. Краснова, С. А. Гражданско-правовой статус операторов онлайн-платформ: неопределенное настоящее и возможное будущее / С. А. Краснова // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2022. – № 1. – С. 67–82.
146. Кузнецова, Н. С. Защита субъективных гражданских прав и гражданско-правовая ответственность: вопросы соотношения / Н. С. Кузнецова // Защита гражданских прав: Избранные аспекты : сб. ст. – М., 2017. – С. 91–103.
147. Курбанов, Р. А. Статус оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов / Р. А. Курбанов, К. И. Налетов // Журнал российского права. – 2022. – № 12. – С. 45–57.
148. Курбатов, А. Я. Предпринимательское право: проблемы теории и правоприменения : монография / А. Я. Курбатов. – М., 2022. – 244 с.
149. Ладенков, Н. Е. Цифровая подсистема права: зарождение и проявление / Н. Е. Ладенков // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 9. – С. 8–12.
150. Лаптев, В. А. Цифровые активы как объекты гражданских прав / В. А. Лаптев // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 2. – С. 199–204.
151. Левинзон, В. С. Правовое регулирование виртуального имущества / В. С. Левинзон, Р. К. Митин // Закон и право. – 2020. – № 5. – С. 39–42.

152. Левушкин, А. Н. Актуальные проблемы эффективности частного права: монография / К. А. Абдуллаев, Э. Б. Абдуряхимова, С. В. Алборов [и др.] ; отв. ред. А. Н. Левушкин, Э. Х. Надысева. – М. : Юстицинформ, 2022. – 464 с.
153. Лескова, Ю. Г. Правовосстановительные способы защиты корпоративных цифровых прав / Ю. Г. Лескова, В. В. Ванин // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2022. – № 7. – С. 70–75.
154. Липчанская М. А., Отставнова Е. А. Конституционно-правовые и нравственные основы использования искусственного интеллекта в реализации социальных прав и свобод человека / М А. Липчанская, Е. А. Отставнова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2020. – № 3 (134). – С. 69–78.
155. Липчанская, М. А. Цифровые права человека и гражданина: конституционное измерение / М. А. Липчанская // Государственная служба. – 2020. – № 4. – С. 37–41.
156. Лоренц, Д. В. Цифровые права в сфере недвижимости: юридическая природа и способы защиты / Д. В. Лоренц // Российская юстиция. – 2020. – № 2. – С. 57.
157. Максимов, В. А. Способы защиты субъективных гражданских прав и интересов / В. А. Максимов // Ленинградский юридический журнал. – 2017. – № 1. – С. 76–83.
158. Малеин, Н. С. Гражданский закон и право личности / Н. С. Малеин. – М., 1981. – 216 с.
159. Малеин, Н. С. Охрана прав личности советским законодательством / Н. С. Малеин. – М., 1985. – 163 с.
160. Мограбян, А. С. Цифровые права как объекты гражданских прав в России / А. С. Мограбян // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 10. – С. 141–147.
161. Монгуш, Б. С. Категория «правовые средства» применительно к защите субъективного гражданского права / Б. С. Монгуш // Семейное и жилищное право. – 2012. – № 2. – С. 43–44.

162. Морозова, И. Г. К вопросу о классификации цифровых прав / И. Г. Морозова, С. И. Курпякова // Хозяйство и право. – 2022. – № 11. – С. 18–28.
163. Муратова, Д. А. Правовая природа способа защиты гражданских прав / Д. А. Муратова // Российская юстиция. – 2009. – № 4. – С. 16–20.
164. Мурзин, Д. В. Виндикационная модель защиты исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности / Д. В. Мурзин // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2021. – № 2 (32). – С. 103–109.
165. Нестеров, А. В. О цифровых правах и объектах цифровых прав / А. В. Нестеров // Право и цифровая экономика. – 2020. – № 1. – С. 11–16.
166. Новоселова, Л. А. Цифровые права как новый объект гражданского права / Л. А. Новоселова, А. В. Габов, А. И. Савельев, А. С. Генкин А. С. [и др.] // Закон. – 2019. – № 5. – С. 31–54.
167. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2024 год и период 2025 и 2026 годов : разработаны Банком России // Вестник Банка России. – 2024. – № 5. – 93 с.
168. Основные показатели деятельности платформенных сервисов // Официальный сайт Банка России. – 2026. – URL: <https://www.cbr.ru/statistics/ifr/> (дата обращения: 16.06.2026). – Текст : электронный.
169. Остапюк, Н. В. Понятие и формы защиты гражданских прав. Особенности нотариальной защиты гражданских прав / Н. В. Остапюк // Юрист. – 2006. – № 4. – С. 20–23.
170. Павлов, А. А. Присуждение к исполнению обязанности как способ защиты гражданских прав / А. А. Павлов. – СПб., 2001. – 203 с.
171. Павлова, Д. А. Особенности осуществления цифровых прав / Д. А. Павлова // Юрист. – 2023. – № 3. – С. 8–13.
172. Попондопуло, В. Ф. Правовые формы цифровых отношений / В. Ф. Попондопуло // Юрист. – 2019. – № 6. – С. 29–36.
173. Прошунин, М. М. Публичное фондовое и деривативное право как институт финансового права / М. М. Прошунин // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2019. – № 4. – С. 533–545.

174. Пугинский, Б. И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях / Б. И. Пугинский. – М., 1984. – 224 с.
175. Путин, В. В. О цифровой трансформации России / В. В. Путин // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/10172635> (дата обращения: 07.07.2024). – Текст : электронный.
176. Решетняк, С. Р. Классификация цифровых прав / С. Р. Решетняк // Вестник экспертного совета. – 2021. – № 1 (24). – С. 95–105.
177. Рожкова, М. А. Средства и способы правовой защиты сторон коммерческого спора / М. А. Рожкова. – М., 2006. – 416 с.
178. Рожкова, М. А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым / М. А. Рожкова // Закон.ру. – URL: https://zakon.ru/blog/018/06/13/cifrovye_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnosit_sya_virtualnoe_s_cifrovym (дата обращения: 08.04.2023). – Текст : электронный.
179. Рожкова, М. А. Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в российском гражданском праве / М. А. Рожкова // Хозяйство и право. – 2020. – № 10. – С. 3–14.
180. Руденко, Е. Ю. К вопросу о понятии цифровых прав как объектов гражданских правоотношений / Е. Ю. Руденко // Гражданское право. – 2021. – № 4. – С. 7–10.
181. Савельев, А. И. Некоторые риски токенизации и блокчейнизации гражданско-правовых отношений / А. И. Савельев // Закон. – 2018. – № 2. – С. 36–51.
182. Сакара, Н. Ю. Проблема доступности правосудия по гражданским делам / Н. Ю. Сакара. – Харьков, 2010. – 256 с.
183. Сакун, О. В. К вопросу о понятии категории «Защита гражданских прав и законных интересов» / О. В. Сакун // Сибирский юридический вестник. – 2011. – № 1. – С. 68–74.
184. Санникова, Л. В. Цифровые активы: правовой анализ : монография / Л. В. Санникова, Ю. С. Харитонова. – М., 2020. – 302 с.

185. Свалова, Н. А. Понятие, юридическая природа и особенности гражданского оборота цифровых прав по российскому законодательству / Н. А. Свалова, Е. В. Елфимова // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 7. – С. 653–656.
186. Семенов, В. В. Способы защиты гражданских прав в контексте Конституции и Гражданского кодекса / В. В. Семенов // Адвокатская практика. – 2018. – № 4. – С. 23–25.
187. Степин, А. Б. Основные элементы и стадии механизмов защиты гражданских прав: вопросы теории и практики / А. Б. Степин // Российский судья. – 2020. – № 7. – С. 16–19.
188. Сулейменов, М. К. Защита гражданских прав / М. К. Сулейменов // Избранные труды по гражданскому праву. – М., 2006. – С. 147–189.
189. Суркова О. Е. К вопросу о формировании цифрового права / О. Е. Суркова, Т. С. Бобкова // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № (6). – С. 275–277.
190. Суслова, С. И. Объекты гражданских прав в условиях формирования информационного пространства России / С. И. Суслова, У. Б. Филатова // Пролог: журнал о праве. – 2019. – № 2. – С. 8–15.
191. Суханов, Е. А. О вещном праве собственности и «цифровых правах» / С. Д. Могилевский, О. В. Шмалый, И. А. Емелькина // Интеграция науки и образования в условиях цифровой трансформации : монография : в 3 томах. – М., 2022. – Т. 3. – 350 с.
192. Суханов, Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» / Е. А. Суханов // Вестник гражданского права. – 2021. – № 6. – С. 7–29.
193. Суханов, Е. А. Социальное лицо гражданского права (к постановке вопроса) / Е. А. Суханов // Гражданское право социального государства : сборник статей, посвященных 90-летию со дня рождения профессора А. Л. Маковского (1930–2020) / А. Г. Архипова, А. В. Анисимов, В. В. Безбах [и др.] ; отв. ред. В. В. Витрянский, Е. А. Суханов. – М., 2020. – 480 с.

194. Талапина, Э. В. Вновь о цифровых правах / Э. В. Талапина // Конституционное и муниципальное право. – 2025. – № 12 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2026). – Текст : электронный.
195. Талапина, Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы / Э. В. Талапина // Журнал российского права. – 2018. – № 2. – С. 5–17.
196. Талапина, Э. В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху / Э. В. Талапина // Труды Института государства и права РАН. – 2019. – № 3. – С. 122–146.
197. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – М., 2001. – 528 с.
198. Тикиджи, А. Э. Влияние процесса цифровизации на социальную среду в России / А. Э. Тикиджи // Государственная власть и местное самоуправление. – 2024. – № 8. – С. 46–49.
199. Тихомиров, Ю. А. Право и виртуальное пространство: монография / Ю. А. Тихомиров, Л. Н. Васильева, О. О. Журавлева [и др.] ; отв. ред. Ю. А. Тихомиров. – М., Проспект, 2025. – 176 с.
200. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М., 1997. – 944 с.
201. Туктамышев, В. Д. Арбитрабельность споров с цифровой валютой / В. Д. Туктамышев // Арбитражный и гражданский процесс. – 2023. – № 5. – С. 3–7.
202. Федоров, Д. А. Признание права как способ защиты цифровых прав / Д. А. Федоров // Теория и практика общественного развития. – 2025. – № 11. – С. 292–300.
203. Фейзрахманова, Д. Р. К вопросу о соотношении понятий «форма», «способ» и «средство» защиты корпоративных прав участников акционерных обществ / Д. Р. Фейзрахманова // Юрист. – 2017. – № 12. – С. 32–37.
204. Фроленко, Н. А. Особенности и защита цифровых прав в нормах гражданского законодательства / Н. А. Фроленко, Ю. В. Осипова // Вестник науки. – 2024. – № 2. – С. 179–183.

205. Фролова, Е. Е. Способы волеизъявления сторон в условиях цифровой трансформации: актуальные тренды правоприменения / Е. Е. Фролова, А. М. Берман // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2024. – № 3. – С. 57–83.
206. Хабиров, А. И. Средства, способы и формы гражданско-правовой защиты прав сторон по договору займа: теоретический аспект / А. И. Хабиров // Вестник гражданского процесса. – 2018. – № 6. – С. 226–259.
207. Хогеманн, Э. Р. Государственная политика развития общества через призму цифрового права / Э. Р. Хогеманн // Право и цифровая экономика. – 2025. – № 1. – С. 5–15.
208. Храмушин, В. В. Защита конституционных прав граждан в арбитражном процессе: предпосылки, сущность и формы / В. В. Храмушин // Вестник СГЮА. – 2016. – № 4 (111). – С. 248–252.
209. Цветкова, Е. С. Нотариальная охрана цифровых прав участников корпораций / Е. С. Цветкова // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 11. – С. 154–163.
210. Целовальникова, И. Ю. Правовое регулирование предоставления услуг с использованием инвестиционных платформ и защита прав потребителей / И. Ю. Целовальникова // Современный юрист. – 2020. – № 3. – С. 126–159.
211. Цифровое наследие : национальный портал. – URL: <https://цифровое-наследие.рф> (дата обращения: 21.08.2024).
212. Чеговадзе, Л. А. О целях и способах защиты гражданских прав / Л. А. Чеговадзе, Т. В. Дерюгина // Цивилист. – 2022. – № 2. – С. 37–45.
213. Чечот, Д. М. Субъективное право и формы его защиты / Д. М. Чечот. – Ленинград, 1968. – 72 с.
214. Шиткина, И. С. Бизнес современной России: новые проблемы и пути их преодоления / И. С. Шиткина // Право и бизнес. – 2023. – № 3. – С. 4–15.
215. Щелокова, А. А. Понятие цифровой формы объектов гражданских прав / А. А. Щелокова // Гражданское право. – 2021. – № 4. – С. 11–13.

216. Юзефович, Ж. Ю. Проблема способов защиты гражданских прав в свете развития цифровых правоотношений / Ж. Ю. Юзефович // Юрист. – 2020. – № 12. – С. 40–45.

217. Юзефович, Ж. Ю. Цифровые права как объекты гражданских прав / Ж. Ю. Юзефович, В. Е. Хазова // Гражданское право. – 2022. – № 5. – С. 15–18.

Научная литература и иные источники на иностранных языках

218. Allen, D. The Governance of Blockchain Dispute Resolution / D. Allen, M. Poblet. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3334674 (дата обращения: 04.07.2023). – Текст : электронный.

219. Bhandari, M. K. Digital Rights and Responsibilities in the Era of Digital Revolution / M. K. Bhandari // LinkedIn. – 2025. – URL: <https://www.linkedin.com/pulse/digital-rights-responsibilities-era-revolution-bhandari-tnghe> (дата обращения: 20.02.2026). – Текст : электронный.

220. Coccoli, J. The Challenges of New Technologies in the Implementation of Human Rights: An Analysis of Some Critical Issues in the Digital Era / J. Coccoli // Peace Human Rights Governance. – 2017. – Vol. 1, iss. 2. – P. 223–250.

221. De Filippi, P. Blockchain and the Law: The Rule of Code / P. De Filippi, A. Wright. – Cambridge, 2018. – 28 p.

222. Financial Law As A Public Law Branch: A Fresh Look At The Signs of Publicity // Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues. – 2019. – Т. 22, № 55. – 12 p.

223. Five ministries and commissions including the People's Bank of China issued a notice on preventing Bitcoin risks // The Central People's Government of the People's Republic of China. – 2013. – URL: http://www.gov.cn/gzdt/2013-12/05/content_2542751.htm (дата обращения: 24.05.2024). – Текст : электронный.

224. Gao, Y. Why Human Rights Are Important in the Digital Age: On Digital Human Rights as a Value System / Y. Gao // Modern Law Science. – 2022. – Т. 3. – P. 150–159.

225. Global Digital Economy Forecast, 2023 To 2028 / M. O'Grady, D. Hoffman, I. Jacobs [et al.] // Forrester. – 2024. – URL: <https://www.forrester.com/report/global-digital-economy-forecast-2023-to-2028/RES181192> (дата обращения: 21.08.2024). – Текст : электронный.

226. Holden, R. Can Blockchain Solve the Holdup Problem in Contracts / R. Holden, A. Malani // University of Chicago Coase-Sandor Institute for Law & Economics. Working Paper. – 2018. – N 846. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3278527 (дата обращения: 04.07.2023). – Текст : электронный.

227. Karpova, J. Remote Justice Procedures during the COVID-19 Pandemic in the Russian Federation / J. Karpova, O. Miroshnichenko. – DOI 10.1007/978-3-031-34256-1_15 // Advances in Science Technology and Innovation. – 2023. – Part F1589. – P. 83–88.

228. Kim, Yong-tae. Analysis and Forecast of 10 Key Issues in the Korean Virtual Asset Industry for 2026 Contracts / Yong-tae Kim, Bo-hyun Lee, Soo-young Woo [et al.] // Hwawoo (Law Firm). – 2026. – URL: <https://www.hwawoo.com/kor/insights/newsletter/14524> (дата обращения: 20.02.2026). – Текст : электронный.

229. Kleros: справедливый и быстрый арбитраж для всего: децентрализованная платформа арбитража на базе блокчейн. – URL: <https://kleros.io/> (дата обращения: 07.07.2024). – Текст : электронный.

230. Lee, Gyu-cheol. The Legal Status of Digital Assets and Implications of the Electronic Securities Act / Gyu-cheol Lee // Law Plaza. – 2025. URL: <https://www.lawtimes.co.kr/news/articleView.html?idxno=211886> (дата обращения: 20.02.2026). – Текст : электронный.

231. Lee, J.-m. Key Issues Related to Stablecoin Issuance Before Phase 2 of Digital Asset Legislation / J.-m. Lee // Legal Times. – 2026. – URL: <https://www.lawtimes.co.kr/news/articleView.html?idxno=214986> (дата обращения: 20.02.2026). – Текст : электронный.

232. Lee, Sung-yup. Three New Rights in the Digital Age / Sung-yup Lee // Korea International Trade Association (KITA). – URL: <https://www.kita.net/board/>

totalTradeNews/totalTradeNewsDetail.do;JSESSIONID_KITA=23A1182833AD49468F818ACD7A163132.Hyper?no=86602&siteId=1 (дата обращения: 20.02.2026). – Текст : электронный.

233. Lehot, L. The Law of Tokenomics, Revisited / L. Lehot, P. Daugherty // Foley & Lardner LLP. – 2022, 25 January. – URL: <https://www.foley.com/insights/publications/2022/01/law-tokenomics-revisited/> (дата обращения: 07.07.2024). – Текст : электронный.

234. Luo, Y. On Digital Rights: Theoretical Interpretation and System Construction / Y. Luo // E-Government. – 2023. – Т. 5. – P. 50–67.

235. Mell, P. Understanding Stablecoin Technology and Related Security Considerations : NIST Interagency/Internal Report (NISTIR) 8408 / P. Mell, D. Yaga ; National Institute of Standards and Technology. – Gaithersburg, MD, 2023. – URL: <https://doi.org/10.6028/NIST.IR.8408> (дата обращения: 25.05.2024). – Текст : электронный.

236. Pleskach, M. The Concept and Role of Digitalization in the Realization of the Human Right to Education: a Comparative Legal Perspective / M. Pleskach // 14th International Conference on Advanced Computer Information Technologies (ACIT), Ceske Budejovice, Czech Republic, 2024. – P. 858–865. – URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/The-Concept-and-Role-of-Digitalization-in-the-of-to-Pleskach/af1cf64539de6136cc8ae3c668aa2b72fb7aa720> (дата обращения: 25.05.2024). – Текст : электронный.

237. Research on digital heritage legislation reform // KICJ Korean Institute of Criminology and Justice. – 2025. – URL: https://kicj.re.kr/board.es?act=view&bid=0029&list_no=16082&mid=a20601010300 (дата обращения: 20.02.2026). – Текст : электронный.

238. Qin, M. The Arbitrage Strategy for Cryptocurrency: Principle and Feasibility Based on Blockchain Technology / M. Qin // Conference Paper. – 2023, Jan. – 24 p. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4328882 (дата обращения: 04.07.2023). – Текст : электронный.

239. Sadykhov, R. Decentralized token economy theory (DeTEcT): token pricing, stability and governance for token economies / R. Sadykhov, G. Goodell, D. De Montigny, M. Schoernig, P. Treleaven // *Frontiers in Blockchain*. – 2023. – Vol. 6. – Article 1298330. – URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fbloc.2023.1298330/full> (дата обращения: 07.07.2024). – Текст : электронный.

Диссертации и авторефераты диссертаций

240. Аносов, А. В. Информационно-правовые вопросы формирования электронного правосудия в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.13 / Аносов Александр Владимирович. – М., 2016. – 179 с.

241. Белова, Л. В. Правовые средства и формы защиты экономических интересов : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Белова Лилия Васильевна. – Самара, 2006. – 217 с.

242. Болгова, В. В. Формы защиты субъективного права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Болгова Виктория Владимировна. – Уфа, 2000. – 240 с.

243. Буш, И. А. Защита прав участников арендных отношений по российскому законодательству : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Буш Ирина Андреевна. – Саратов, 2011. – 205 с.

244. Вершинин, А. П. Способы защиты гражданских прав в суде : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Вершинин Александр Павлович. – СПб., 1998. – 478 с.

245. Витрянский, В. В. Проблемы арбитражно-судебной защиты гражданских прав участников имущественного оборота : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Витрянский Василий Владимирович. – М., 1996. – 57 с.

246. Зубовский, Г. Б. Гражданско-правовая защита прав предпринимателей в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Зубовский Георгий Борисович. – М., 2002. – 163 с.

247. Карцхия, А. А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Карцхия Александр Амиранович. – М., 2019. – 394 с.

248. Латыпов, Д. Н. Система способов защиты гражданских прав в Российской Федерации : дис. ... доктора юридических наук : 5.1.3. / Латыпов Денис Наилевич. – Пермь, 2022. – 482 с.

249. Лушина, И. А. Бесспорный порядок взыскания денежных средств как форма защиты гражданских прав : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Лушина Ирина Андреевна – М., 2006. – 183 с.

250. Мефодьева, К. А. Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Мефодьева Кристина Александровна. – М., 2019. – 228 с.

251. Мильков, А. В. Правовое регулирование защиты гражданских прав и правовых интересов : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Мильков Александр Васильевич. – М., 2015. – 442 с.

252. Михайлова, Е. В. Процессуальные формы защиты субъективных гражданских прав, свобод и законных интересов в Российской Федерации (судебные и несудебные) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Михайлова Екатерина Владимировна. – М., 2013. – 400 с.

253. Павлова, Д. А. Цифровые права как объект частноправового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.3. / Павлова Дария Андреевна. – Санкт-Петербург, 2025. – 210 с.

254. Русакова, Е. П. Воздействие цифровизации на гражданское судопроизводство в России и за рубежом: опыт Китая, Индии, Сингапура, Европейского Союза, США, ЮАР и некоторых других стран : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.15 / Русакова Екатерина Петровна. – М., 2022. – 375 с.

255. Стоякин, Г. Я. Меры защиты в советском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Стоякин Геннадий Яковлевич. – Свердловск, 1973. – 199 с.

256. Тычинин, С. В. Гражданско-правовые способы защиты прав граждан и организаций при чрезвычайных ситуациях : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Тычинин Сергей Владимирович. – СПб., 1996. – 191 с.